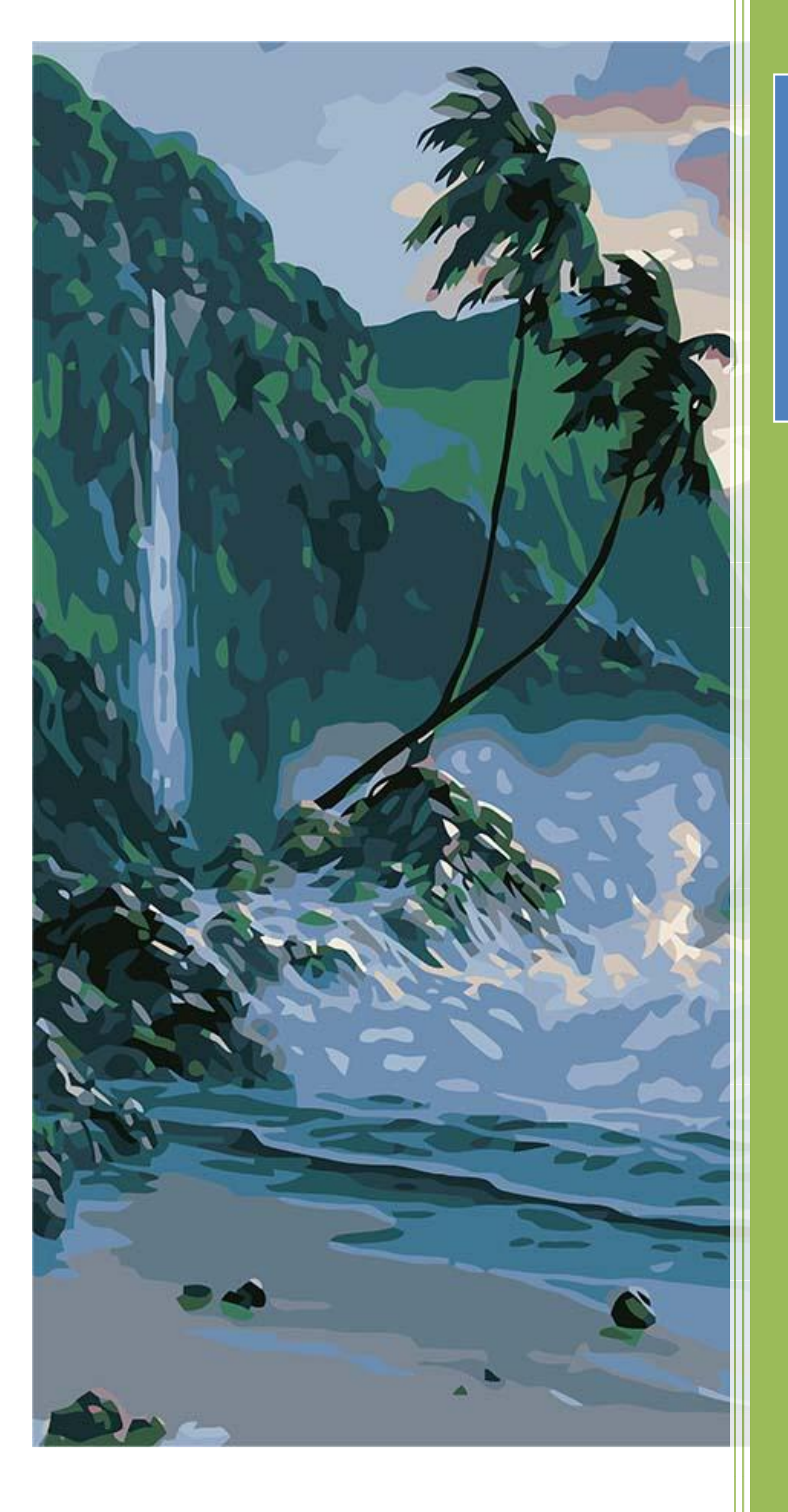

Лейла на острове

Энн Фрейзер Тайтлер

перевел Самойлов Р.

Оглавление

Глава 1 3
Глава 2 7
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 20
Глава 6 27
Глава 7 32
Глава 8 36
Глава 9 40
Глава 10 43
Глава 11 46
Глава 12 49
Глава 13 54
Глава 14 61
Глава 15 71
Глава 16 75
Глава 17 79

Глава 1

Море все еще несло на себе следы недавнего шторма, тяжелая волна била по берегу отвесного мыса, далеко вдававшегося в океан, разбегались волны, бешено швыряя свою белую пену высоко в голубое небо. Но ветер стих, и среди темной массы пышной листвы, которая время от времени нависала над утесом, едва шевелился листок. Мягко вздымающиеся холмы и улыбающиеся долины лежали под светом яркого солнца. Ни человеческого жилья, ни лесной тропинки не было видно. И насколько хватало глаз, на берегу виднелась только одна одинокая группа, состоявшая из того, кто уже миновал расцвет юности, но в благородных чертах его лица и изящной фигуре угадывалось высокое происхождение; рядом с ним стояла пожилая женщина в платье служанки. Оба с тревогой склонились над безжизненным телом прекрасного ребенка. Прошли часы в их неустанных попытках оживить предмет их беспокойной заботы, но до сих пор все было тщетно, и глубочайшее уныние отразилось на лице отца, ибо таков он был. Коричневый водяной спаниель, лежавший рядом с ними, довершал эту меланхолическую компанию, и, казалось, не был равнодушным зрителем этой сцены. Он подкрадывался все ближе и ближе к предмету их заботы, как бы желая передать ему частицу своей жизни и тепла, и, не сводя глаз с бледного лица ребенка, время от времени издавала тихий печальный вой.

- Дэш, мой верный друг, ты напрасно рисковал жизнью. Лейла, мой ребенок, мой ребенок! О, если бы я тоже погиб! Прости меня, небесный Отец! О, научи меня говорить: «Да будет воля Твоя!»

Затем наклонившись и отбросив каштановые локоны, которые скрывали милое лицо ребенка, он запечатлел нежный поцелуй на её бледных губах; но, неожиданно вздрогнув, он воскликнул:

- Приподнимите голову еще немного - нежно, нежно, няня - этого будет достаточно. Было слабое движение, я уверен, что было.

Мистер Говард продолжал дышать в легкие, усилия обоих возобновились, и через значительный промежуток времени они увенчались успехом. С глубоким вздохом Лейла открыла глаза, и, пристально глядя на своего отца, воскликнула:

- Где я, папа? О, спаси меня, спаси меня!

- Ты в безопасности, дитя мое, ты с папой и няней; твой небесный Отец спас тебя, и вот твой храбрый Дэш, которого Бог сделал орудием твоей безопасности. Да, без твоих усилий, мой верный друг, этот хрупкий плот никогда бы не достиг берега». Пес посмотрел хозяину в лицо и, заискивая то перед ним, то перед Лейлой, казалось, разделял всеобщую радость.

- А теперь, няня, — воскликнул мистер Говард, когда по прошествии некоторого времени на щеках Лейлы проступил легкий румянец, - понаблюдайте за моей дорогой, пока я схожу за водой из этого благословенного источника. Смотрите, — продолжал он, указывая на небольшой прозрачный ручеек, падавший на соседнюю скалу, - мне не придется далеко идти - несколько капель вина оживят ее; как мы должны быть благодарны, что сундуки тоже спасены, ибо я подозреваю, что мы находимся на необитаемом острове.

- Боже милостивый! - воскликнула няня, - что с нами будет?

- Время ли, - мягко ответил мистер Говард, - сомневаться в заботе Отца? Разве Он не принес воды из каменной скалы? не может ли он также накрыть для нас стол в пустыне?

Лейла, казалось, пришла в себя от освежающего сквозняка настолько, что мистер Говард, подняв ее на руки и сопровождаемый няней, начал подниматься по утесу. Он надеялся найти тень от удушливого полуденного солнца, а также найти среди цепи низких скал, нависавших над пляжем, какую-нибудь уютную пещеру, где они могли бы укрыться на ночь. Некоторое время поиски были тщетны, но, усадив няню в тени высокого дерева и заключив Лейлу в её объятия, он осторожно двинулся вперед. Скалы в этой части поднимались почти перпендикулярно, образуя как бы стену, обращенную к морю, оставляя узкую тропинку или террасу, которая сразу же нависала над утесом. Он почти достиг конца этой цепи, не обнаружив даже впадины, которая могла бы дать временное убежище, как вдруг из отверстия в скале над его головой вылетела птица. С некоторым трудом он поднялся на высоту проема; он был слишком мал, чтобы впустить кого-нибудь. Но, бросив туда мелкие осколки камня, Говард убедился, что там должна быть глубокая впадина. Осмотр противоположной стороны этой части скалы, в надежде найти вход в эту впадину, стал его непосредственной целью; и, поспешив к концу цепи, он ускорил шаг, и перед ним предстала картина необычной красоты. У подножия лесистого холма раскинулась роскошная долина, пересеченная чистым журчащим ручьем. Вокруг многих деревьев гроздьями росли виноградные лозы, и виноград, теперь в расцвете сил, свисал густыми гроздьями. Скалы на противоположной стороне острова были частично покрыты кустарником и различными ползучими растениями, и за веткой этого подлеска, свисавшей на землю, мистер Говард обнаружил отверстие; оно было недостаточно высоко, чтобы пропустить его. Но согнувшись почти вдвое, он прополз немного на четвереньках. Пространство значительно расширялось, и, насколько он мог судить по почти полной темноте, окружавшей его, он очутился в довольно обширной пещере. Так как в скале не было видно отверстия, то это не могло быть углублением, которое он искал; но, заметив на земле слабый луч света, он направился по нему к отверстию и, пройдя немного по узкому проходу, внезапно очутился в просторной пещере с высоким сводчатым потолком. Лучи яркого солнца, пробиваясь сквозь отверстие, падали на стены пещеры, в которых отражалось множество ярких красок, а пол был покрыт мелким сверкающим гравием, который казался совершенно свободным от влаги. С сердцем, переполненным благодарностью за благословение, последовавшее за его спасением, он поспешил туда, где оставил своего ребенка. Так как она все еще пребывала в состоянии крайнего изне-

можения, он счел целесообразным немедленно перенести ее во внутреннюю пещеру и там, с помощью кормилицы, устроить ей такую постель, в какой это позволяли обстоятельства.

А теперь, мои юные друзья, так как я знаю, что вы любите очень подробные описания, я не только расскажу вам, как была приготовлена маленькая кровать Лейлы, но и упомяну все другие обстоятельства, касающиеся ее, которые, как мне кажется, могут вас заинтересовать. В страшном шторме, бушевавшем целых три дня, корабль, на котором Лейла и ее отец направлялись в Англию, сильно отклонился от намеченного курса, и тогда, потеряв грот-мачту, судно ударилось о скрытую скалу. Опасность показалась такой неминуемой, что команда и другие пассажиры, невзирая на темноту и бушующее море, с необдуманной поспешностью бросились к баркасу. Но мистер Говард, считая спасение таким способом почти невозможным, решил остаться на борту в надежде, что ветер утихнет и рассвет, который должен был вот-вот наступить, позволит ему предпринять дальнейшие усилия для их спасения. Не сознавая, в каком состоянии мог находиться корабль, он напряг все силы своего сильного разума, чтобы справиться с опасностями их положения. Связав несколько досок, он соорудил плот и, поспешно собрав кое-что из еды и одежды в два больших сундука, крепко привязал их к плоту и, говоря прекрасным языком Писания, "возжелал дня".

Ветер теперь значительно утих и, не прошло и часа, совсем стих. А когда наступило утро, он с чувством глубочайшей благодарности обнаружил, что они находятся на очень близком расстоянии от острова, лежащего к юго-западу, и что ветер, который теперь был не более чем легким ветерком, направляется прямо к берегу. Опасаясь, как бы прилив не поднял корабль со скалы и не унес их дальше от острова, он почувствовал, что нельзя терять времени и стал пытаться добраться до берега. Маленькая лодка была оторвана от корабля в результате шторма, к плоту он должен был отнести свое сокровище. Но Лейла, хотя ей только что исполнилось восемь лет, уже привыкла возносить свое юное сердце к Тому, Кто мог управлять штормом, и говорить сердитым волнам: "успокойся", и она безропотно подчинилась всему, что говорил ей отец. Два шелковых одеяла, на которых они спали, были расстелены на плоту, и Лейла с нянькой, завернутые в лодочные плащи, были крепко привязаны к нему вместе с остальным постельным бельем. А мистер Говард, привязав себя веревкой к одному из сундуков и оставив руки свободными, вверил себя и всех самых дорогих ему людей заботам небес. Борьба была долгой и страшной. Гигантские волны, подняв хрупкий плот на свои вздувшиеся гребни, обрушились на несчастную команду, не оставив почти никакой надежды спастись от водной могилы. Но все же судно поднялось на поверхность, и верный Дэш, прыгнувший в него, взял в рот конец веревки, которую бросил ему хозяин, и, прыгнув в море, помог ему добраться до берега с почти нечеловеческим искусством. Тогда после периода сильного беспокойства отец перенес тело своего тогдашнего неживого ребенка в относительно безопасное место.

А теперь, высадив нашу компанию на берег, вернемся к Лейле и ее кроватке. К этому времени теплое солнце высушило постельное белье, и мистер Говард, заметив, что у подножия скал растет высокая сухая трава, принялся собирать ее и дал няне часть, чтобы та приготовила себе ложе. Затем он выбрал угол в пещере, где скала, которая немного выступала, образовала своего рода балдахин над головой, и, разбросав траву по земле, положил на нее шелковое одеяло. Затем накрыв Лейлу остальной частью. постельного белья, он опустился на колени рядом с ней, и в пылкой молитве изливал излияния своего благодарного сердца за ее милосердное спасение. Он искренне молился о том, чтобы существо, столь чудесно сохранившееся, было посвящено служе-

нию небесам, чтобы с помощью Святого Духа он смог воспитать ее в красоте святости. И чтобы среди мира разнообразных удовольствий (если она будет возвращена туда снова), или на этом уединенном острове, она могла бы когда-нибудь с нетерпением ожидать небесного дома, купленного для нее любовью Спасителя. И ради той радости, «которой глаз не видел и ухо не слышало, и не вошло в сердце человека понять, что уготовано Богом для любящих Его».

Девочка не смогла повторить своих обычных молитв, но, казалось, слушала папу, потому что, когда он, наклонившись, поцеловал ее в щеку и нежно благословил, она на мгновение подняла глаза и, слабо улыбаясь, пробормотала еле слышным голосом: "слава Богу, что и папу спасли", - и, закрыв глаза, как будто снова заснула. Чувствуя крайнюю слабость ее пульса, мистер Говард не мог не тревожиться за нее и, думая, что теперь он мог бы дать ей немного больше пищи, он поспешил на берег, где оставил сундуки. Они были слишком тяжелыми, чтобы их можно было перенести, пока их содержимое не облегчилось, но, взяв банку аррорута*, несколько печенья, бутылку вина и маленький буфет, он вернулся в пещеру.

Каким бы коротким ни было его отсутствие, оно оказалось слишком долгим для стойкости бедной няни. Солнце уже зашло, и бледное лицо Лейлы казалось еще бледнее. «Для чего сохранен дорогой ребенок?» - пробормотала она про себя, пристально глядя на нее. «О, что с ней будет - что будет со всеми нами - мы никогда больше не увидим дорогую Англию?». И когда мысль о том, что ее убьют дикари или сожрут дикие звери, пришла ей в голову, она разрыдалась. Но когда вернулся хозяин, ее мужество, казалось, несколько возродилось, и вид буфета, казалось, еще больше освежил ее дух. «Ох, какая я малодушная и неблагодарная негодница, - шептала она себе, когда взгляд ее упал на это, - вот еще одно особенное благословение; теперь все будет хорошо». И дикари стали цивилизованными, и дикие звери приручены, и няня снова стала самой собой. Сохранение буфета в их теперешних условиях, конечно, имело немаловажное значение. Возможно, некоторые из моих маленьких друзей не понимают значения слова "буфет". Это ящик, оборудованный различными необходимыми предметами для тех, кто путешествует по морю или суше. В буфете мистера Говарда находились четыре чашки и блюдца, чайник, молочник, сахарница и тазик для помоев; столько же тарелок, стаканов, бокалов, ножей и вилок; кроме того, четыре кастрюли, лампа, бутылка винного спирта, трутница и ватный фитиль. Вещи были сложены так, что занимали мало места, а все содержимое помещалось в большой медный сосуд с крышкой, плотно прилегавшей к ящику. Можете ли вы удивляться, что няня радовалась обладанию этими самыми полезными вещами, что она вытирала глаза, засучивала рукава и мечтала снова взяться за работу? Мистер Говард зажег свет и подрезал для нее лампу, и она очень скоро приготовила достаточное количество аррорута для подкрепления всей компании. Лейла была слишком слаба, чтобы сидеть в постели, но папа поддерживал ее на руках, а няня сидела рядом и её кормила. После того, как девочка проглотила несколько ложек, смешанных с вином, её уложили спать.

Хотя мистер Говард не позволял себе впадать в уныние, у него тоже было много тревожных мыслей, как бы остров не оказался населен дикарями или прибежищем диких зверей, и он решил остаться на ночь с Дэшем у входа в пещеру. На всякий случай он собрал несколько сухих веток и развел костер, который поддерживал в темноте.

*крахмальная мука, добываемая из корневищ, клубней и плодов ряда тропических растений; используется как загуститель.

Воздух был спокоен и свеж, луна взошла без единого облачка, чтобы не затмить ее серебристый свет. В глубоком одиночестве, окружавшем его в тишине этой первой долгой ночи, с проникновенной торжественностью и сердечной благодарностью он вознес свои мысли к милосердному Отцу, чья защищающая рука вырвала его и его самое дорогое сокровище из пасти смерти! Правда, он был внезапно отрезан от всякого общения со своими собратьями, и множество неизвестных опасностей, которыми он все еще мог быть окружен, временами тяжело давили на него. Но он ощущал непосредственное присутствие Бога в своем опустошенном состоянии и, уверенный в Его сострадании и покровительственной заботе в самые суровые времена, он искренне молился, чтобы это испытание было благословлено для него, чтобы он мог всецело доверять только Богу.

Глава 2

Ночь прошла без всякой тревоги, и когда рассвело, мистер Говард, утомленный наблюдением, заснул. Проснувшись, он почувствовал прилив сил и бодрости и увидел рядом с собой Лейлу — уже не бледную, как накануне, а цветущую, как роза, и сияющую умом. Протянув к нему свои руки, она обняла его за шею и воскликнула: «О папа, как я рада, что ты наконец проснулся! Дэш и я наблюдали за тобой в течение долгого, долгого времени».

- Да, - ответил мистер Говард, - Дэш действительно верно охранял меня; он не отходил от меня ни на шаг в течение всей ночи.

- Но Дэш - собака, папа, а я - маленькая девочка, - и темно-карие глаза Лейлы быстро наполнились слезами. Мистер Говард быстро поцеловал их.

- Да, ты маленькая девочка, и моя дорогая маленькая девочка; я не хочу сказать, любовь моя, что ты должна была наблюдать за мной. Нет, и папа, и Дэш были рады снова видеть свою маленькую Лейлу. Встань на колени, любовь моя, и повтори свои утренние молитвы. Бог был очень милостив к тебе, дитя мое. Его покровительственная рука вела тебя через глубокое море. Теперь Он поднял тебя, после освежающего сна, в здравии и безопасности — тебе есть за что быть благодарной, моя Лейла.

Лейла встала на колени рядом с отцом, а он, в дополнение к ее обычным молитвам, диктовал ей искреннюю благодарность за ее милосердное избавление.

- А теперь позови няню, любовь моя, - продолжал мистер Говард, - и помолимся вместе.

Они все преклонили колени, а он красноречивым, хотя и простым языком возблагодарил Бога за их спасение. Он спел утренний гимн, и слезы наполнили его глаза, когда эхо от соседней скалы продолжило звуки хвалы и вернуло его уху сладкие юношеские тона голоса Лейлы.

Совершив богослужение, мистер Говард по настоятельной просьбе Лейлы собрался проводить ее во внутреннюю пещеру, где она хотела, чтобы он позавтракал вместе с ней.

- Пойдем, папа, в мою новую спальню! Ах, какая прелесть! - воскликнула она. - Я люблю ее гораздо больше, чем хижину, она такая большая, с таким странным окном, но в ней нет ни столов, ни стульев, ни умывальника; и когда я проснулась сегодня утром, я не могла сообразить, где нахожусь, и крикнула: "Няня, няня! почему корабль не движется, и какая любопытная стала каюта, и где мой умывальник?" А потом я вспомнил о корабле и о том, как ты привязал меня к плоту. О, папа, я так испугалась, когда ты это сделал! Я много молилась Богу и знала, что Он позаботится обо мне, и о тебе тоже, папа, и все же мне было страшно. Я надеюсь, что Бог не рассердится на меня, потому что я действительно ничего не могла поделать.

- Нет, дитя мое, У тебя нет причин бояться Божьего гнева; Он знал твою слабость, Лейла и дал тебе силу ; без силы с небес Ты не смогла бы пройти через такую опасность.

- Да, папа, Бог был очень добр, что заботился о нас всех и привел нас в эту пещеру целыми и невредимыми, и я очень люблю Его; но я надеюсь, что Он не посадит нас снова на плот, потому что мне это совсем не нравится. Я увидела приближающуюся огромную волну, и я закрыла глаза, и я больше ничего не помню до сегодняшнего утра, когда я открыла глаза и не увидела умывальника.

- И ты очень огорчилась, Лейла, когда лишилась своего умывальника?

- Нет, папа, я нисколько не жалею; мне это гораздо больше нравится, потому что няня так ловко со мной обращается. Ты знаешь, папа, как ей это удается?

- Нет, конечно, не знаю.

- Ну, папа, видишь ли, вот что она сделала. Ты знаешь, что я не могла бы быть опрятной и уютной, не будучи вымытой; поэтому она завернула меня в розовое шелковое одеяло и взяла на руки. Ты знаешь, папа?

- Да, думаю, я могу догадаться.

- О нет, папа, ты не должен догадываться, я должна тебе сказать. Ну, ты видишь — ты слушаешь?

- Да, любовь моя, я слушаю.

- Тогда не печалься, дорогой папа, потому что это забавная история. Теперь я тебе скажу — но на чем я остановилась?

- По-моему, ты была в розовом шелковом одеяле, Лейла.

- Да, так и было, папа, и теперь я рада, потому что ты опять смеешься. Так вот, няня взяла меня на руки и отнесла немного в другую комнату, где не было окна. Там было довольно темно — никакого света, кроме двери; и это была не настоящая дверь, только дыра в скале. Няня была слишком высока для нее, и ей пришлось карабкаться на четвереньках, что очень меня рассмешило; а когда мы вышли оттуда, ты крепко спал на траве, и твоя голова прислонилась к скале. Няня сказала, что это жесткая подушка для бедного папы, и я очень хотела поцеловать тебя, но няня запретила, чтобы не потревожить тебя. Дэш лежал рядом с тобой, и когда он увидел меня, то вскочил и казался таким счастливым. Он немного последовал за нами, а потом повернулся, посмотрел на тебя, и пошел назад. И ты знаешь, папа, это лучше, потому что Дэш так любит воду, что он бы всех нас обрызгал и сделал меня мокрой.

- Значит, ты должна была оставаться сухим, не так ли? Что ж, папа совершенно не прав, потому что он собирался догадаться, что его маленькая девочка купалась в том прозрачном ручье, который я вижу издали, покрытым рябью и сверкающем на солнце.

- И ты правильно догадался, папа, - я купалась; и мне так понравилось: вода была совсем не холодная. Няня нашла место, которое было совсем спокойным и не таким глубоким, как море. Я хорошо видела гальку и песок на дне, и очень много маленьких рыбок плавало вокруг. Но когда я попыталась поймать их, они все бросились врассыпную. А когда мы возвращались, я видела на деревьях множество прекрасных птиц. Множество кошек бегало вверх и вниз по ветвям. Иногда они сидели совершенно неподвижно, держа свои головы так хорошо, гораздо лучше, чем наши кошки; и у них были длинные пушистые хвосты, которые они сворачивали вокруг своих лиц. Как ты думаешь, я могла бы научить мою кошку держать голову и завивать хвост таким образом?

- На самом деле, моя дорогая Лейла, боюсь, что твоя бедная кошка к этому времени уже не в настроении держать голову и завивать хвост. Ты знаешь, что мы не могли унести все с собой. Бедная кошка осталась на корабле. Но те маленькие животные, которых вы видели, не могли быть кошками, они, вероятно, были белками. И что еще ты видела, любовь моя?

- Я видела виноград, папа, большие гроздья винограда, свисающие с камышей, и они выглядели так хорошо, но няня не остановилась, чтобы собрать их. Она сказала, что ты дашь мне немного, если сочтешь нужным. Я думаю, папа, это самое восхитительное место, где я когда-либо была в своей жизни. Мне здесь нравится гораздо больше, чем в Индии и я хотела бы остаться здесь навсегда, а не ехать в Англию. Ты останешься, папа?

Мистер Говард посмотрел на своего ребенка и глубоко вздохнул.

- Лейла, - сказал он, - послушай меня. Помнишь, я рассказывал тебе истории о необитаемом острове и Робинзоне Крузо?

- И о его помощнике Пятницы, папа? О да, я помню - это была восхитительная история.

- Ну что ж, любовь моя, судя по тому, что я видел, я убежден, что мы попали на необитаемый остров.

- О, как я рада! - радостно воскликнула Лейла, но, увидев печальное выражение папиного лица, вдруг остановилась.

- Почему ты печалишься, папа? Тебе не нравится здесь оставаться?

- Моя дорогая Лейла, ты же знаешь, что необитаемый остров - это место, где нет ни мужчин, ни женщин. Хочешь остаться здесь одна, любовь моя?

- Не одна, папа — я не буду одна, со мной будешь ты и няня, и, - продолжала она, понизив голос, - ты знаешь, что Бог тоже здесь, и Он позаботится о нас.

- Да, дорогая Лейла, ты права. Бог тоже здесь, и Он - вседостаточен. Он даст нам все, что хорошо для нас. Он показал нам уже теперь, что Он могуч, чтобы спасти: Он сохранил нас в большой опасности и добавил другие благословения. Он предоставил нам убежище. Эта пещера, Лейла, которая так нравится тебе, - дело Его рук. Он вел нас, чтобы найти ее, Он дал нам пищу для настоящего, и Он обеспечит нас на будущее. Будем же полностью доверять Ему и с радостью подчиняться Его воле. Он поместил нас сюда, это должно быть для нашего блага. Я, с тобой, дитя мое, и с этим сокровищем, - и он вынул из груди маленькую карманную Библию, - разве у меня нет всего самого драгоценного в жизни и смерти?

Пока Лейла и ее папа разговаривали таким образом, няня не сидела сложа руки: она разожгла огонь и приготовила какао с аррорутом.

-А теперь, сэр, - сказала она, - где вы будете завтракать?

- Я думаю, здесь, под скалами, у нас будет очень приятная тень.

- О нет, папа, только не здесь, пожалуйста! - воскликнула Лейла, - Ты ведь обещал по-

завтракать со мной в моей спальне, там очень мило.

- Неужели, любовь моя? Ну что ж, пусть будет так, - и, к немалому удовольствию и веселью Лейлы, мистер Говард немедленно начал карабкаться в пещеру в сопровождении няни. Бедная няня нашла нелегкой задачу доставить какао и аррорут в целости и сохранности, но, в конце концов, ей это удалось

- Наша первая задача, - заметил мистер. Говард, - надо постараться расширить наш вход, ибо это печальное произведение. Папа теперь слишком окоченел, чтобы каждый раз, входя в дом, прокрадываться туда и обратно. А теперь, Лейла, когда мы вошли в твою спальню, где все так мило, где, если ты не возражаешь, твой стол для завтрака и твои стулья?

На мгновение Лейла выглядела несколько озадаченной, но, просияв, воскликнула:

- Теперь я знаю, что делать, у меня есть изобретение. Ты сядешь на мою кровать, папа, а буфет будет твоим столом — ты любишь маленький столик, папа, очень маленький столик, а?

- Да, дорогая, мне нравится маленький столик, а еще больше мне нравится маленькая девочка, которая старается сделать все как можно лучше. Теперь мы все должны иметь свои приспособления, Лейла, и постараться сделать все как можно более удобным. Даже восьмилетняя девочка может принести большую пользу, и отныне ты будешь помогать и папе, и няне во всем, на что способны твои силы. Как только мы позавтракаем, мы все вместе спустимся на пляж и распакуем сундуки. Тогда мы увидим, каким запасам мы должны доверять, и приведем их в порядок. Как ты думаешь, ты сможешь выделить нам маленький уголок твоей спальни для кладовки?

- О да, папа, а можно мне оставить ключ?

- Да, любовь моя, когда у нас будет дверь и замок на шкафу, ты будешь держать ключ. Но где те вещи можно сохранить здесь, Лейла? Впрочем, у меня есть еще одна хитрость: когда сундуки опустеют, мы сможем убрать их отсюда. Один из них сейчас подойдет для кладовой. Они также могут быть очень полезными для нас, чтобы использовать, пока я не смогу попытаться сделать другие.

- Но, папа, ты умеешь делать стулья?

-Ну, может быть, не очень хорошо, Лейла, потому что в последнее время я не практиковался; но когда я был маленьким мальчиком, я жил в деревне и очень любил смотреть на плотника за работой и помогать ему. И мой отец поощрял меня в этом и разрешал мне брать достаточное количество дерева, чтобы сделать набор садовых стульев. Хотя, вероятно, не очень совершенные они были, мои две маленькие сестры очень восхищались ими. Я также сделал стул для каждого из них для детской и маленький стол для нашей старой няни. Очень счастливым мальчиком я был в первый же вечер, когда увидел ее садящейся пить чай за этот маленький столик.

- Как это было мило, папа! Мне так нравится слушать, что ты делал, когда был маленьким мальчиком. Расскажешь мне еще что-нибудь, что ты сделал?

- Не сейчас, любовь моя. Ты допила чашку аррорута, и мы позавтракали; так что давай отправимся на берег и начнем нашу работу. Однако, Дэш, мой добрый приятель, ты виляешь хвостом и радостно готовишься последовать за нами, хотя и позавтракал весьма скверно. Но ты получишь лучший обед, мой друг, если я сам пойду без него.

Они направились к пляжу, Дэш держался рядом с Лейлой, словно боялся, что рука ее отца не сможет защитить на узкой тропинке, нависающей над утесом. Добравшись до берега, мистер Говард заметил, что корабль лежит точно в том же положении, и он бросил на него сильно тоскующий взгляд. Расстояние было невелико, и как много в нем было того, что теперь было бы для них крайне важно! Его желание добраться до места

крушения значительно усилилось, когда он осмотрел содержимое сундуков, так как запас провизии и одежды был чрезвычайно скуден — на самом деле, на плоту было невозможно много увезти, и многих необходимых вещей им совершенно не хватало. Мистер Говард чувствовал, что ему необходимо иметь мушкет и порох как для защиты от любой опасности, которая может угрожать им, так и для обеспечения их будущих потребностей, когда их провизии не хватит. Плотницкие инструменты также были необходимы для того, чтобы он мог улучшить свое жилище и дать им намного больше удобств, которые, как он был уверен, с помощью инструментов он мог бы получить. У него не было ни книг, ни письменных принадлежностей, и какой бы ценной находкой оказалось обладание ими в состоянии изгнания! Но оставить Лейлу хотя бы на час, чтобы во второй раз пережить опасность, которая может навсегда разлучить его с ней — об этом не стоило и думать. И, бросив долгий взгляд через водную гладь туда, где лежал корабль, он глубоко вздохнул. Затем, повернувшись к своему ребенку, он обнял ее и прижал к своему сердцу. Но в следующее мгновение он снова почувствовал неуверенность в том, что поступает правильно. Имел ли он право из страха перед неопределенной опасностью пренебречь теми средствами для улучшения их положения, которые Небеса, казалось, все еще удерживали в пределах его досягаемости? Он вспомнил также, что маленькая аптечка, которую он отложил вместе с другими вещами, была оставлена в спешке. Он представил себе Лейлу слабой и больной, лишенной тех лекарств, которые могли бы принести облегчение, и он больше не колебался. Когда он уходил, то, повернувшись к своему ребенку, сказал:

- Лейла, я должен оставить тебя; но только на короткое время, любовь моя.

- О, не оставляй меня ... не оставляй меня, дорогой папа! - воскликнула она, вцепившись в его колени и вся дрожа.

Мистер Говард видел, что дух его маленькой девочки был сильно ослаблен мучительными сценами, которым она подвергалась. В общем, она прекрасно владела собой для такой юной особы. Лишенная в раннем детстве материнской заботы, она была его единственным интересом. Она была ребенком от природы вспыльчивым и чувствительным. Но он приложил бесконечные усилия, чтобы научить ее подавлять свои чувства; и вообще, малейшее его желание было для нее законом.

- Лейла, - сказал он, - ты забываешься; успокойся, любовь моя. Уповай на Бога, Он позаботится о моей безопасности и вернет меня тебе. Он поместил нас здесь, Лейла, и мы не можем знать, надолго ли или на короткое время. И я очень хочу добраться до корабля, чтобы привезти еще провизии и многое другое, что нам пригодится.

- Но, папа, ты сказал, что Бог позаботится о нас, разве мы не должны доверять ему?

- Да, любовь моя, во всем мы должны уповать на Бога. Но, полагаясь на Него, мы не должны пренебрегать средствами, которые Он вложил в нашу силу, — мы не должны ждать в ленивой праздности, чтобы Он мог удовлетворить наши потребности. Мы должны работать и делать все, что в наших силах, и Он благословит наши усилия. Теперь Он заботится о нас, Лейла, успокаивая ветры и волны и удерживая корабль на скалах, где я еще могу добраться до него. Если бы снова поднялся ветер, корабль, скорее всего, разлетелся бы на куски, и все, что в нем находилось, было бы выброшено в море. Я не должен терять времени; посмотрите, как тихи и спокойны воды!

- Тогда возьми меня с собой, дорогой папа.

- Что ты, Лейла! Ты рискнешь снова подняться на плот?

Лейла вздрогнула и очень побледнела, но, борясь со своими чувствами, сказала:

- Да, папа, я пойду с тобой.

- Любовь моя, я знаю, что ты ушла бы, если бы это было необходимо, но это не обя-

зательно. Напротив, если бы ты была со мной, тревога за твою безопасность занимала бы слишком много моего внимания и мешала бы мне думать о многих вещах, которые я мог бы принести с собой и которые значительно увеличат наш комфорт. Нет, ты останешься с няней. Но не уходите с пляжа, тогда я смогу держать вас в поле зрения почти все время. Потрудись, любовь моя, помочь няне распаковать свою одежду из сундуков - это предотвратит твою усталость.

Лейла больше не возражала, но, молча подойдя к плоту, стала помогать отцу поправлять веревки. Мистер Говард отвязал весло, которое он привязал к борту, думая, что оно может пригодиться в будущем, и подтолкнул плот к краю воды.

- Это весло, - сказал он, - сослужит мне хорошую службу, а Дэш останется присматривать за няней и моей маленькой Лейлой. С этими словами он поднял ее на руки и, неся на руках, усадил на берегу.

- На землю, Дэш, на землю! Будь с Лейлой!

Собака тотчас же повиновалась. Затем, склонившись над своей дочерью, он нежно обнял ее и, поспешив прочь, легко вскочил на плот и оттолкнулся от берега.

Лейла вскочила на ноги и бросилась к воде, но вдруг остановилась, упала на колени, воздела руки к небу и, сжав их, воскликнула:

- О Боже! Услышь молитву Лейлы. Пусть не будет ветра в небе, пусть не будет волн в море. Возврати папу к Лейле — о, возврати его обратно!

Дэш задумчиво посмотрел на ребенка, затем проводил взглядом плот, словно желая узнать, кто больше всего нуждается в его помощи, и вдруг, внезапно нырнув в воду, остановился рядом с хозяином. Мистер Говард увидев, что сопротивление напрасно, сказал:

- К кораблю, Дэш — к кораблю, мой добрый друг!- последние слова донеслись до слуха Лейлы, когда мистер Говард бросил веревку верному животному, которое поймало ее в свою пасть и, прыгнув в море, быстро продолжило свой путь через невозмутимую глубину.

Глава 3

Несколько мгновений Лейла стояла неподвижно, потом вытерла глаза и, повернувшись к няне, сказала:

- Теперь давайте, пересчитаем мою одежду.

Нянюшка была слишком рада, что ее дорогое дитя занято, но очень огорчилась, узнав, как только пересчитала одежду мисс Лейлы: ее гардероб и впрямь был весьма скуден.

-И ни одного чулка, чтобы надеть на ваши милые ножки! - воскликнула она в смятении. - О! Подумать только, что ваш папа забыл о ваших чулках! Что станет с вами в холодную погоду? Здесь только ваши самые старые платья; и ваши розовые ситцевые, и ваши прекрасные голубые, самые последние платья, которые вам прислали из Англии. Но здесь они не пригодятся.

- Не беспокойтесь, няня, о моих чулках, - ответила Лейла, - может быть, здесь никогда не будет холодно. Вы знаете, как папа говорил, что в других местах Индии было не так холодно, как там, где мы были. И мои старые платья подойдут очень хорошо. Может быть, папины друзья не будут часто приходить сюда обедать. Но я хочу, чтобы папа привез с собой мою кошку. Как ты думаешь, он вспомнит? Я бы хотела, чтобы он принес мою кошку гораздо сильнее, чем мои чулки. Няня была очень правдивым человеком, и ей было довольно трудно ответить на этот вопрос. Она не особенно любила кошек и сама обрабатывала все чулки Лейлы. У нее был к ним какой-то материнский интерес, они казались частью самой Лейлы.

- На самом деле, моя дорогая мисс Лейла, - сказала она, - что касается ваших чулок, то вы знаете, что здесь их не заменишь, потому что где я возьму хлопок и тонкую проволоку, чтобы сшить ваши чулки на необитаемом острове? А что касается твоей кошки, бедняжка, мне жаль это создание, но у нас и без кошек будет достаточно ртов, чтобы их наполнить. Есть Дэш, бедняга, который был так полезен нам. Он, боюсь, часто будет болеть.

- Но, няня, папа отдаст половину своего обеда Дэшу, а я отдам половину своего кошке и свой завтрак тоже. Ты же знаешь, папа сказал, что когда он уедет в Англию, у меня будет хорошая маленькая девочка, с которой я буду играть — моя кузина Селина. Знаешь, няня, я никогда не видела маленькой кузины, и мне так хочется ее увидеть. Но теперь мы не едем в Англию, так что я бы хотела, играться с моей кошкой вместо кузины Селины.

Няня слишком любила свою маленькую подопечную, чтобы возражать против ее дальнейших желаний. Кроме того, будучи человеком оптимистичного нрава, она смотрела на дело более широко и была уверена, что мистер Говард не забудет вернуть и кошку, и чулки, и что кошка проявит благоразумие и не поверит Лейле на слово.

Закончив свои занятия, они снова подошли к кромке воды, чтобы понаблюдать за возвращением плота. Вскоре они увидели, как он быстро приближается. Мистер Говард стоял прямо на нем, размахивая чем — то в руке. Это была гитара Лейлы. Еще через несколько минут Лейла была в его объятиях и покрывала его щеки поцелуями.

- Мой дорогой, дорогой папа, - воскликнула она, - я так рада, что ты снова вернулся ко мне, и как хорошо, что ты принес мою гитару !

- Да, Лейла, я видел её, лежащую в твоей каюте, и не мог удержаться, чтобы не принести её. Но мне пришлось оставить после себя много вещей, любовь моя. Я должен вернуться на корабль. Да, это совершенно необходимо, я должен вернуться. К тому времени, как я собрал дополнительный запас провизии, одежды и сундук с плотницкими инструментами, я нашел плот достаточно нагруженным. Теперь мне нужно будет вернуться за книгами и некоторыми другими предметами.

- В таком случае, сэр, вам будет приятно вспомнить о запасах мисс Лейлы, - заметила няня. Мистер Говард успокоил ее, заверив, что о них он уже вспомнил.

- И пожалуйста, папа, приведи мою кошку, когда вернешься, потому что я буду играть с ней вместо моей кузины Селины — ты же знаешь, что мы сейчас не едем в Англию.

- Милое невинное дитя! - воскликнул мистер Говард, - твой возраст поистине счастлив. Иди сюда, Дэш! - сказал он, подходя к плоту и поднимая маленькую крытую корзинку, — отнеси ее Лейле. И береги, мой добрый друг, свою драгоценную ношу, береги кузину Селину.

Дэш поставил корзину к ногам Лейлы. Она открыла ее, и ее кошка прыгнула в её объятия. Встреча настоящей Селины и Лейлы не могла быть более нежной, чем эта. Она была вне себя от радости, увидев свою любимицу снова. Дэшу не очень — то нравилась

нежность, которую Лейла расточала кузине Селине (как мы теперь должны ее называть), но в целом они были отличными друзьями. Она даже позволяла себе странные вольности: задевала его боком или чихала ему в лицо, когда он, казалось, засыпал, и часто прыгала ему на спину и играла с его ушами.

Тем временем мистер Говард, разгрузив плот, снова оттолкнулся от берега, чтобы начать свое второе плавание. Но ветер уже не был благоприятным и значительно усилился, и море представляло теперь тревожный и несколько мрачный вид. Няня громко звала своего господина, умоляя его вернуться. Но мистер Говард, хотя и сознавал, что так будет благоразумнее, не желал расставаться со своими книгами, которые рядом с ребенком были его величайшим сокровище. И он встал, пристально вглядываясь в небо, когда внезапный порыв ветра чуть не сбросил его в море. Лейла вскрикнула и воскликнула: "О, папа, не уходи! Тебя унесет в море. Ты утонешь. Дэш, Дэш! Назад! Назад!"

Дэш, у которого не было никакой внутренней борьбы литературного характера, чтобы изменять свое суждение, казалось, считал, что лучше, если все книги в королевстве будут на дне морском, чем жизнь его хозяина будет подвергнута риску, или приказы мисс Лейлы будут нарушены. Поэтому, быстро развернувшись, и всё еще крепко держась за веревку, привязанную к плоту, он смело направился к берегу. Мистер Говард без дальнейших усилий уступил превосходному суждению Дэша в этом вопросе. Более того, он был благодарен за то, что вопрос был решен таким образом, и Лейла приняла в свои объятия все еще мокрое прозорливое животное.

- О, мисс Лейла! - воскликнула няня в смятении, - ваше чистое платье! Здесь у вас так мало во что переодеться.

Но Лейла была совершенно равнодушна к мокрому платью, так как она была благодарна Дэшу за то, что он вернул ей отца.

- А теперь, - заметил мистер Говард, - нам надо поскорее убрать в пещеру те вещи, которые вы распаковали, потому что я подозреваю, что еще до вечера погода полностью изменится. Давайте завяжем одежду в тюки, и тогда Дэш будет способным помощником, потому что он сможет уйти и вернуться за более короткое время, чем мы.

Дэш прекрасно умел хватать и таскать и давно считался самым полезным членом семьи: если что-нибудь пропадало, достаточно было показать ему похожий предмет и произнести слово "искать", и он с нескончаемым усердием искал это повсюду. В отношении мистера Говарда утверждалось, что он приобрел довольно неподобающее влияние, так как не раз случалось, что, когда увещевания доброй старой няни заставить мистера Говарда оставить книги и заняться необходимыми физическими упражнениями потерпели неудачу, превосходное красноречие и активные усилия Дэша увенчались успехом. В таких случаях он ходил по комнате за перчатками и клал их перед собой. Потом бежал за шляпой и стоял с ней, виляя хвостом и глядя в лицо своему хозяину, пока мистер Говард не вспоминал, что настал час прогулки, и не закрывал перед ним книгу, как бы она ни была интересна. Дэш явно считал, что физические упражнения абсолютно необходимы как для собаки, так и для человека, и он чуть не убил маленького щенка, которого мистер Говард воспитывал с большой осторожностью, заставляя маленькое существо сопровождать его в странствиях, выходящих далеко за пределы его сил. У него была привычка исчезать каждое утро после завтрака со своим щенком и таинственно отсутствовать часами. Мистер Говард, обнаружив, что все увещевания Дэша на этот счет были напрасны, и что он не смог объяснить своего поведения, надел щенку на шею цепь с тяжелым бревном на конце, чтобы тот не пробежал сколько-нибудь далеко. Но каково же было его удивление, когда

на следующее утро после завтрака, сидя на веранде, он увидел Дэша, который в обычное время крался по дому, неся тяжелое бревно во рту, а маленький щенок весело бежал рядом с ним! Но Дэш занимает слишком много нашего внимания. Давайте теперь вернемся к другим членам нашей группы.

Нагрузив себя всем, что только можно было унести, они направились к пещере. Лейла несла корзинку с кошкой — Селина, вопреки своему желанию, вынуждена была снова поселиться в ней. Нянюшка также взяла на себя заботу о своей корзинке с живым скотом - мистер Говард снабдил ее великолепным петухом и четырьмя прекрасными белыми курами, которых он привез с корабля, как самое полезное дополнение к остальным их запасам. Он также унес с собой всю мертвую птицу, которую нашел в кладовой, так что в этот день у них, по крайней мере, была надежда на роскошь, которой они не скоро снова смогут насладиться. Но даже во время их прогулки к пещере мистер Говард был уверен, что остров отнюдь не лишен средств для удовлетворения их будущих потребностей. Он заметил вдалеке среди скал несколько коз, кормящихся вместе с детьми. Лейла уверяла его, что ручей изобилует рыбой; они миновали также множество кокосовых пальм, лип и лимонов. С многих из них в роскоши свисали виноградные лозы, несущие большие гроздья спелого винограда. Проходя мимо, они попробовали виноград и нашли его очень вкусным, и мистер Говард решил, что одним из первых его занятий будет собирать его в большом количестве и развешивать на солнце сушиться. Ему повезло, что на него давило столько работы, что оставалось мало времени для того, чтобы предаваться меланхолическим размышлениям, ибо сомнительная судьба тех, с кем он так недавно общался, тяжким грузом лежала на его душе. Однако среди них не было ни одного, к кому он был бы особенно привязан, так как по прибытии в Калькутту с отдаленной станции, расположенной далеко в глубинке, Лейла заболела тяжелой болезнью, и он был вынужден немедленно отправиться на торговом судне, чтобы спасти ее драгоценную жизнь. Так как врачи предписали ей морское путешествие, дающее наилучшую надежду на ее выздоровление. Других пассажиров было немного, и среди них было не так уж много таких, с кем он был склонен общаться. Но все же они были его товарищами, и он испытывал к ним глубокую тревогу.

Так как ветер снова несколько утих, то к полудню они смогли убрать с берега большую часть вещей. Но поскольку физические упражнения сделали их более голодными, чем обычно, мистер Говард счел целесообразным отложить окончание этой работы до следующего дня и оказать няне посильную помощь, чтобы она могла приготовить для них обед. Все еще дул сильный ветер, и огонь не мог спокойно гореть на открытом воздухе. Пока няня и Лейла деловито собирали хворост, мистер Говард, предварительно найдя необходимые инструменты в ящике плотника, сумел сделать весьма сносную отдушину для дыма во внешней пещере, проделав отверстие в скале над ней. Он обнаружил, что и отверстие, и вход в пещеру оказались гораздо легче, чем он ожидал, поскольку скала была песчаной и легко поддавалась обработке. Но прежде чем он закончил свои работу, его позвала к обеду Лейла, которая была действительно занятой маленькой женщиной и теперь с большим нетерпением ждала, когда же он получит плоды ее труда.

Глава 4

- Пойдем ужинать, папа, - позвала Лейла, - пойдем скорее, а то остынет. Няня говорит, что в дикой местности нет серебряных крышек. А знаешь, что я хотела сказать, папа? Я хотела сказать: "будьте любезны, ужин на столе", - и, о чудо, стола нет! — конечно, это была шутка. Но пойдем, посмотрим, папа, и ты увидишь, что я хорошо справилась.

Лейла расстелила скатерть на земле во внутренней пещере. Полезную флягу она поставила как сиденье для своего папы, а ее собственное сиденье состояло из свертка с одеждой. На столе, вернее на скатерти, стояла великолепная тарелка с виноградом, который она собрала сама и украсила зелеными листьями и полевыми цветами. Нижняя тарелка, пусть и не столь изящная, была куда более солидной. Няня ухитрилась сварить курицу с рисом, что свидетельствовало о ее высочайшем мастерстве. Никогда еще обед не поглощался с таким благодарным сердцем и таким аппетитом. Однако мистер Говард не смог уговорить няню сесть. Она сказала, что долг и удовольствие ее состояли в том, чтобы прислуживать ему в течение многих долгих лет, и, хвала Небесам, она может делать это до сих пор. Поэтому, взяв в руки бутылку с водой, она вышла из пещеры и вернулась с чистой, как хрусталь, водой, в которую она выжала пару лимонов и приготовила для них освежающий и превосходный шербет*(восточный прохладительный напиток).

Дэш и Селина были не так скромны, как няня. Видимо, считая себя членами партии, они заняли свои места по обе стороны от Лейлы, сидевшей напротив своего папы. В остальном, однако, они были прекрасно воспитаны и ничего не просили, доколе ей не нужна была помощь.

Вскоре после обеда мистер Говард вернулся к своей работе, и Лейла с нетерпением наблюдала за его успехами, потому что ей очень хотелось поговорить с отцом. Ничто так не радовало ее, как возможность сесть к нему на колени и побыть с ним наедине. А так как вечер был не из приятных для прогулок, то она подумала, что нет более благоприятного случая для этого приятного желания.

- А теперь, папа, - сказала она, - я уверена, что ты сделал дверь достаточно большой. Ты должен измерить ее с помощью няни - ты же знаешь, что няня самая широкая, и я думаю, что теперь она вполне может войти.

- Да, Лейла, но я самый высокий, и ты видишь, что мне все еще приходится сильно сутулиться, но больше ничего нельзя сделать. Ну вот, я думаю, этого достаточно. А теперь не сделать ли мне маленькую дверцу, чтобы ты тоже могли входить и выходить?

- Папа, ты смеешься надо мной, неужели я не могу войти и выйти через одну и ту же дверь? Посмотри, как легко я могу выбраться!

Лейла выскочила на свежий воздух и, в свою очередь, стояла, смеясь над своим папой. Ветер развевал ее пышные волосы вокруг цветущего лица и каждую минуту грозил унести ее легкую фигурку от земли.

- Входи, дорогая моя, входи, а то тебя унесёт. Теперь я совершенно убежден, что дверь откроется, и знаю, что моя маленькая девочка в этом отношении мудрее сэра Исаака Ньютона. Знаете ли вы, Лейла, что об этом великом человеке говорят, что, когда он был глубоко погружен в свои занятия, его очень беспокоила кошка, которая постоянно хотела войти и выйти из его комнаты к своему котёнку. Он, как верное средство предотвратить эту досаду, вырезал отверстие в двери для кошки и маленькое отверстие для котенка.

- А кто такой сэр Исаак Ньютон, папа?

-Сэр Исаак Ньютон, дорогая моя, был одним из величайших философов и математиков, когда-либо появившихся на свет, и отличался как скромностью, так и превосходством своего гения. Будучи еще молодым человеком, не старше двадцати четырех лет, он сделал многие из самых важных открытий. И он был первым человеком, который дал нам верный отчет о законах, управляющих движением тех прекрасных планет, на которые я так часто указывал тебе с палубы корабля. Когда ты станешь старше, ты прочтешь его жизнь. Я надеюсь, что этот ветер утихнет до завтрашнего утра и позволит мне добраться до корабля за книгами. Без них нам будет очень плохо. Как же я буду учить мою девочку, если не смогу добраться до своих книг? И этот сильный ветер заставляет меня дрожать за корабль. Я почти боюсь, что до завтрашнего утра он может быть разбит вдребезги.

- Ну, папа, только не огорчайся, из-за того, что ты не можешь достать книг, потому что ты можешь учить меня сам. Ты знаешь так много, что сможешь рассказать мне все, что я хочу узнать, и я буду очень внимательна, я не забуду. Так вот, я не забуду, что ты сказал мне сегодня, о том, что сэр Исаак Ньютон был великим философом, и что он вырезал в своей двери большую дыру для кошки, а маленькую дырку для котенка.

- Ну, дорогая моя, я думаю, что в этом отношении ты очень ценный маленький философ, и я постараюсь последовать твоему примеру, Лейла, и сделать все как можно лучше.

- А ты попробуешь сделать стол, папа, и несколько стульев?

- Так вот как ты представляешь себе все самое лучшее, Лейла. Что ж, посмотрим, что можно сделать таким образом. Но есть и другие вещи, еще более необходимые, о которых нужно позаботиться в первую очередь.

- Тогда, папа, позволь мне сесть к тебе на колени, и ты расскажешь мне о них. Теперь я забралась в свой особый уголок — как это хорошо! А сейчас мы составим кое-какие планы. Мне так нравится, когда я сажусь к тебе на колени, и ты рассказываешь мне свои планы, и много болтаешь со мной. Я так рада, что здесь, знаешь ли, никто не придет нам мешать.

Мистер Говард глубоко вздохнул, глядя на своего ребенка. Лейла приподнялась на коленях и нежно поцеловала его в щеку, а потом, обвив руками его шею, прошептала:

- Папа, тебе грустно оставаться здесь со мной?

- Нет, дорогая моя, я очень благодарен, что ты со мной.

- Тогда почему ты вздохнул, папа?

- Я думал о тех друзьях, с которыми надеялся вскоре встретиться, Лейла.

- Ну, папа, ты же знаешь, что я не могу быть большим другом, но я могла бы быть маленьким другом. Ты примешь меня за своего маленького друга, папа?

- Охотно, любовь моя.

- О, я так рада! Теперь это один план, который мы составили, и я думаю, очень хороший. А теперь мы составим еще несколько планов.

- Да, Лейла, но ты должна думать о последствиях своего плана. Если ты хочешь быть моим другом, ты должна делать все возможное, чтобы улучшить себя и получать информацию, чтобы иметь возможность общаться со мной. Ты должна читать историю и географию, чтобы мы могли говорить вместе о том, что раньше происходило в мире, и чтобы ты могла знать места, где эти события происходили. Ты должна посещать свои уроки музыки, чтобы мы могли играть и петь вместе. Но прежде всего, ты должна стараться избавиться от этой дурной привычки, которая делает учёбу трудной для тебя. Моя маленькая девочка должна хорошо учиться и не должна позволять своим

глазам блуждать по всей комнате, пока я тебе что-то объясняю. Или думать о своей кошке, как ты делала на днях, когда я рассказывал тебе о Вильгельме Завоевателе. Знаешь, Лейла, мне часто приходится заставлять тебя повторять твои французские глаголы с закрытыми глазами и сцепленными за спиной руками, чтобы не упасть, и даже тогда ты часто все еще ерзаешь и стоишь сначала на одной ноге, а потом на другой. Что бы ты подумала, если бы увидела моего друга мистера Морли, разговаривающего со мной с закрытыми глазами и стоящего на одной ноге?

- О, папа, мне бы очень хотелось смеяться. Но я не думаю, что он мог бы стоять на одной ноге — он такой толстый.

- Ну что ж, Лейла, если моя единственная надежда на твое постоянство состоит в том, что ты станешь такой же толстой как мистер Морли, я полагаю, что должен быть более умеренным в своих ожиданиях и не желать слишком многого.

- Но, папа, я постараюсь быть уравновешенной, хотя и не толстой, и сделаю все, что в моих силах, чтобы стать твоим маленьким другом. Знаешь ли, папа, что мне гораздо легче быть доброй с тобой, чем с няней. Да, мне очень нравится няня, и она очень добра ко мне на самом деле, но потом каждый день она дразнит меня своими длинными оборками и заставляет меня делать такой большой кусок, и делать такие маленькие стежки, и так близко друг к другу, что я не могу набраться терпения. Я люблю делать большие стежки, чтобы я могла скоро закончить. А потом она сердится, вынимает все и заставляет меня делать это снова.

- Няня совершенно права, любовь моя. Что бы ты ни делала, Лейла, ты должна стараться делать все хорошо. Мне жаль, что ты не любишь рукоделия, ибо оно очень полезно. Но если ты будешь упорной, то найдёшь это занятие полезным, и тогда оно тебе понравится. Между тем это хорошее упражнение для твоего терпения. Ты должна молиться Богу, Лейла, чтобы Он помог тебе преодолеть твоё нетерпение, которое является твоей самой большой проблемой.

- О да, папа, я очень часто молюсь, чтобы Святой Дух сделал меня хорошим, потому что однажды я совершила ужасную вещь, когда забыла помолиться. Это было как раз в тот день, когда начался шторм. Было немного ветрено, когда я это сделала, и я шла сказать тебе. Но потом ветер подул сильнее, и я испугалась и забыла. А теперь я хотела бы сказать тебе, но боюсь, папа, что ты не полюбишь меня и не сделаешь своим маленьким другом, когда узнаешь.

- Да, дитя мое, я буду любить тебя больше, чем когда-либо, если ты пожалеешь о своей вине и попросишь Бога простить тебя.

- О да, папа, я много молилась и надеюсь, что Бог простил меня, потому что ты знаешь, что он заботился обо мне на плоту и привел меня в целости и сохранности в эту восхитительную пещеру. Видишь ли, все дело было в этих оборочках. Няня дала мне большой кусок, чтобы подшить. Она вставила булавку, и сказала: "Теперь, мисс Лейла, будьте добры подшить этой булавкой, и сделать очень маленькие стежки, и близко друг к другу". Но, это был самый большой кусок, который она мне когда-либо давала, и на ней не было ее добродушного лица. Когда я захотела выйти на палубу и поговорить с тобой, она сказала, что я должна сначала закончить свою работу. Сначала я делала маленькие стежки, но когда я все смотрела и смотрела на булавку, она ни на йоту не продвинулась. И тогда, — я подхожу к самой страшной части, папа, но должна тебе сказать— я подумала, что просто выну булавку и сделаю большой стежок. А няня никогда не узнает. Если бы я тогда молилась Богу, папа, Он бы укрепил меня, но я не молилась. Я быстро делала большие стежки, и после этого мне уже ничего не было нужно. Я наложила столько швов, сколько могла. И когда я принесла работу няне, я

только хотела сказать: "я подшила, нянюшка", как вдруг что-то попало мне в горло и, казалось, задушило меня. Ну, тогда няня посмотрела на мою работу и сказала: "Что это, мисс Лейла? Я думаю, что булавку сняли", - и она надела очки, чтобы посмотреть. Но я, вскочив, сорвала их с ее носа и убежала вместе с ними. Она поймала меня у двери каюты, вернула назад и сказала: "Мисс Лейла, немедленно встаньте передо мной и не двигайтесь", - и она надела очки, и взяла булавку, и вставила ее в дырочки, где она была раньше, и взяла конец нити, и вытащила всю мою подшивку. Нитка сильно треснула, и это привело меня в такую ярость, папа, что я топнула ногой, вырвала оборку из рук няни и заплясала на ней.

- О, Лейла! - воскликнул мистер Говард, - это действительно печальный, печальный рассказ.

Лейла спрятала лицо на груди отца и, заливаясь слезами, воскликнула:

- О, папа, ты сердишься на меня.

- Успокойся, моя любовь, перестань. Я не сержусь на тебя. Нет, Лейла, я уверен, что из-за скорби, которую ты сейчас испытываешь, ты будешь следить за собой больше, чем когда-либо, чтобы избавиться от этой проблемы. И что ты будешь ежедневно молиться Богу, чтобы он дал тебе силы сделать это. Ибо ты видишь, Лейла, в какое греховное состояние привело тебя это нетерпение характера. С самого детства ты привыкла считать Бога всегда присутствующим, наблюдая за каждым действием и знакомясь с каждой мыслью. Ты приучила себя, если не знаешь, как действовать, задавать себе такой вопрос: "Как бы Бог хотел, чтобы я поступила?" Ты знаешь, что если ты не осмеливаешься задать Богу этот вопрос и стараешься отогнать от себя это воспоминание, то ты желаешь делать то, что неправильно, желая повиноваться злому духу, а не повиноваться Богу.

- О, нет, папа, я не хочу повиноваться злому духу, но иногда я не могу не быть плохой.

-Да, Лейла, ты можешь. У нас всех злая натура, и мы часто хотим поступать неправильно. Но если в такие моменты мы молим Бога укрепить нас Своим Святым Духом, Он услышит нашу молитву и вернет нас на правильный путь. Он будет любить нас и смотреть на нас, как на своих детей. А теперь, дитя мое, расскажи мне все, что случилось после. Что сделала няня?

- Она посмотрела на меня очень печально, папа, а потом сказала: "Мисс Лейла, вы, может быть, и обманули бы меня, но вы не могли бы быть счастливы, потому что вы не могли бы обмануть Бога. И пока вы не пожалеете о своей вине и не попросите Его простить вас, я не хочу быть в вашем обществе".

- И что же ты сделала, Лейла?

- Сначала я много плакала, папа, а потом вспомнила стих, который ты велел мне вспоминать, когда я делаю что-нибудь плохое, и тихо сказала себе: "я встану и пойду к Отцу Моему, и скажу ему: я согрешила против неба и перед Тобою и больше не достойна называться твоей дочерью". И я опустилась на колени, папа, и молила Бога простить меня, и дать мне лучшее сердце, и избавить меня от моего нетерпения. Я просила его заставить меня полюбить мою работу и никогда, никогда больше не обманывать няню. Когда я встала, папа, за моей спиной стояла няня. Она вошла в каюту совсем тихо. Увидев ее, я снова заплакала, но она вытерла мои слезы и сказала: "Мисс Лейла, я вижу, что вы просили Бога простить вас и раскаялись в своей вине. Поэтому я уверена, что он простил вас, и я тоже прощаю вас".

- А почему ты мне не сказала этого?

- Потому что, папа, няня сказала, что дул очень сильный ветер на палубе, а ты был занят, и пожелал, чтобы я осталась внизу. Все незакрепленные вещи в каюте начали

кататься, что забавляло меня очень сильно, вся вода выбежал из кувшина на мое платье, а стакан выскочил из рукомойника и покатился на пол. Я побежала за стаканом, а няня побежала за чашками и тарелками. Раздался такой сильный грохот, что няня подошла ко мне и толкнула меня на середину пола, что заставило меня смеяться больше всего на свете. Но это было последним из забавных вещей, которые произошли, потому что ветер дул с такой силой, что няня испугалась, как и я. После этого, папа, как ты знаешь, когда ты спустился в каюту, ты дал мне книги, чтобы заинтересовать мои мысли, или стихи из Библии, чтобы учиться. Затем ты обвязал меня синим поясом вокруг моей талии и привязал меня к столу. Но я думаю, что мы не будем больше говорить об этом.

- Нет, дорогая, нам не следует сейчас останавливаться на той опасности, которой мы подверглись, но мы должны часто и с глубочайшей благодарностью думать о благости Бога, избавившего нас от нее.

- Да, папа, я буду благодарна Богу. И я очень благодарна ему, за то, что Он сделал так, чтобы стихи, которые так утешали меня в каюте, стали правдой. Разве ты не помнишь, папа, в псалме, который ты дал мне выучить, сказано: "и когда они взывают к Господу в беде своей, Он избавляет их от беды их, ибо Он заставляет бурю утихнуть, чтобы волны ее успокоились. Тогда они радуются, потому что они в покое, и поэтому он приводит их в гавань, где они будут". И мы рады, папа. А ты не думаешь, что Он привел нас в гавань, где мы должны быть? Я уверена, что эта пещера - очень хорошее пристанище. Она мне нравится гораздо больше, чем корабль. И не расскажешь ли ты мне теперь, папа, еще какие-нибудь планы, как нам устроиться?

- Не сейчас, любовь моя, потому что уже поздно, и я хочу, чтобы ты поскорее легла спать, так как завтра мы должны рано позавтракать, чтобы я мог как можно скорее сойти на корабль. А теперь иди и помоги няне приготовить мне постель в дальней пещере. Пусть она возьмет один из матрасов, которые я принес сегодня с корабля, а потом вернётся. А я, как обычно, почитаю тебе Библию и послушаю, как ты помолишься перед сном.

Глава 5

На следующее утро ветер сильно стих, хотя погода, казалось, все еще была не спокойной. Но так как мистер Говард мог видеть из окна внутренней пещеры, что корабль все еще стоит на скале, он отправился с Лейлой и няней на берег, как только закончился завтрак, и, оставив их распаковывать остальные вещи в сундуках, он направился к кораблю. Но, увы! добравшись до него, он обнаружил, что каюты так глубоко погружены в воду, что ничего нельзя было взять. И так как ветер, казалось, с каждой минутой поднимался все сильнее и сильнее, то он с чувством глубокого разочарования понял, что должен отказаться от всякой мысли спасти что-нибудь еще

от крушения и что нельзя терять ни минуты в попытках вернуться на берег. Даже с помощью верного Дэша он нашел это дело настолько трудным, что все чувство его недавнего разочарования было потеряно в благодарности небу, когда ему снова позволили в безопасности обнять свое дитя.

- Да, Лейла, - сказал он, - опять милостивый Бог избавил меня от неминуемой опасности. Он сохранил мою жизнь, и в тебе он сохранил также мое величайшее сокровище. Позвольте мне больше не останавливаться с сожалением на том, что, как мне кажется, Ему доставляет удовольствие скрывать. Я больше не буду пытаться завладеть своими книгами. Теперь ты должна довериться папиной памяти в своих познаниях в истории и географии, а также в тех общих сведениях, которые тебе хотелось бы получить. Но Книга жизни уже вручена нам, Лейла, и что такое все человеческие знания по сравнению с тем, что мы можем там узнать? Где мы встретимся с такой поэзией, как в Псалмах Давида, или с таким красноречием, которое исходило от неграмотных рыбаков Галилеи? И где мы найдем образец безгрешной чистоты, смиреной кротости и полного подчинения воле Отца, как не в нашем благословенном Спасителе Иисусе Христе? Теперь мне кажется, что в Библии, будучи единственной книгой, сохранившейся до нас, Сам Бог говорит: "Этого достаточно для вас — здесь у вас есть слова вечной жизни. Пусть они будут просто приняты, усердно вымолены, и все больше и больше света будет дано, чтобы ободрить и направить вас на вашем пути". Да, дитя мое, каждое обетование Слова Божьего будет посохом, на который можно опереться, способным нести всю тяжесть греха, скорби и испытания. В наших Библиях есть богатая сокровищница, снабженная всеми источниками наслаждения, почвой настоящего покоя и будущей радости.

Пока мистер Говард разговаривал таким образом с Лейлой, няня отошла на некоторое расстояние и, казалось, внимательно рассматривала что-то на песке, а низкий короткий лай Дэша, казалось, тоже приглашал мистера Говарда следовать за ним. Подойдя к этому месту, он увидел, что недавняя буря выбросила большую черепаху в расщелину скалы, которую обнаружил Дэш, и теперь стоял на страже, виляя хвостом, словно наслаждаясь в предвкушении многочисленных вкусных обедов, которые няня в этот момент устраивала в своем плодородном мозгу.

- Где мы возьмем котелок с рыбой? - воскликнула она про себя, когда мистер Говард приблизился.- О, подумать только, что такое величественное создание может погибнуть из-за отсутствия надлежащих удобств. Это тяжелое испытание.

- Ну что ж, сэр, - продолжала она, когда мистер Говард наклонился, чтобы рассмотреть черепаху, - бедняга не умер. Хорошо приспособленный для вашего обеда в течение нескольких дней. И я осмелюсь предположить, что смогу приготовить что-то вроде черепашьего супа не так уж плохо.

- Я в этом не сомневаюсь.- отвечал мистер Говард, -и в этом нежданном благословении мы имеем еще один пример Божьей благости к нам. Теперь, когда я оставил всякую надежду спасти еще кого-нибудь из потерпевших крушение, мой разум чувствует себя спокойнее; так что давайте приложим все усилия, чтобы обеспечить себя тем, что было так неожиданно дано.

Прошло несколько часов тяжелого труда, прежде чем мистеру Говарду с помощью его товарищей удалось перенести все в пещеру, так как ветер, поднимавшийся внезапными порывами, временами совершенно мешал им продвигаться вперед. Разобрав плот, он мало-помалу перенес и его в пещеру. Пока няня и Лейла занимались приготовлениями к обеду, мистер Говард с помощью предоставленных ему материалов

сумел соорудить нечто вроде временного стола, который придавал бесконечно более уютный вид внутреннему помещению. Он также поставил скамью рядом с кухонным очагом для размещения няни, а сундуки, поставленные во внутренней пещере перед столом, служили одновременно сиденьями и кладовыми для провизии.

Лейла была в восторге от этих приготовлений и особенно заинтересовалась работой, которую мистер Говард начал сразу после обеда. Еще до наступления вечера ее отцу удалось сделать в скале полку, на которой должен был быть устроен ее гардероб. Завершить это и закрепить деревянные колышки, на которые можно было повесить разные вещи, было делом нового дня.

Лейла так крепко спала после своих трудов, что не слышала бури, которая теперь бушевала снаружи с такой яростью, что несколько деревьев, росших рядом с их убежищем, были вырваны с корнем. Мистер Говард лежал без сна, прислушиваясь к реву ветра и треску падающих деревьев, и как только рассвело, он осторожно прокрался в комнату Лейлы, желая посмотреть на море, которое было видно только из внутренней пещеры. Он обнаружил, что Дэш наблюдает за Лейлой, а ее кошка лежит, мурлыча, у ее ног. Но никакая внешняя буря не нарушила ее спокойного сна — она лежала, как летняя роза, в безмятежном сне. Он посмотрел на нее с молчаливой благодарностью, потом, подойдя к окну, пристально посмотрел на море. Ярость бури уже улеглась, и когда утренний свет забрезжил, он понял, что корабль больше не виден. Должно быть, он затонул или разбился о скалы. Вскоре стало ясно, что это был последний случай, так как, спустившись на следующее утро на берег, мистер Говард обнаружил там множество обломков кораблекрушения. Несколько бочонков, в одних из которых был порох, а в других мясо и хлеб, были выброшены на берег, но так как они сильно пострадали от морской воды, то от них было мало проку. Однако хлеб, хорошо вымоченный в пресной воде, оказался очень полезен для кормления домашней птицы. И было приятно видеть, как белые куры по утрам собирались вокруг Лейлы, жадно хватая корм, когда она готовилась встретить их у входа в пещеру, а на рассвете услышать, как галантный петух кукарекает так же весело, как если бы он не был на необитаемом острове.

Прошло уже несколько дней. И так как погода была неблагоприятна для посещения внутренних районов острова, то они занялись тем, что собрали все обломки крушения и сделали так, чтобы в пещере было уютно. Первое субботнее утро застало их не только с чувством глубокой благодарности за благословения, которыми они были окружены, но и с такой бодростью духа, что мистер Говард сам удивился, как это ему удалось такое сделать.

Разбирая одежду Лейлы, он нашел сафьяновый футляр с Библией и молитвенником, которые папа подарил ей на восьмой день рождения. И на открытом воздухе, в тени красивого раскидистого дерева, читая вслух своей маленькой аудитории, провел богослужение. Никогда еще его сердце

не было тронуто более глубокой преданностью. Вся сцена была в унисон с его чувствами. Отойдя от мира и его суетных забот, они образовали небольшую группу, стоявшую на коленях у подножия трона своего Отца среди самых прекрасных сцен его творения. Вокруг царило глубочайшее одиночество и глубочайшая тишина, На небе не было ни облачка, ни птицы в воздухе; но радостные солнечные лучи сверкали на усыпанной драгоценностями земле, и бесчисленные цветы, украшенные живым блеском, наполняли атмосферу благоуханием. Они встали с колен с сердцем, глубоко тронутым тем святым миром, который не может дать мир, ибо верен Тот, Кто обещал Своим детям, что "пустыня и уединенное место будут радоваться за них, и пустыня будет радоваться и цвести, как роза".

Как только служба закончилась, Лейла напомнила папе о его намерении совершить с ней долгую прогулку вглубь острова. И маленький отряд, состоявший из мистера Говарда, Лейлы, няни, Дэша и Селины, отправился осматривать имущество, которым они так неожиданно завладели. Их продвижение было медленным, так много было объектов восхищения, с которыми они встречались на своем пути. Повернув в противоположную сторону от той, что вела к берегу, они очутились совсем недалеко от пещеры, под сенью баньяна, чьи бесчисленные тонкие ветви, пригибаясь и снова пуская корни, образовывали как бы колонны, ведущие к этому храму рукотворной природы. Лейла была очарована красотой этой летней беседки, и, бросившись вперёд, она радостно хлопала в ладоши. А из - под зеленого полога вылетели самые разные птицы - горлицы, дятлы и прекрасные зеленые и алые попугаи, каких Лейла никогда раньше не видела. Она бежала по его зеленым аллеям, восклицая с новым восторгом на каждом шагу, пока, вынырнув снова на противоположной стороне, не очутилась на краю маленькой речушки, о которой уже упоминалось. Здесь ее дальнейшее продвижение было остановлено, и к ней присоединились остальные.

- О, папа! - воскликнула она, - конечно, маленькие волшебные эльфы, о которых мне рассказывала няня, построили эту беседку, она такая красивая. А что это за прелестные алые шарики, свисающие среди зеленых листьев?

- Это индийские инжиры, любовь моя, и те птицы, и прекрасные попугаи, которых ты спугнула, вероятно, питались ими.

- Я думаю, папа, что здешние птицы очень весело проводят время. У них такой красивый дом и такие прекрасные обеды, что мне хотелось бы остаться здесь навсегда.

- Что ты, Лейла? И оставить дружественную пещеру, которая так хорошо приютила тебя во время бури?

- Кажется, я забыла, папа. Я не хотела покидать пещеру, это было бы нехорошо. Мне очень нравится моя комната там. Она всегда мне нравилась, и теперь она нравится мне больше, чем когда-либо, потому что моя одежда была аккуратно разложена на полках, а мой рабочий ящик рядом с ними, и мои туфли поставлены в углу рядами, и мой халат, и мое полотенце висят на колышках, и моя шляпка. Но, папа, посмотри только на мою шляпку. Няня говорит, что она очень мало годится, потому что на нее набежали волны. Где же мне взять другую шляпку?

- Ну, Лейла, я думаю, что мы должны сделать тебе шляпку из пальмовых листьев. Я слышал, что из них делают шляпки.

- Это будет восхитительно, папа! Я уверена, что она мне понравится гораздо больше, чем моя английская шляпка. Какие у тебя хорошие планы! Расскажешь мне еще о чём нибудь? Но о чем мы говорили перед навесом? Здесь у нас так много тем для разговора, папа, что я просто переполнена ими. На острове у нас гораздо больше тем для разговора, чем на корабле. О, теперь я вспомнила. Я собиралась сказать, что неплохо было бы

сохранить пещеру для нашего дома такой, какая она есть сейчас, и превратить ее в зелёную гостиную, где я буду учиться.

- Очень хорошая идея, любовь моя. Только я боюсь, что ты увидишь слишком много вещей вокруг, которые будут отвлекать твоё внимание. Ты выглянула бы из-за ветвей, понаблюдать за козами с их маленькими детьми, скачущими среди скал, как я делаю в этот момент. Смотри! Что это я только что мельком увидел? Я уверен, что видел обезьяну на том высоком кокосовом дереве.0 Лейла! Если из окон твоей классной комнаты будут видны обезьяны, боюсь, что твоя зеленая гостиная недолго будет вмещать тебя. Ты примчишься ко мне, как стрела из лука.

- Но, папа, не мог бы ты сплести ветвей побольше, чтобы защитить меня? Это было бы неплохим изобретением. Да, папа?

- Да, дорогая. Осмелюсь сказать, что ты тоже смогла бы плести из нежных ветвей тростника до тех пор, пока стена не будет выше твоего роста.

- А потом, папа, я могла бы встать на столешницу, чтобы стать высокой. О, это будет так восхитительно! Надеюсь, мы начнём завтра. Я очень хочу сделать это. Я буду вставать рано. Всякий раз, как только солнце зайдет в мое окно и запоет петух, я вскочу с постели,

- Ты поступишь совершенно правильно, любовь моя. Мы все должны быть на ногах завтра утром, когда пропоет петух. Но мы не можем ни завтра, ни даже в ближайшие дни начать строительство стены. Нет, Лейла, здесь столько прежде всего нужно сделать, что мы должны организовать нашу работу и начать с самого необходимого. Мы уже сделали пещеру сносно удобной. Теперь надо подумать, как пополнить наш запас провизии. Мне кажется, что за последнее время здесь выпало много дождей, и пока земля еще влажная, я хочу посеять индийскую кукурузу, которую везу с собой в Англию. А также посадить небольшую плантацию риса на берегу этого ручья. Ручей образует хорошую защиту с одной стороны, а также даст нам средства для полива наших земель. Но я должен поставить колья, и тогда ты сможешь помочь мне сплести ветви, чтобы сформировать своего рода забор с другой стороны. Без этого козы быстро съедят зерно. Не говоря уже о твоих белых курах, Лейла, которые, несмотря на то, что их крылья были обрезаны, скоро проберутся к нашим кукурузным и рисовым полям.

- О, нет, папа! Я не думаю, что они это сделают, потому что они не озорные курицы. Теперь они так хорошо меня знают,— одна из них забралась мне на плечо сегодня.

- И ты думаешь, что они такие честные, ласковые курицы, что предпочли бы сидеть у тебя на плече, чем красть хороший обед из риса? Я не уверен, Лейла, что мы могли бы так довериться их принципам — хороший обед - сильное искушение для голодной курицы.

- Но, папа, они не голодные курицы, потому что каждый раз, когда я выхожу из пещеры, они слетаются вокруг меня, и я всегда даю им что-нибудь. Я достаю его из мешка для птицы или из хлебного бочонка. Я никогда не вынимаю ето из сундука, потому что няня говорит, что я не должна этого делать. Няня, можно я расскажу папе секрет про цыплят?

- Конечно, мисс Лейла, вы можете рассказать папе все, что угодно. Вы знаете, что это только то, чем вы хотели удивить его.

- Да, папа, я хотела удивить тебя цыплятами. Ведь я так долго ждала, что не могла так долго хранить тайну. Ты знаешь, мы с няней сделали гнезда из сухой травы в скале для кур. Мы также подобрали круглые белые камни на берегу, и положили по одному в каждое гнездо. Куры думают, что это яйца. Тогда они идут в гнезда и кладут рядом с камнями яйца. После мы идем каждое утро и забираем яйца, но мы всегда оставляем

белые камни. Иногда мы получаем четыре яйца, а иногда только три, потому что одна из куриц очень глупа. Видишь ли, папа, я хотела отдать тебе все яйца, но няня сказала, что тогда цыплят не будет, и что ты будешь больше любить цыплят. Поэтому, когда я принесла тебе яйцо на завтрак, она положила остальные в безопасное место, пока их не станет тринадцать. Завтра их будет тринадцать, если эта курица не будет глупой. И тогда, папа, мы посадим на них одну из кур, а через три недели выведутся цыплята. Разве это не чудесно, папа, увидеть маленьких цыплят?

- Да, дорога моя, и это будет хорошим упражнением для твоего терпения, ибо три недели - это долгий срок для тебя, чтобы ждать. Но, между тем, у тебя будет такая постоянная занятость, так что это заставит время проходить гораздо быстрее. А теперь пойдем дальше вверх по течению. Если я не ошибаюсь, источник реки находится не так уж далеко. Я думаю, что он, вероятно, там, где растут эти камыши.

Мистер Говард был прав: источник находился среди камышей, и они не успели далеко пройти, как наткнулись на красивый чистый фонтан, из которого тут же вытекала речушка. Благородное раскидистое дерево неизвестной мистеру Говарду породы затеняло это место. К его ветвям цеплялась виноградная лоза, с которой виноградные гроздья свисали богатыми гроздьями почти до самой воды, а покатые берега этого фонтана были изумрудно-зелеными. Они уселись на берегу, сорвали и съели восхитительный виноград, и погрузили руки в прохладную чистую воду. Мысли мистера Говарда были полны безмолвного восхищения окружающими красотами, а Лейла пребывала в восторге от наслаждения.

- О, папа!- воскликнула она, - конечно, мы никогда раньше не видели такого прекрасного места, как это. Это заставляет меня чувствовать себя так хорошо — это заставляет меня думать о псалме, папа. Ты знаешь, что в Псалме говорится: "Господь - Пастырь мой , я ни в чем не буду нуждаться." А разве это не "зеленые пастбища", папа, и не "воды утешения"?Я думаю, что Бог очень добр, потому что он привел нас, папа. Ты знаешь, что это Бог, который привел нас сюда.

- Да, дитя мое, этот прекрасный псалом очень подходит в данный момент к нашему положению, ибо мы, Лейла, шли "по долине смертной тени"; но Бог был с нами, его жезл и его посох утешали нас. Повтори последний стих псалма, дитя мое.

- "Так, благость и милость Твоя да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни!"

- Это моя ежедневная молитва за тебя, дитя мое. О, да пребудешь ты, Лейла, в доме Господнем вечно!

- Но, папа, ты же говорил, когда я уезжала в Англию, что я должна посетить Дом Божий, но теперь ты знаешь, что мы не едем в Англию.

- Моя дорогая Лейла, Бог живет не только в храмах, созданных руками, но и в сердцах всех своих верных детей. Если ты будешь стараться во всем исполнять Его волю, если ты будешь искренне молиться о силе, которая позволит тебе сделать это, Он вложит свой Святой Дух в твоё сердце и построит там свой храм. Он везде и во всех местах. Он будет обитать в тебе, а ты в Нем. Ибо "кто подобен Господу Богу нашему, который имеет жилище свое так высоко, и все же смиряет себя, чтобы созерцать то, что на небе и на земле?"

- Папа, иногда мне становится страшно, когда я думаю, как велик Бог, потому что ты знаешь, что я нехороша. Я очень много раз в день прошу Бога сделать меня хорошей. Но потом я забываю, и зло обрушивается на меня прежде, чем я вспоминаю, и это заставляет меня сожалеть. Как ты думаешь, Бог будет продолжать прощать меня, если я сожалею?

- Да, дитя мое, Бог смотрит на твое горе с жалостью: "да, как отец жалеет своих детей, так и Господь милостив к боящимся Его. Ибо Он знает, из чего мы сделаны, он помнит, что мы всего лишь прах".

- Но как ты думаешь, папа, если бы я прожила очень долго, я бы выросла совершенной? Если бы я прожила так же долго, как Мафусаил, девятьсот шестьдесят девять лет, папа, как ты думаешь, я была бы совершенна?

- Нет, Лейла, даже через девятьсот шестьдесят девять лет ты не будешь идеальной. Ни один человек не совершенен в глазах Бога, ибо все мы имеем греховную природу. Грехов наших много, слишком много, чтобы мы могли их вынести. Но кто взял на себя бремя этих грехов и положил свою жизнь, чтобы мы могли быть прощены?

- Наш Спаситель Иисус Христос, папа.

- Да, Лейла, именно ради Него мы прощены. Только веруя и уповая на Него, ты сможешь спастись и войти в жизнь вечную. Ты омыта от своих грехов Его кровью. Ты помнишь тот прекрасный стих из Исайи? "Но Он был изъязвлен за грехи наши; Он был мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились".

- Да, папа, я очень хорошо это помню, потому что ты мне все объяснил, и другие стихи тоже. И теперь я несколько раз перечитываю эту главу про себя. Мне всегда больше нравятся главы, когда ты мне их объясняешь. Я так рада, что Библии не остались на корабле, потому что тогда ты не смог бы продолжать объяснения. Но на что ты так пристально смотришь, папа?

- Я смотрю на те деревья на противоположной стороне, у подножия холма. Мне кажется, я вижу среди них маниоку или хлебное дерево, самое ценное открытие для нас, если это так. Пойдем, пересечем ручей, чтобы я смог убедиться в этом.

Мистер Говард поднял Лейлу и помог няне подняться. Дэш не нуждался ни в чьей помощи, но Селина, бедная Селина, питала антипатию к воде. Она не любила фонтан, каким бы чистым он ни был, и особенно не любила бегущий ручей.

Там она стояла, дрожа и выглядя очень несчастной, и ее меланхолическое мяуканье растопило бы камень в сердце.

- Ну, Дэш, мой добрый друг! - воскликнул мистер Говард, - это никуда не годится ... это позорное отсутствие галантности с твоей стороны ... взять, Дэш, взять!

И он указал туда, где находилась бедная киска с одной лапой в воде, трясясь , как в приступе лихорадки.

Дэш подскочил к ней. Первым его намерением, очевидно, было схватить Селину за шею, потому что иногда его охватывала ревность, но он передумал и, наклонившись, она вскочила ему на спину, а в следующее мгновение уже лежала в безопасности у ног своей маленькой хозяйки. Отряд направился к роще, среди которой мистер Говард смог разглядеть только одно дерево маниоки, но все же это было приятным открытием, так как давало ему надежду, что в других частях острова их может быть больше. Лейла нетерпеливо огляделась среди ветвей и, повернувшись к отцу, с явным разочарованием воскликнула: "Но, папа, я не вижу ничего похожего на хлеб".

- А, моя дорогая девочка не ожидала увидеть на ветках буханки и горячие булочки ? Это была голодная идея, Лейла, и я думаю, что мы должны отложить восхождение на холм до следующего дня и вернуться домой, чтобы приготовиться к ужину. Видишь ли ты эти маленькие яблочки, любовь моя, среди ветвей маниоки? Именно из них индейцы делают своего рода хлеб, когда они созреют. Мы будем собирать их и хранить в песке, а также пользоваться ими таким образом; между тем вот другие вещи, которые будут очень ценны для нас". И мистер Говард, говоря это, поднял с земли несколько больших

кокосовых орехов, которые сбросил ветер, и, отдав несколько из них няне, они вернулись домой. После ужина он прочитал вслух вечернюю службу и часть Библии, и, услышав, как Лейла повторяет свои катехизисы и гимны, она рано легла спать, озабоченная делами завтрашнего дня.

Глава 6

На следующее утро все встали к рассвету, и как только молитва закончилась, Лейла, не терпя промедления, выскочила на свежий воздух и заметалась, как безумная, словно опьяненная чистым упругим ощущением раннего утра. Но мистер Говард, как раз собираясь присоединиться к ней, был встревожен необычным шумом среди птиц и, испугавшись, что среди них может оказаться дикая кошка, бросился им на выручку. Но нашел только Лейлу перед одним из гнезд, с силой тряся несчастную курицу, сидевшую на нем. Увидев папу, она остановилась, и бедная испуганная птичка укрылась между ног мистера Говарда.

- Лейла, - воскликнул он, - я едва могу поверить в то, что вижу перед собой.

- О папа, - ответила она, и ее лицо и шея стали пунцовыми, - я действительно не могла не сердиться. Я достала по яйцу из каждого другого гнезда, но эта плохая, глупая курица не дает мне ни одного. И как мы можем посадить курицу сегодня, когда у нас только двенадцать яиц?

- Лейла, это не курица плохая или глупая, а ты не разумная. Сейчас не в ее характере давать тебе по яйцу каждый день; Ты, вероятно, найдешь его завтра в гнезде, но я не разрешу няне сажать курицу ещё два дня. Мне очень жаль, что приходится наказывать тебя, дитя мое, но мой долг - всячески сдерживать это нетерпение, которое может привести тебя к самым ужасным проступкам. Ты только что встала с колен, Лейла, когда просила Своего Бога и Спасителя любить тебя, как Свое дитя, вложить в твое сердце Его Святой Дух и сделать тебя более послушной, более кроткой и смиренной, как Он Сам, и достойной быть агнцем Его стада. Неужели ты думаешь, что Он мог бы полюбить тебя в тот момент, когда ты отдавалась таким разным чувствам?

- О нет, папа, Он не мог. Но теперь Он видит меня и знает, что мне очень жаль ... О, конечно, очень жаль! — и она в сильном волнении сжала свои маленькие ручки. - Но, папа, неужели я никогда не вырасту хорошей, когда мне так этого хочется? Должна ли я всегда продолжать бороться и бороться?

- Да, Лейла, мы всегда должны бороться с нашей собственной злой природой и с тем злым духом, который является автором всего зла. Но Бог сказал: "Моей благодати достаточно для тебя", и Он тот же самый верный Бог, который не позволит нам подвергнуться искушению выше того, что мы способны нести, но вместе с искушением проложит путь к спасению, чтобы мы могли его вынести. Мы никогда не будем

свободны от греха, пока мы находимся в этом мире. Но если мы чувствуем глубокое раскаяние за то, что обидели, и постоянно молимся о Святом Духе Божьем, чтобы Он укрепил нас против греха, мы после этой жизни будем приняты в вечное счастье, из-за того, что Иисус Христос пострадал за нас. Ибо если мы смиренно ищем благодати, чтобы вести себя в послушании святой воле Божьей, и полагаемся на спасение только от Христа, то будем нам помощь свыше. Он обещал помочь всем тем, кто чувствует свою слабость и уповает на него. И Он даст тебе силу, и приведёт тебя в Своё небесное царство, где больше не будет борьбы с твоей злой природой. Ты станешь чистой, как и Он , и будешь готова вечно пребывать со своим Господом и Спасителем в совершенном счастье. А теперь, дитя мое, ступай и скажи няне, чтобы она приготовилась сопровождать нас, и давай начнем нашу прогулку в это прохладное и прекрасное утро. Посмотри, Лейла, как это великолепное солнце - эмблема Самого Бога - поднимается над холмом, проливая свой сияющий свет на каждый окружающий предмет, прогоняя тени ночи и поднимая небесные росы в этих облаках мягкого прозрачного тумана, которые все еще спят в долинах! Так пусть же чистый Свет Евангелия воссияет над нашими темными сердцами и прольет вокруг нас вечные мир и счастье!

Прошло несколько недель, прежде чем забор был закончен, и мистеру Говарду удалось засеять землю семенами. Но когда это необходимое дело было сделано, он решил заняться другими намеченными улучшениями более неторопливо и теперь регулярно посвящал часть дня занятиям Лейлы. Недостаток книг был печальным препятствием для ее совершенствования, но развитие собственного ума мистера Говарда позволило ему передать ей много полезной информации.

После того как ее религиозные обязанности заканчивались, и он прочитывал и объяснял ей Библию, он каждый день читал ей лекцию по истории. Затем они регулярно ходили вместе на пляж. И прежде чем начинался полдневный зной, она получала от него наставления по географии, письму и арифметике. С помощью заостренной палочки она вычерчивала на песке разные страны и подводила итог множеству длинных цифр. А ее урок письма всегда давался на французском языке. В этом языке она всегда добивалась значительных успехов, привыкнув слышать, как ее папа говорит на нем с французским джентльменом, который был его секретарем и который любезно давал Лейле ежедневный урок. Теперь она писала его каждый день на песке: папа диктовал ей простые фразы по-английски, а она записывала их по-французски. Ее запас гимнов поддерживался постоянным повторением, и к ним добавлялось много стихов из запаса памяти мистера Говарда. Он часто записывал их на листьях пальмы, а Лейла часто развлекалась тем, что писала маленькое письмо папе на листке пальмы и связывала его в завиток из виноградной лозы. Хотя в ее рабочей шкатулке было несколько мотков ваты, няня следила за ними ревнивым взглядом.

К бесконечному удовольствию Лейлы, больше не нужно было подшивать оборки. Но хлопчатобумажная ткань была достаточно необходима для того, чтобы поправить многочисленные прорехи, которые ее платья выдерживали, взбираясь на деревья, — достижение, в котором она вскоре стала настолько искусна, что сами белки терялись в изумлении.

Много было гнезд лесного голубя и горлицы, с которыми она познакомилась в своих исследованиях среди этих высших отраслей естествознания. Так как она обычно носила с собой несколько крошек для молодых птиц, они скоро узнавали её веселое "чирик, чирик" - и широко раскрывали свои маленькие рты, чтобы их накормили, и смотрели на нее глазами, полными почтительной нежности и истинной сыновней привязанности. Папа разрешил ей перенести некоторые гнезда на скалы, и старые птицы, видя, что им

больше не причинят вреда, продолжали заниматься своими домашними делами и давали Лейле много полезных советов по управлению детскими садами.

Она с величайшим интересом наблюдала за кормлением родительских птиц и была поражена их нежностью, неутомимым терпением и активностью. Она пыталась подсчитать, как часто они в течение часа возвращались в гнездо с кормом для своих птенцов, но обнаружила, что это не поддается подсчету — ей казалось, что скоро на всем острове не останется ни червяка, ни мухи, ни термита.

Для нее было новым наслаждением, когда птенцы впервые начали обучаться искусству полета. Лейла усаживалась чуть поодаль и с величайшим удовольствием наблюдала за их первыми попытками.

- О папа, - воскликнула она однажды утром, — сегодня я так весело провела время: я видела, как все мои шесть маленьких голубей вылетели из гнезда. Знаешь, папа, я дала им имена: Боб, Гарри, Билли, Фанни, Люси и Китти. Ну, папа, мама пришла к ним сегодня утром, и она щебетала, и щебетала с ними. И говорила им, что делать, а они кивали головками и говорили: "Да, да"

- А теперь, Лейла, не позволяй своему воображению разыграться.

- Ну, папа, я имею в виду, что они поняли, потому что они действительно понимали, папа. Мама слетела на траву и все чирикала и чирикала, а они все встали на краю гнезда и захлопали крыльями, а потом набрались храбрости и втроем полетели вниз. Боб и Гарри летали очень хорошо — это самые большие птицы во всем гнезде. Но Фанни как-то странно кружилась в воздухе и падала вниз. Потом мама подошла к ней, чтобы утешить, и она снова чирикнула и полетела немного к гнезду, но не вошла в него. Билли и Люси полетели ей навстречу и благополучно спустились. А Китти была большой трусихой и не хотела спускаться. Она стояла на краю гнезда, хлопая крыльями, но не пыталась взлететь. Папа, ты знаешь, что сделала мама? Она подлетела и толкнула ее, и та с грохотом рухнула вниз, точно так же, как это сделала Фанни. И вот теперь они все вылезают из гнезда, летают и прыгают по траве, совсем весёлые. А можно мне немного крошек покормить их? Я уверена, что они любят крошки больше, чем червей и мух. Кроме того, это жестоко есть бедных червей и мух.

- Нет, Лейла, это не жестоко, таково Божье намерение. Эта земля была бы переполнена червями и мухами, если бы их численность не уменьшилась таким образом. Эти насекомые даны им в пищу, точно так же, как многие птицы и животные даны нам в пищу. Я всегда сожалею, когда мне приходится подстрелить птицу или каких-нибудь хорошеньких крольчат, которых ты видишь бегающими в таком количестве, но все же это необходимо сделать.

- Мне тоже очень жаль, папа, и мне было очень жаль в тот день, когда ты застрелил козлёнка. Как думаешь, ты мог бы поймать мне козлёнка живым? Мне бы очень хотелось иметь его. Дэш бегал за ними очень часто, и почти ловил их, но когда козлята попадают на камни, то дают такие скачки. Жаль, что я не могу прыгать за ними по скалам, мне так хотелось бы заполучить одного из них.

- О нет, Лейла, ты не должна пытаться забраться на скалы. Твое лазанье по деревьям, как сейчас, часто вызывает у меня серьезную тревогу. Кроме того, дитя мое, ты должна хоть немного посочувствовать чувствам бедной няни. Она очень расстроена состоянием твоего гардероба. Она говорит мне, что ты очень сильно рвешь свои платья. А ты знаешь, дорогая Лейла, что здесь их невозможно будет заменить.

- Но, папа, няня придумала такую хорошую идею: она хранит все кроличьи шкурки, а когда у нее будет достаточно, она сошьет их вместе и сделает из них маленькое платьице для меня. И когда я влезу на дерево в своем кроличьем платьице, может быть,

белки подумают, что я еще одна маленькая белочка, и я смогу их поймать?

- Я бы предпочел попытаться подарить тебе козленка, любовь моя. В последнее время я часто жалею, что нам не удалось поймать несколько таких коз с их детьми. Их молоко было бы для нас большой роскошью. Нянюшка очень жалела на днях, что мы не можем достать для тебя молока. Она сказала мне, что когда она была маленькой девочкой, она испытывала постоянную заботу своей матери. И что если бы у нас было несколько коз, она могла бы заботиться о них, и доить их для нас, и даже сделать немного масла. Но как она ухитрится сделать масло, я не знаю, так как у нас нет маслобойки.

- Она рассказала мне об этом, папа. Она сказала, что может приготовить его в стеклянной бутылке, которая стоит в столовой. Но она сможет сделать очень мало за один раз. И она сказала, что если у нас будут козы, то она научит и меня доить их и делать масло. О, это было бы так чудесно. Я надеюсь, что ты постараешься поймать их немедленно, папа. Ты начнёшь сегодня же?

- Но Лейла, как это сделать? Ты, которая так любишь строить планы, должна сказать мне, как я должен ухитриться поймать их. Тогда, я увижу, что ты напрягаешь свой маленький мозг. Что ты посоветуешь?

- А не лучше ли, папа, подойти к ним очень-очень тихо, когда они не видят, накинуть им на шею веревку и привести их домой?

- Очень хороший план, Лейла, если бы они смотрели в другую сторону и стояли неподвижно, чтобы им на шею надели веревку. Твой план напоминает мне о моих собственных маленьких сестренках, выходящих изо дня в день с горстью соли, чтобы ловить голубей. Няня говорила им, что если бы они только умудрились посыпать солью хвосты голубей, то они бы стояли смирно и позволяли себя ловить. Но голуби были непослушными, они всегда улетали, когда девочки приближались к ним, и козы тоже быстро убегают. Нет, ты должна придумать какой-нибудь другой способ. Ты помнишь, что сделал Робинзон Крузо?

- О да, теперь я вспомнила - он копал ямы, и козы падали в них.

- Верно, Лейла, я хочу попробовать этот способ, чтобы их поймать. Во всех наших улучшениях я взял очень много полезных советов от Робинзона Крузо. Помнишь ли ты, что он также развешивал виноград сушиться на ветвях деревьев, как это делали мы, и что он сеял рис и кукурузу, которые, я уверен, не могли бы вырасти лучше, чем наши? Но я не думаю, что мне удалось бы так же успешно, как ему, сделать чаши и различные сосуды из глины и обжечь их в огне, чтобы сделать их пригодными для содержания любой жидкости. Если бы нам удалось поймать коз, мы были бы в большой растерянности из-за сосудов, в которых хранилось бы молоко. Я хочу, однако, попытаться сделать несколько деревянных чаш. Те деревья, которые были сброшены бурей, снабдят меня достаточным материалом. Теперь, когда мы использовали меньшие ветви для наших стульев, стебли хорошо подойдут для чаш. И я думаю, что я мог бы даже выдолбить часть из них и сформировать своего рода маслобойку — во всяком случае, хорошо сделать попытку. Давай приготовим все для коз, в надежде, что мы их поймаем. Огораживание для них небольшого участка будет для нас еще одной большой работой. Но мы, вероятно, успеем завершить ее прежде, чем у нас будет стадо, которое мы должны будем запереть. И если мы найдем в ямах козу или даже двух, мы сумеем удержать их от бегства. Затем, по твоему плану, Лейла, обвязав их веревкой вокруг шеи и привязав ее к одному из деревьев, ты дашь им возможность кормиться по возле пещеры.

- Папа, я надеюсь, что ты всегда будешь делать новые удобства, потому что мне так нравится слушать, как ты говоришь о них, видеть, как ты работаешь, и немного

помогать тебе. Ты же знаешь, что великое событие, как ты его называешь, папа, скоро произойдет. Смотри, вот мои листья, - и Лейла вынула из-за пазухи пять маленьких зеленых листочков.

- Я собрала двадцать листьев, - продолжала она, - и каждый вечер убирала по одному. Сегодня я уберу еще один, а потом останется только четыре, и через четыре дня мы войдем в прекрасную зелёную гостиную. Ты помнишь это, папа?

- Ну, Лейла, вряд ли я забуду, потому что ты обычно напоминаешь мне об этом, по меньшей мере пять раз на день. Но помнишь ли ты, моя маленькая девочка, что в течение двух дней ты не должна приближаться к своей зеленой беседке, даже малейшего взгляда на нее?

- О да, папа, я это прекрасно помню, потому что ты должен меня удивить. Какой же может быть сюрприз!? Я всегда думаю, что это может быть? Очень приятно думать о сюрпризе — я думаю о нем каждую ночь, когда лежу в постели. Когда я просыпаюсь, я знаю, что что-то делает меня очень счастливой, и тогда я вспоминаю, что это сюрприз.

- А помнишь ли ты также, дитя моё, кто вложил в мое сердце желание сделать тебя счастливой, кто дал тебе здоровое тело, спокойный ум и способность наслаждаться счастьем?

- Да, папа, и я думаю ... - Лейла замолчала и покраснела.

- Как ты думаешь, любовь моя?

- Я думаю, папа, что с тех пор, как я приехала на остров, я люблю Бога еще больше, и я молюсь Ему больше, не молюсь Ему, а говорю про себя короткие фразы. Когда солнце садится, и небо становится пурпурным и золотым, и все освещается им, я говорю себе, что Бог очень добр, что сделал этот остров таким красивым для нас. И когда ты целуешь меня и смотришь на меня так ласково, я люблю Бога еще больше за то, что он сохранил тебе жизнь, чтобы целовать меня и быть таким добрым ко мне. Ты знаешь, папа, я теперь гораздо больше читаю Библию; я часто читаю ее под деревьями, когда я не занята с тобой, и это заставляет меня больше узнать о Боге, и тогда я люблю Его больше.

- Лейла, дитя мое, ты даже не представляешь, как ты обрадовала своего папу, сказав это. А теперь оставь меня, дорогая, чтобы я мог один, на коленях, поблагодарить Бога за то, что он коснулся твоего маленького сердца и дал тебе Свою милость, которая одна дает тебе возможность испытывать такие чувства.

Глава 7

Пять дней юной и счастливой жизни Лейлы пролетели незаметно, а на шестое утро она вскочила и стала искать своего отца. Мистера Говарда нигде не было видно.

- Успокойтесь, мисс Лейла,— заметила няня, - и не надо так суетиться. Твой папа ушел в беседку и строго-настрого запретил тебе следовать за ним.

- И вы думаете, няня , что я уйду без его разрешения? Интересно, как вы можете быть такой ... - Лейла хотела сказать "такой сердитой", но вовремя сдержалась, хотя и покраснела от негодования. В этот момент вошел ее папа.

- Папа, - сказала она (подбежав к нему и спрятав лицо у него на груди, когда он наклонился, чтобы обнять ее), - папа, ты слышал, как я молилась?

Бедная Лейла почувствовала, что в эту минуту ей ничто не угрожает, кроме молитвы. Она преклонила колени перед отцом и встала со спокойным и умиротворенным лицом.

- Лейла, - сказал мистер Говард, - наконец-то настал твой счастливый день и твой счастливый час. Мы пойдем в твою зелёную гостиную. После завтрака мы вместе почитаем Библию, потому что я не уверен, что в эту минуту ты могла бы уделить ей все свое внимание.

Лейла огляделась в поисках няни, чтобы сказать, что та найдет ее уже там. Она тут же бросилась навстречу своему отцу, схватила его за руку и потащила вперед. У входа в зеленую беседку ее встретил Дэш, который, по-видимому, считал себя церемониймейстером и, казалось, с волнением приглашал ее войти. Но она задержалась на пороге на несколько минут, чтобы прочесть и полюбоваться словами "Добро пожаловать", которые ее папа начертил яркими цветами над дверью. Затем, бросившись вперед, она застыла в восхищении. Беседка была красиво украшена изнутри гирляндами полевых цветов, завтрак был накрыт на столе посередине, а вокруг расставлены простые стулья. Но ни этот стол, ни эти стулья не были новыми для Лейлы: она следила за ходом работ и сама помогала папе выбирать вещи. А в прелестном уголке, у окна, выходившего на речушку, стояли маленький столик и маленький стульчик, которых она никогда раньше не видела. Также прелестную клетку из белой плетеной ткани, висящую на ветке у окна, в которой была пара голубей. На маленьком столике стояла красивая корзинка из того же материала: она была покрыта зелеными листьями вперемешку с яркими цветами. Она убрала листья, и два маленьких кролика, белых как снег, встретились с ее восхищенным взглядом. Лейла обхватила колени отца и вскочив к нему на руки, покрыла поцелуями его щеку. Мистер Говард был почти так же счастлив, как его дитя. Ее чистая радость была бальзамом для его сердца, и он с молчаливой благодарностью наблюдал, как она перелетала с места на место, охваченная беспокойным восторгом.

- А теперь, Лейла, - сказал он после того, как каждый уголок был осмотрен снова и снова и все восхищенные восклицания были исчерпаны, - возьми свою гитару, и давайте вместе споем утренний гимн, а потом приступим к завтраку.

Няня тоже хорошо исполнила свою роль. Завтрак состоял из превосходного шоколада, горячих пирожков из маниокового яблока, аррорута, только что снесенных яиц и великолепной тарелки винограда с дерева у источника. Какая маленькая девочка не подумала бы, что такой завтрак превосходен? Лейла считала няню самой любезной

из женщин. После завтрака они посетили огражденный участок с рисом и индийской кукурузой, который выглядел наиболее цветущим, а затем направились к источнику. По дороге Лейла обнаружила то, что сначала приняла за какое-то здание.

- Смотри, папа! - воскликнула она, - люди, должно быть, были здесь, чтобы построить это здание. Как это любопытно! Это похоже на несколько сахарных батонов, стоящих довольно близко друг к другу. Только они коричневые, некоторые маленькие, а некоторые большие. Взгляни, какое высокое посередине. Я не могу дотянуться до него. Можно я попробую забраться наверх, папа?

- Нет, любовь моя, лучше не надо : это не здание, Лейла, построенное руками людей; это целый город, построенный белыми муравьями, с дорогами и мостами, ведущими к галереям, королевским покоям, детским садам и складам провизии.

- О, папа, как любопытно! - расскажи мне об этом поподробнее.

- Ну что ж, Лейла, пойдем к фонтану и сядем в тени под нашим любимым деревом. Там нам будет гораздо удобнее.

Лейла бросилась вперед и вскоре уже сидела в нетерпеливом ожидании.

- А теперь, папа, - воскликнула она, когда мистер Говард уселся рядом с ней, - начинай.

- Ну, Лейла, боюсь, я не могу рассказать тебе больше об этом предмете, но я помню, что читал очень интересную статью Смитмена, касающуюся белых муравьёв. Он описывает их как очень интересную маленькую нацию, состоящую из королей, королев, солдат и рабочих. Птицы, как ты знаешь, являются печальными врагами термитов. Они постоянно бросаются на них, когда те бегают по поверхности земли, и уносят их, чтобы накормить своих птенчиков. А в некоторых странах они используются туземцами в качестве пищи и считаются большим деликатесов. Говорят, что они жарятся, как засахаренные сливки или паста из сладкого миндаля. Однако есть еще очень много термитов, которые избегают как птиц, так и людей, и в определенные сезоны года рабочие бегают по поверхности земли в поисках царя и царицы, которые будут править ими. Когда они встречаются с парой красивых, хорошо сложенных, совершенных муравьев, с четырьмя крыльями на каждом, они выбирают их для своего царя и царицы. Чтобы защитить их от птиц и сковородок, они немедленно заключают их в царскую комнату, построенную из глины, и назначают солдат и слуг, чтобы следить за ними. Вокруг королевских покоев выстроено множество других комнат и детских, которые в целях безопасности всегда помещаются в центре здания. И еще более того, чтобы обеспечить их безопасность, вход делается слишком маленьким, чтобы позволить им когда-либо покидать его. Ибо царь и царица, наслаждаясь жизнью в покое и роскоши, скоро становятся такими большими, величественными муравьями, что они, несомненно, застряли бы в дверях, если бы попытались выйти. В то время как солдаты и рабочие не толстеют из-за постоянной занятости и продолжают быстро и легко проходить. Яйца, отложенные царицей, переносятся в ясли работниками, которые заботятся о детёнышах. Когда они рождаются, и по мере того, как их число увеличивается, и эти ясли становятся слишком маленькими, они вытаскивают их и строят больше.

- Какие умные термиты, папа! Уверена, что я не смогла бы этого сделать.

- Действительно, Лейла, ты не смогла бы. Твоя зеленая гостиная, которой ты так восхищаешься, и все разнообразные приспособления, которые я там изобретал, кажутся такими ничтожными по сравнению с изобретениями и чудесными приспособлениями этих маленьких созданий. Казалось бы, они с самого начала знали, что их детские комнаты должны быть расширены. Царские покои, различные комнаты для солдат и

рабочих, склады для их провизии - все это построено из глины, которая вскоре затвердевает и становится похожей на работу каменщиков. Но детские комнаты построены полностью из дерева, соединены между собой разновидностью камеди и легко разбираются на части. Поначалу все они строятся рядом с царскими покоями, но по мере того, как растет число новых муравьев, требуется все больше и больше комнат. Дополнительные детские комнаты строятся как за другими покоями, так и над ними. И так как потолки всех этих покоев арочные, а также проходы и галереи, ведущие к ним, они поддерживают друг друга. Но в этом возросшем состоянии здания солдаты и рабочие, кажется, считают себя довольно обремененными работой. И неудивительно, потому что им приходится прислуживать царю и царице, которым требуется больше внимания по мере их роста. Им приходится таскать дрова, воду и провизию, бегать с яйцами по разным яслям и присматривать за молодняком. Поэтому, чтобы облегчить доступ в новые комнаты, они иногда строят к ним лестницы, а когда они удаляются от покоев царицы, то сокращают расстояние, перекидывая через них мост. Смитмен упоминает один из таких мостов, который был полтора сантиметра шириной, шесть миллиметров толщиной и двадцать пять сантиметров длиной.

- О, папа, не останавливайся, расскажи мне о них. Как такие маленькие существа могут построить такое большое здание?

- Они делают это, Лейла, с величайшим терпением и усердием; они никогда не сидят, сложа руки. Они не похожи на маленьких девочек, которые сильно уставали, когда им приходилось подшивать длинные оборки.

- Но, папа, ты же знаешь, что у меня здесь нет оборок, чтобы подшивать, и я думаю, что мне не следует сейчас уставать.

- Нет, любовь моя, у тебя, конечно, нет излишеств, чтобы подшивать, но у тебя есть много других дел, которые требуют терпения и настойчивости. Теперь ты должна стараться походить на этих маленьких муравьев и терпеливо выполнять свою задачу, пока не сделаешь ее совершенной.

- Но как они могут сделать его таким высоким, папа?

- Я вижу, Лейла, у тебя захватывает дух при одной мысли о таком труде, и неудивительно. Знаешь ли ты, что эти здания более чем в пятьсот раз выше самих муравьев? Только подумай о том, что мы пытаемся построить дома в пятьсот раз выше нас. Ведь они достигнут облаков. А эти маленькие существа проявляют удивительное мастерство и постоянство в своих постройках, которые сначала появляются над землей с помощью одной или двух башенок в форме сахарных хлебов. Вскоре после этого, когда они увеличиваются в высоту и в размерах, они возводят другие и продолжают увеличивать их число. Затем расширяют их внизу, пока их работы внизу не будут покрыты этими башенками. Так что у них есть комнаты, галереи и проходы под землей, а также над землей. Самая высокая башня всегда находится посередине, и, заполняя пространство между каждой из них глиной, они собирают их под одну крышу или купол. И они соединяют их тогда, когда крыша закончена, для чего башенки служат им опорами для работы, Они разбирают средние башни целиком, за исключением частей, которые, соединяясь вместе, образуют своего рода корону или купол. Чтобы ничего не потерялось, они несут воду и увлажняют глину, которую они сняли и снова используют ее для строительства комнат, детских и галерей внутри.

- Папа, это чудесно, как в сказке. Надеюсь , ты уже не собираешься остановиться?

- Да, любовь моя, это так. Завтра или в другой раз мы еще поговорим о муравьях, Но вернемся сейчас. Поскольку сегодня праздник, я обещал няне приготовить на обед блюдо с форелью, а тебе, Лейла, не пора вернуться в свою зелёную гостиную и

посмотреть, что там делают кролики и горлицы? И няня, и я в течение некоторого времени прилагали большие усилия, чтобы научить Дэша и Селину быть в хороших отношениях с ними, но мы не должны слишком доверять такой дружбе.

- Значит, няня знала секрет этого сюрприза, папа? И она помогла тебе сделать красивую корзину и клетку?

- Нет, любовь моя, это была моя утренняя работа в последние дни, когда ты крепко спала. Если бы это была моя первая попытка плетения, я не смог бы выполнить ее так легко. Я делал корзины для своих маленьких сестер. В нашей деревне был корзинщик, у которого была большая семья, и мои сестры часто занимались изготовлением одежды для его детей. Он был очень благодарен и разрешил мне приходить к нему на работу, а потом предложил научить меня делать корзинку для каждой из моих сестер. Видишь ли, Лейла, в юности полезно учиться как можно большему, ибо мы не можем сказать, какое значение это может иметь в тот или иной момент жизни. А теперь пойдем, любовь моя, и вернемся в нашу зелёную гостиную.

-Да, папа, и я буду усердна, как муравьи, а когда немного поиграю с кроликами и голубками, вернусь в пещеру и снова займусь своей утомительной работой.

- А в чем заключается твоя утомительная работа, Лейла?

- Ищу иголку в гравии, папа, которую я выбросила вчера, когда закончила чинить платье.

- Выбросила?

- Да, папа. Видишь ли, мне очень хотелось пойти и погулять с тобой. Но няня сказала, что сначала надо починить платье, и я принялась за работу так быстро, как только могла. А когда подошла к концу большой длинной прорехи, я торопливо оборвала нитку и выбросила иголку. И тогда няня рассердилась: она сказала, что нужно святое терпение, чтобы справиться со мной. И она заставила меня сесть на землю и полчаса искать иголку. Она сказала, что я должна искать ее каждый день по полчаса, пока не найду.

- Няня совершенно права, дитя мое, и ты видишь, к каким заблуждениям постоянно приводит тебя это нетерпение. Я умоляю тебя, Лейла, береги себя и никогда не переставай молить Бога о помощи, чтобы помочь тебе избавиться от этой ошибки, и никогда не говори мне, что ты выбросила еще одну иголку.

- Нет, папа, я не буду, потому что у нас здесь очень мало иголок. У нас их было только одиннадцать, когда няня считала вчера утром, а если я не найду эту, то останется только десять, и ей будет очень жалко, потому что она каждое утро пересчитывает здесь иголки, точно так же, как дома считала серебряные чайные ложки.

Бедная няня! Она была человеком ограниченных способностей, хотя и глубоко сочувствующим. И потеря иглы в ее теперешних обстоятельствах, конечно, в течение нескольких дней после этого существенно повлияла на ее настроение. Она охотно отдала бы свою жизнь за своего господина или за его ребенка, но, хотя она почти ежедневно страдала от раздражительности Лейлы, в своих упреках с ребенком она не наносила удар по корню зла. В таких случаях, как выбрасывание иголки, она размышляла о самой потере, а не о недостатке темперамента, который привел к этой потере, и при более серьезных недостатках подавляла Лейлу целым рядом слабых причин для ее неудовольствия в тот момент, когда ребенок был вне власти всякого мысли. Но от непрестанной заботы мистера Говарда и рассудительного руководства Лейла извлекла неоспоримые преимущества. Сознавая, как трудно даже самым мудрым и лучшим из людей сохранять всегда один и тот же спокойный, веселый нрав, и сознавая, что бывают времена, когда какая-то болезненная чувствительность и

неуместная раздражительность овладевают всеми чувствами, он чувствовал, что величайшее сочувствие и снисходительность необходимы по отношению к ребенку, который, обладая самым нежным нравом и самым острым чувством справедливости, все же должен был бороться с характером, естественно поспешным и нетерпеливым. Бывали и такие минуты, когда из-за какого-нибудь несерьёзного телесного недомогания Лейла не могла сосредоточиться на том, чем занималась, и когда всякое занятие серьезного характера было ей неприятно. В такие минуты мистер Говард всегда старался избегать всего, что могло бы задеть ее чувства. Отнюдь он не требовал того внимания, которого она не могла уделить и которое могло вызвать только неприятное раздражение. Он приглашал ее к какому-нибудь более легкому занятию или занимал ее интересными беседами, усыплял те неприятные настроения, которым она никогда не поддавалась без сильного чувства вины раскаяния. Так он, не переставая, но все же мягко покачиваясь, наблюдал и рассеивал те маленькие облачка, которые под благонамеренным, но неумелым руководством няни вскоре вызвали бы бурю и вихрь.

Глава 8

На следующее утро, как только закончились ежедневные уроки, Лейла сказала, т. к. ей не терпелось вернуть папу к теме муравьев, которая так сильно завладела ее воображением.

- Папа, - сказала она, - я много думала об этих муравьях. Интересно, стану ли я когда-нибудь такой же трудолюбивой и терпеливой, как они? Но ты же знаешь, папа, что у них тоже много разнообразия, и у маленьких муравьев были хорошие большие ясли, в которых можно было играть. Они видели, как улучшаются условия, когда их ясли становились больше, и это как раз то, что меня очень заинтересовало. Как старшие муравьи хорошо бегали, носили воду и провизию, раскладывали яйца и заботились о маленьких. Но неужели ты думаешь, что у них хватило бы терпения искать иголку по полчаса каждый день, пока они ее не найдут?

- Ну, Лейла, что касается этого, то я думаю, что они считают иглу очень грозным оружием и, вероятно, лучше ее потерять, чем найти. Но что касается их терпения, то молодой Губер рассказывает нам об одном муравье, который без всякой помощи других начал и завершил аллею или галерею длиной в несколько сантиметров, ведущую с одного из этажей в подземные покои. Это был муравей темно-пепельного цвета, ибо существует много различных видов муравьев. Он выбрал дождливый день для своих операций, в который они любят работать, так как это экономит им труд носить воду, чтобы увлажнить землю. Этот деятельный маленький труженик начал копать землю у входа в муравейник. Он сложил в кучу землю, которую наскреб, и сформировала из нее

маленькие шарики, которые он положил туда и сюда на гнездо. Затем провел прямую линию к нижним камерам, сначала слегка выдолбив землю, а затем, придав этой линии большую ширину и глубину, завершил аллею самой совершенной формы.

- Я думаю, папа, что муравьи более умнее, чем пчелы, о которых ты мне рассказывал в Индии. Теперь я буду еще больше жалеть, когда увижу, как птицы их ловят, потому что они мне очень нравятся.

- Моя дорогая Лейла, ты же знаешь, что я уже объяснил тебе необходимость того, чтобы одно существо охотилось на другое, чтобы их численность не увеличивалась слишком быстро. Но, несмотря на это, ты будешь огорчена, узнав, что у твоих маленьких любимцев есть еще один враг, столь же грозный, как и птицы.

- И что это за враг, папа?

- Это личинка муравьиного льва, любовь моя. Это насекомое серого цвета, с телом, состоящим из колец, как у гусеницы. У него только шесть ног, но самая грозная пара челюстей в виде жатвы, с помощью которой он высасывает соки муравьев, которыми он питается.

- О, жестокий негодяй! Я просто ненавижу его, папа. Но может ли он двигаться быстро? Гусеницы не идут быстро, почему муравьи не убегают?

- Лейла, он не может двигаться быстро, он может только пятиться назад, и даже это движение он совершает очень медленно и неуклюже.

- Что ж, я очень рада, потому что муравьи бегают так ловко, что поймать их не получится.

- Да, милая, активность и быстрота муравьев действительно сделали бы невозможной для него внезапное нападение, и он жил бы весьма бедно, если бы не изобретательность его хитроумных приёмов. Но благожелательный Творец всего дал в этом, как и почти во всех других случаях, дополнительные силы животному, чтобы уравновесить его недостатки. Муравьиный лев чрезвычайно проницателен. И хотя он не может бежать за своей добычей, он может заранее найти средства, чтобы поймать ее в ловушку.

- И как же он это делает, папа?

- Бонне, который писал на эту тему, говорит нам, что он неоднократно наблюдал за всем процессом. Ловушка, которую использует муравьиный лев, представляет собой яму, сделанную в рыхлом песке. На дне её он подстерегает муравьев, которые случайно спотыкаются о край и падают в яму. Они не могут из-за рыхлости стен выбраться из неё и совершить побег. Его ловушки имеют различные размеры, от двух с половиной до семи с половиной сантиметров в диаметре

Когда он намеревается сделать один из значительных размеров, он действует так методично, как мог бы сделать самый искусный архитектор. Бонне говорит, что сначала "муравьиный лев исследует почву, достаточно ли она суха и тверда для своей цели. И если это так, то он начинает с того, что очерчивает круг там, где должно быть устье ловушки. Обозначив таким образом границы своей ямы, он начинает выкапывать её. Покрывая слюной землю внутри круга и используя одну из своих ног в качестве лопаты, он кладет груз песка на плоскую часть своей головы, а затем рывком выбрасывает этот песок на несколько сантиметров за пределы круга".

- Какое странное создание, папа! Мне бы хотелось посмотреть, как он делает свою ловушку. Но как, должно быть, устала его маленькая ножка!

- Да, Лейла, если бы он всегда пользовался одной и той же ногой, то действительно устал бы. Но, по-видимому, он считает, что время - это честная игра. Поэтому он никогда не пользуется только одной ногой за раз, и всегда той, что ближе к центру круга. Работая с величайшим усердием, он быстро совершает круг и, двигаясь назад, достигает

того места, где он начал. Но вместо того, чтобы двигаться в том же направлении, как раньше, он считает, что эта нога уже сослужила хорошую службу. Поэтому, вращаясь вокруг своего тела, он совершает круг в противоположном направлении и таким образом избегает перекладывать всю усталость труда на одну ногу, меняя их при каждом обходе круга. Если бы у него были только песок и рыхлая земля, он мог бы работать своей лопатой до тех пор, пока вся операция не была бы завершена. Но что делать, когда на его пути появляется камень, который существенно повредит совершенству его ловушки? И это очень часто случается в ходе его трудов, а иногда как раз в тот момент, когда он собирался их закончить.

- Ну, папа, я очень рада, что он встречается с камнями. И я надеюсь, что его ловушка всегда будет совершенно испорчена, и что он уйдет так разгневано , как только может.

- Нет, Лейла, его терпение и трудолюбие неистощимы, и подобные препятствия только заставляют его удвоить усилия, чтобы устранить препятствие. Если камень мал, он ухитряется выдернуть его так же, как он вычерпывает песок. Но если камень в два или три раза больше его собственного тела, это более серьезное дело. Он обычно оставляет его до последнего, и когда весь песок, который необходим, удален, он приступает к этой грандиозной операции с какой-то отчаянной решимостью. Подползая обратно к тому месту, где находится камень, и просунув под него свой хвост, он ухитряется рывком своего тела выдернуть камень правильно балансировать на спине. Это нелегкое дело; но, сделав его, он снова начинает осторожно ползти вверх по стенкам ямы, стремясь перенести свою тяжелую ношу за пределы круга. Часто эти камни бывают круглыми, и тогда нелегко сохранить равновесие, поднимаясь со своим грузом на спине по склону рыхлого песка, который готов рухнуть на дно при каждом шаге. Часто, когда существо поднимается почти до самого верха и делает глубокий вдох, камень снова скатывается со его спины на самое дно ямы.

Лейла радостно захлопала в ладоши: "О боже, я так счастлива! - воскликнула она, - и теперь я надеюсь, что он никогда больше не попытается поднять камень, а уйдет, мерзкий зверь, и оставит бедных муравьев в покое.

- Нет, Лейла, его не так-то легко обескуражить. Он возобновит попытку пять или шесть раз, пока не добьется успеха. Если же это невозможно, или если он найдет камень, который слишком велик, чтобы попытаться его убрать, он немедленно начнет новую яму на новом месте.

- Тогда, папа, я думаю, что у него слишком много терпения, и мне бы хотелось, чтобы он скорее пришел в ярость и топнул ногой, а потом весь песок посыпался бы и похоронил его. Мне совсем не нравится муравьиный лев — он мне не нравится.

- Но, Лейла, ты забываешь, что он делает все это, чтобы сохранить свою собственную жизнь ; он не может существовать без пищи.

- Ну, папа, если он должен так много есть, скажи мне, что он будет делать дальше, если камень не скатится с его спины?

- Когда яма закончена, она обычно имеет глубину около пяти сантиметров и сужается до точки на дне, где муравьиный лев располагается, чтобы понаблюдать за своей добычей. Затем он зарывается в песок, не оставляя ничего, кроме своих челюстей над поверхностью, готовых схватить бедных маленьких муравьев, которые, пробегая слишком близко к краю ямы, скользят вниз по рыхлому песку и становятся ее жертвой. Он высасывает только их кровь, а затем выбрасывает сухую тушу за пределы ямы. Затем поднимается наверх и тщательно восстанавливает все повреждения, которые могут быть нанесены ее стенкам. И снова прячется, как и прежде, чтобы понаблюдать за очередной жертвой.

- В самом деле, папа, я ненавижу этого жестокого муравьиного льва, и если бы я увидела маленьких муравьев, идущих рядом с его ловушкой, я бы всегда отталкивала их.

- Ну, Лейла, я вижу, совершенно напрасно, чтобы отстаивать свою позицию с тобой. И я боюсь, совершенно бесполезно сейчас то, что я должен идти копать ямы для коз, к которым ты принимаешь такой интерес в последнее время, потому что ты будешь предупреждать их об опасности упасть в яму. Более того, я начинаю подозревать, из-за постоянных разочарований, с которыми я до сих пор встречался, что ты делали так уже.

- О нет, папа, конечно, нет. Потому что ты не лежишь на дне ямы с двумя огромными челюстями и не пьешь кровь бедных коз.

- Нет, Лейла, это, конечно, не такое уж кровавое дело. Наши намерения относительно коз в настоящее время совершенно невинны, к чему бы ни привели нас однажды наши нужды. Но ступай, любовь моя, в свою зелёную гостиную и оставайся с няней. Сегодня тебе слишком жарко, чтобы пытаться взобраться на холм.

- Тогда зачем тебе идти, папа? Я уверена, что ты тоже заболеешь, и ты никогда не увидишь корабля, хотя ходишь туда каждый день, папа.

- Потому что, любовь моя, я считаю правильным воспользоваться всеми возможными шансами, чтобы сообщить о нашем положении. С холма мы видим все вокруг, и с помощью моего телескопа, на большое расстояние. Если бы я обнаружил судно, я немедленно зажег бы огонь на вершине холма, в надежде, что либо это, либо флаг, который мы уже подняли там, может быть замечен. Короче говоря, мой долг, Лейла, сделать все возможное, чтобы мы покинули этот остров. Остальное в руках Господа.

- Папа, мне было бы так жаль уезжать! Мне очень нравится пещера и моя зеленая гостиная. И у меня здесь так много друзей: у меня есть ты, папа, и няня, и мои четыре белые курицы, и мой петух, и Дэш, и Селина, и тринадцать цыплят, и мои два белых кролика, и мои две горлицы. Еще у меня есть семья маленьких мальчиков и девочек - Боб, Гарри, Билли, Фанни, Люси и Китти. Неужели ты думаешь, папа, что капитан позволит мне взять с собой в каюту всех моих птиц и зверей?

- В самом деле, Лейла, боюсь, что нет.

- Тогда мне совсем не хочется уезжать. Как жаль было бы моим маленьким мальчикам и девочкам, когда они теперь хорошо меня знают, папа! Когда они видят, что я выхожу утром, они спускаются со скал, чтобы покормиться. Они никогда не уходят далеко, хотя вполне могут летать. И знаешь, сегодня утром Фанни подошла совсем близко и запрыгнула мне на ногу, а потом посмотрела мне в лицо, и я рассмеялась.

- Ступай, маленькая фея! - воскликнул мистер Говард. - я уверен, что любой улыбнулся бы, услышав, как ты бежишь дальше.

Лейла соскочила с отцовского трона, ее легкие шаги едва касались земли, когда она летела вперёд. И прежде чем мистер Говард пересек ручей, чтобы подняться на холм, она уже была в своей зеленой беседке, находясь в своем сельском дворике среди своих маленьких любимцев.

Глава 9

В течение многих дней после этого мистер Говард и Лейла продолжали осматривать ямы для коз каждое утро, но встречали только разочарование. И терпение маленькой девочки было почти истощено, когда однажды утром, по обыкновению опередив своего папу, она полетела назад, восклицая:

- Быстрее, папа, быстрее, потому что я уверена, что что-то случилось. Ветви были потревожены, я уверена, что это так. Там двое маленьких козлят вытягивают шеи и заглядывают в дыру. Я думаю, что их мама провалилась, и они хотят пойти к ней. Пойдем скорее, папа.

И она взяла папу за руку и потащила его за собой. Мистер Говард ускорил шаг, но Лейлу это не удовлетворило.

- Папа, ты заболел? - поинтересовалась она.

- Нет, любовь моя! Что заставляет тебя так думать?

- Потому что ты идешь так медленно, папа, гораздо медленнее, чем раньше.

-Ты ошибаешься, Лейла, это твое собственное нетерпение заставляет тебя так думать. И почему ты так торопишься и задыхаешься? Это будет иметь значение только в течение нескольких минут.

- Но, папа, мы заставляем бедную козу ждать нас так долго.

-Ну, Лейла, положись на меня, бедная коза отнюдь не с нетерпением ждет нашего прихода. Боюсь, она не очень обрадуется, когда увидит нас.

- А разве не иначе, папа? Мне очень жаль, но тогда мы будем так добры к ней, что она скоро полюбит нас, и я буду играть с ее маленькими козлятами и делать им масло.

Но козлята, не зная о добрых намерениях Лейлы, очень испугались ее приближения. И хотя они, казалось, не хотели уходить далеко, они бегали вокруг ямы в большом испуге, и она тщетно пыталась их поймать — они ускользали от нее с величайшей ловкостью.

- Оставь бедняжек, - сказал мистер Говард, - я не хочу, чтобы ты их сейчас ловила. Я рад видеть, что они уже достаточно взрослые, чтобы щипать нежную траву вокруг, так что не будет никакого страха перед их голодом. Но , Лейла, мы должны сделать то, что покажется тебе очень жестоким. Мы должны оставить бедную козу без еды до завтрашнего утра.

- О, папа! Зачем тебе это делать? Мне будет очень жаль эту бедную козу.

- Потому что, дорогая моя, это единственный способ укротить её. Дети еще молоды и легко привыкнут к своему новому образу жизни. Но с козой, которая так давно привыкла бродить на свободе, необходимы более суровые методы. Если бы мы сейчас попытались отвести его домой и накормить, она оказала бы сильное сопротивление. Но к завтрашнему утру, когда её одолеет голод, мы, вероятно, без труда приведем её, и я не сомневаюсь, что она с радостью примет пищу из наших рук. А теперь, любовь моя, перейдем к осмотру других ям, потому что козы обычно спускаются с высоких гор стадами, и я очень надеюсь, что это не единственный пленник, которого мы поймали.

Мистер Говард был прав, потому что, хотя две соседние ямы были пусты, в четвертой они нашли другую козу с маленьким козленком рядом. Козленок лежал, а коза стояла над ним в печальной позе. Мистер Говард, подумал, что она, вероятно, ушиблась при падении, и Лейла с нетерпением ждала, когда ее папа спустится в яму и выяснит, где именно она могла быть ранена. Но он отказался, потому что при внезапном приближении Дэша козленок вскочил на ноги и, хотя и хромал, по-видимому, не сильно

пострадал.

Дэш, казалось, был готов взять расследование на себя и очень хотел прыгнуть в яму, но Лейла, не вполне удовлетворенная характером его намерений, вцепилась ему в шею, чтобы помешать, а её отец, испугавшись, что они оба могут скатиться в яму, приказал следовать за ним, что и было исполнено.

Они прошли всего несколько шагов, как встретили Селину, запыхавшуюся и ослабевшую от усилий, которые она приложила, разыскивая их. Сначала она побывала на рисовой плантации, а потом в зелёной гостиной. Но нашла там только няню, которая выглядела такой солидной и степенной, что могла предложить лишь утомительную замену своей жизнерадостной маленькой хозяйке.

- Моя бедная Селина! - воскликнула Лейла, - ты опоздала увидеть коз и маленьких козлят. Как я сожалею, что тебя не пригласили! Ты выглядишь такой усталой и разгоряченной, но тебе придется вернуться домой, чтобы наверстать упущенное время.

- Ко мне, Дэш! - и с этими словами она посадила Селину ему на спину, а Дэш двинулся дальше, виляя хвостом и пребывая в прекрасном расположении духа.

- Смотри, папа, - продолжала она, - Дэш уже привык носить Селину. Видишь, ему это нравится, потому что он виляет хвостом, а она уже не чихает на него, не фыркает и не выгибает спину. Теперь они очень любят друг друга. Я учу их быть добрыми друзьями, потому что каждый день, когда я выхожу покормить всех моих животных, моих цыплят, моих голубей и моих кроликов, я всегда беру Дэша и Селину с собой, а потом мы вместе идем на рисовую поляну или в зелёную гостиную. И я сажаю Селину на спину Дэша, когда мы возвращаемся домой, чтобы научить его быть вежливым и добрым к ней. Я рада, папа, видеть Селину такой счастливой и такой доброй. Я хотела бы, чтобы все животные в мире были счастливы и добры, но бедные козы не счастливы. Когда я ем свой обед, я всегда буду думать, что у них нет обеда — это заставляет меня сочувствовать им. Ты сочувствуешь, папа?

- Да, любовь моя, мне жаль бедных коз, но ты же знаешь, Лейла, мы делаем это для их же блага. Мы сурово с ними обошлись таким образом, чтобы впоследствии они были более счастливы.

- Да, папа, и вот что, по твоим словам, делает с нами Бог: Он наказывает нас и заставляет нас сожалеть, чтобы мы стали добрее и счастливее после этого. Тогда мы знаем, что Бог всегда рядом, и что Он сделает для нас все самое лучшее, и это утешает нас. Но бедные козы не знают о Боге, и они не знают, что завтра Бог пошлет нас, чтобы мы вытащили их из ямы, принесли домой в такую приятную пещеру и накормили их. Я хочу, чтобы они знали, что Бог заботится о них. Я рада, что я не коза или маленький козленок. Разве это не одно из благословений, папа, за которое я должна быть благодарна?

- Да, дорогая, ты должна быть глубоко благодарна Богу за то, что он поставил тебя выше животных, которые погибают, что он дал тебе бессмертную душу, способную к вечному счастью. Подумай, Лейла, какой драгоценной в глазах Бога должна быть эта душа, когда Он искупил ее такой дорогой ценой. Иисус Христос положил свою жизнь, чтобы наши души могли жить вечно. Разве Тот, Кто добровольно отдал нам Своего Сына, чтобы Он умер за нас, не даст нам все необходимое? Конечно, Лейла, если мы не забудем Бога.

- Но, папа, разве люди забывают Бога? Как они могут забыть Его , когда все вещи в мире, данные им, от Бога? Разве они не знают, папа, что Он все сделал? И что Он сотворил очень много вещей весьма красивыми? Они могут смотреть на зеленые деревья, папа, и на прекрасную чистую воду, когда лучи солнца танцуют в ней. Если бы

они сидели под кедром, они не забыли бы Бога. Но, возможно, у них нет кедра в их стране, но у них есть цветы. Разве в Англии нет цветов, папа?

- Да, любовь моя, много красивых цветов.

- И разве это не заставляет их думать о Боге? Разве они не знают, что Он создал цветы? Когда я гуляю с Дэшем и Селиной, я всегда собираю цветы и складываю их вместе, но никогда не могу найти два одинаковых. А потом, когда я сажусь и раскладываю их на траве, я думаю о том, как чудесно, что Бог может сделать их все разными и раскрасить их так красиво и такими яркими красками. Вчера я кое — что сделала - не знаю, сочтешь ли ты это правильным - я разорвала цветок на части, чтобы посмотреть, смогу ли я снова собрать его, но, папа, я не смогла. Я долго старалась, но не смогла заставить ни одного листика встать на стебель, они всегда падали. Поэтому я выбросила его, и потому что мне было жаль видеть его уничтоженным. Но тогда я не была нетерпеливой, папа, потому что я сказал себе: Лейла, это только Бог может сделать цветы. Он сделал их все из ничего, но Лейла не может сделать даже одного листочка. И вот я пришла домой, чтобы рассказать тебе об этом, но тебя там не было. Я хотела пойти на рисовую поляну, где, как я думала, ты будешь работать, но няня следила за мной. Она догнала меня и послала на полчаса искать эту отвратительную иглу. Я уверена, что никогда в жизни больше не выброшу иголку.

- Лейла, ты не должна так говорить, и если эта ежедневная работа, которую наложила на тебя няня, сделала тебя более терпеливой, а также заставила тебя быть более осторожной на будущее, я думаю, что твои полчаса каждый день были использованы с большой пользой.

- Потерпи еще, папа! - повторила Лейла тихим голосом, и краска залила ее лицо.

- Да, любовь моя , разве в последнее время ты не стала более терпеливой?

- Не вчера, папа, то есть не тогда, когда няня догнала меня, потому что я разозлилась, рассыпала песок и ударила по нему. А когда няня не смотрела, я скорчила ей рожу и взяла горсть песка, чтобы бросить.

- О, Лейла, дитя мое! - воскликнул мистер Говард.

- Ну, папа, не пугайся, конец был хороший. Я остановилась, папа; я не бросила песок в няню. Я положила его совсем медленно и разгладила рукой, более ровно, чем когда — либо прежде. А потом легла на землю и полчаса искала иголку, и за всю свою жизнь я никогда не была так терпелива. Няня всегда говорит: "хорошее начало обычно приводит к хорошему концу". Но это было плохое начало, папа, которое привело к хорошему концу. Я вижу, что няня наблюдает за нами, и я должна бежать и рассказать ей о козах и козлятах. Как она будет рада! А завтра она начнет их доить, и я ей помогу. До свидания, папа, я хочу, чтобы ты бежал так же быстро, как Дэш, Селина и я. И через минуту она ушла, сопровождаемая своими верными спутниками. Няня восприняла информацию Лейлы с таким же глубоким интересом, как и ожидала. В течение всего дня они вместе строили различные планы по управлению своей маленькой молочной фермой, и оба удалились на покой, одинаково озабоченные приходом завтрашнего дня.

Глава 10

Няня видела сны о молочных ведрах и маслобойках, Лейла - о козах и маленьких козликах. Когда она в полном восторге погналась за козленком молочно-белого цвета и как раз собиралась схватить его, она проснулась, задыхаясь от волнения и прижимая подушку к груди.

Солнце уже давно взошло, стены пещеры сверкали в его ярких лучах, а из открытого окна прохладный освежающий воздух раннего утра уже некоторое время обдувал щеки Лейлы, придавая упругость всему ее телу. Она встала с постели и с помощью няни быстро оделась.

Сны мистера Говарда были более глубокими, но он тоже видел свой утренний сон. Ему казалось, что он сидит под деревом, прислушиваясь к тихому журчанию бегущего ручья и воркованию горлиц из соседней чащи. Лейла лежала на траве рядом с ним, окруженная самыми яркими цветами. - Смотри, папа, - воскликнула она, - как красиво Бог нарисовал их для нас, и как сладко они пахнут!

Мистер Говард открыл глаза. Лейла стояла, склонившись над кроватью, держа перед ним букет ярких цветов, ее цветущее "я" в его глазах было самым ярким цветком и лучшим подарком небес.

- Я знала, что запах цветов разбудит тебя, дорогой папа, - воскликнула она, - и думала, что это будет приятное пробуждение.

- Да, Лейла, видеть тебя здоровой и счастливой всегда должно быть для меня приятным пробуждением.

- Папа, мне кажется, что я всегда здорова и счастлива ; но знаешь ли ты, что утром я все больше и больше счастлива, потому что тогда я ожидаю всех удовольствий дня, а здесь каждый день так много удовольствий! Но это самый счастливый день из всех, потому что именно в этот день маленькие козлята должны вернуться домой — милые-милые, восхитительные козлята — разве ты не очень счастлив, папа? А няня должна доить коз — доить коз, папа, - только подумай об этом. О, вставайте скорее, подумайте, как голодны, должно быть, козы.

- А как же я быстро встану, если ты вот так карабкаешься на мою кровать и висишь у меня на шее? Уходи, маленькая фея, и оставь меня в моем туалете.

- Я ухожу, папа, и до свидания. Я надеюсь, что ты будешь очень быстр, а я пойду к скалам и поищу в гнезде яйца на завтрак, покормлю кур и пересчитаю цыплят. Так я буду терпеливей, пока ты не придешь.

Как только мистер Говард оделся и помолился, он в сопровождении Лейлы и няни отправился освобождать пленников, предварительно позаботившись о том, чтобы запереть Дэша во внешней пещере. Бедные козы, которых нашли в очень плохом состоянии, были подняты с помощью веревок, которые мистер Говард принес с собой для этой цели. А маленького козленка, пострадавшего при падении, осторожно положили в корзину и поручили няне. В то время как мистер Говард повел их домой с не сопротивляющимися козами, Лейла последовала за ними, ведя двух маленьких козлят, которые были связаны вместе и которые, казалось, так же стремились следовать за своей матерью, как и она за ними.

Лейла очень огорчилась, когда, придя в загон, приготовленный для коз, папа сказал ей, что их надо разлучить, и она увидела, как ее маленькие любимцы были заперты на небольшом участке земли, отведенном для них. Но вскоре все ее внимание было поглощено долгожданным удовольствием увидеть, как козы впервые доятся, -

операция, которую няня провела с наибольшим успехом, как только мистер Говард дал им немного корма.

Трудно описать восторг Лейлы, когда перед ней за завтраком поставили чашку молока, еще теплого и покрытого пеной.

- Папа, - сказала она, - я хотела бы еще раз поблагодарить тебя сегодня утром, потому что Господь был очень милостив к нам из-за этих коз. Сначала Он создал этих коз, потом завел их в яму, а теперь привел их к нам домой и дал нам молока.

Мистер Говард был глубоко тронут тем, что он стал свидетелем растущего религиозного чувства в юном сердце Лейлы. Не проходило и дня, чтобы он не видел, как она читает Библию в тени какого-нибудь зеленого дерева или выступающей скалы, и многие прекрасные псалмы и главы она выучила наизусть. Поскольку она не знала ни одной другой книги, ее язык часто был библейским, но с простотой и чувством выражения, что делало его чрезвычайно интересным. Все ее чистые наслаждения происходили от красот творения, которыми она была окружена. Для нее благородные описания в книге псалмов были как живые картины. Поля были радостны, маленькие холмы, казалось, смеялись и пели, и все деревья в лесу радовались перед Господом.

Беседуя со своим отцом, она постоянно возносила свои мысли от творения к Творцу всего, к Тому, Кто "устрояет над водами горние чертоги Свои, делает облака Своею колесницею, шествует на крыльях ветра". В своем восхищении всеми великолепными предметами, окружавшими ее, она молча признавала Его силу и во всех бесчисленных благословениях, дарованных ей, чувствовала Его любовь. Преданность у неё не была случайным чувством или установленной формой слов. Это был простой, но постоянный подъем сердца к Тому, Кто сделал мир таким прекрасным и поместил ее в него.

- Посмотри на эту сумму, папа, и скажи мне, правильна ли она?- воскликнула Лейла на следующее утро, закончив складывать длинный список чисел, которые она начертила на песке. - Смотри, папа, я волнуюсь — надеюсь, что я верно сосчитала.

- Да, любовь моя, ты верно сосчитала.

- Ну, я так рада , потому что, видишь ли, папа, я много думала о другом.

- О чем ты думала, Лейла? Мне очень жаль это слышать, потому что ты знаешь, как я хочу, чтобы ты постаралась уделить все свое внимание тому предмету, которым ты занята, и не позволяла своим мыслям блуждать. Я никогда не задерживаю тебя надолго, чтобы ты могла уделить мне все свое внимание. Блуждающие мысли, мое дорогое дитя, могут привести тебя к очень тяжкому греху, ибо если ты предаешься им в то время, когда необходимо внимание, они также вторгаются в твои высшие обязанности. Ты будешь восхвалять Бога своими устами, Лейла, в то время как твое сердце далеко от Него, и таким образом станешь виновной в нарушении третьей заповеди, произнося имя Господа Бога твоего напрасно. Если бы твой ум блуждал по другим предметам, обращаясь ко мне или прося о каком-нибудь одолжении, я был бы серьезно недоволен тобой, дитя моё. Но насколько тяжелее была бы твоя вина, если бы ты осмелилась обратиться к своему Небесному Отцу, "Чьим чистым очам не свойственно созерцать беззаконие", в то время как твой ум блуждал бы по пустякам, которыми ты была окружена!

- Папа, я постараюсь не думать о других вещах, и я действительно стараюсь, но сегодня я думала о том, что хотела сказать тебе, и теперь, когда мои уроки закончились, могу ли я сказать это тебе?

- Конечно, дорогая моя.

- Ничего особенного, папа, но няня готовит тебе сюрприз к обеду, и я расскажу тебе, что это такое.

- Тогда, Лейла, если ты мне расскажешь, я думаю, это не будет больше сюрпризом.

- Нет, папа, не за обедом, но теперь все будет хорошо. Я спросила няню, можно ли мне рассказать тебе, и она ответила, что можно. Видишь ли, папа, дело в том, что я люблю рассказывать тебе все, что хорошо, и все, что плохо. Няня говорит, что это большое событие, но я думаю, что это одна из тех вещей, которую вы называете пустяком.

- Ну, а теперь скажи мне, маленькая женщина, мне не терпится услышать.

- Дело в том, папа, что няня готовит сегодня к обеду заварной крем. Мистер Говард улыбнулся.

- Что ж, Лейла, ты права. Это одна из тех вещей, которые я бы назвал пустяками. Однако, поскольку с тех пор, как мы здесь, ты в первый раз будешь есть заварной крем, есть некоторое оправдание тому, что твой маленький ум слишком много размышляет на эту тему.

-Да, папа, это потому, что няня впервые называет это великим событием. Она говорит, как она могла раньше делать заварной крем из морской воды или даже из родник - это было отвратительно. Но теперь у нее есть козье молоко, и она должна сделать крем такими хорошим, говорит она. Я рада, что сказала тебе, папа, потому что ты можешь иметь удовольствие думать о нём так же, как и я. Я хочу, чтобы у тебя были все мои радости, как большие, так и маленькие, потому что ты мой папа, и мой друг, и мое все. А что я для тебя, папа?

- Ты мое самое дорогое земное благословение, Лейла, и еще более дорога мне оттого, что являешься живым образом той, кто теперь ангел на небесах. Когда твоя любимая мама была отнята у меня, именно твои младенческие улыбки, дитя мое, рядом с утешениями моего небесного Отца, впервые принесли мир моему печальному сердцу.

- Папа, я надеюсь, что Бог не заберет тебя у меня, как Он забрал мою дорогую маму, потому что я этого не вынесу. Если бы няня была далеко, и Дэш, и Селина, мне было бы жаль, но ты был бы здесь и утешил бы меня. Но если бы ты умер, папа, я больше не заботилась бы ни о ком из них — я не хотела бы видеть, как восходит прекрасное солнце, или золотые небеса, или сидеть под деревом у родника, или получать какие-нибудь из моих удовольствий. Я хотела бы лечь в свою зеленую беседку, закрыть глаза и никогда больше не открывать их, пока не окажусь на небесах с Иисусом Христом и с тобой, папа. Ты знаешь, что Иисус Христос брал на руки маленьких детей и благословлял их. Как бы я была счастлива, если бы Он взял меня на руки на небесах, благословил и отдал тебе, папа, и моей дорогой маме! Тогда мы все вместе будем ангелами, воспевающими Его хвалу. Мы никогда больше не умрем, но будем всегда добры и счастливы.

Мистер Говард несколько минут был слишком взволнован, чтобы говорить. Но, поборов своё волнение, он сказал:

- Да, мое любимое дитя, моя ежедневная просьба состоит в том, чтобы мы все однажды собрались вокруг престола Божьего, чтобы никогда больше не разлучаться. Но это должно быть не нашей, а Его волей, которая должна быть исполнена в том, чтобы забрать нас. Ты не должна говорить, дорогое дитя, что не можешь вынести ни одного события, которое Бог счел бы благим послать. Он даст тебе силы перенести это, и Он будет для тебя больше, чем любой земной родитель. Мы должны оставить все в Его руках. Он может только заставить все работать вместе для нашего блага. Давай полностью положимся на Него, ибо Он - та поддержка, которая никогда не может потерпеть неудачу. Наша ежедневная молитва должна быть о том, чтобы мы могли благословлять Его святое имя в равной степени за то, что Он дает, что Он забирает и что Он удерживает. А теперь ступай, моя маленькая девочка, домой к няне, потому что

сегодня утром я собираюсь прогуляться подольше, а когда мы встретимся за обедом, я расскажу тебе историю своих путешествий и расскажу обо всех замечательных открытиях, которые я сделал.

Глава 11

Лейла бесстрашно мчалась по узкой тропинке, нависавшей над утесами, уже привыкнув к ее головокружительной высоте. Когда она добралась до конца цепи скал и повернула за угол, то заметила вдалеке няню, которая, осторожно положив что-то на выступ скалы у входа, снова исчезла в глубине пещеры. Лейла бросилась вперед, воскликнув:

- Это заварной крем, я полагаю, и няня наполнила ими наши чайные чашки — какое замечательное изобретение!

Но как раз в этот момент одна из белых кур, вынырнув из чащи, полетела к объекту ее наблюдения и, прежде чем Лейла успела добраться до места, уткнулась головой в содержимое одной из чашек.

- Ты ленивая, жадная, отвратительная курица! - воскликнула она, - вон отсюда! Ты почти не даёшь нам яиц, а теперь хочешь украсть наш заварной крем - кыш, кыш отсюда!

И она понеслась на провинившуюся курицу без всяких нежных намерений. Дэш, который вообще строго следил за птицей, казалось, полагал, что в данном случае он может рискнуть, последовав примеру своей маленькой хозяйки. Поэтому присоединился к погоне, которую вела также и Селина. Несчастной курице ничего не оставалось, как взлететь и, взлетев в воздух, она в следующее мгновение взгромоздилась на ветку соседнего дерева, извергая поток гнева и негодования на своих смущенных врагов внизу.

Лейла вернулась к скале и на мгновение замерла, восхищенная вкусом, который продемонстрировала няня. Блюдо с заварным кремом было наполнено зеленым мхом, четыре чашки были вставлены в него и окружены цветами. Каждая чашка была слегка посыпана корицей сверху, что значительно усиливало эффект. Вид всего этого и впрямь был до крайности соблазнителен, но запах! Сопротивляться этому было невозможно. Восемь лет - опасный возраст для заварных кремов!

- О, как они должны быть хороши! - воскликнула про себя Лейла, - И как бы мне хотелось попробовать их на вкус! А почему бы и нет? Вот четыре полные чашки, — продолжала она, - мы не можем все это съесть за обедом, так почему бы мне не съесть немного сейчас?

Она хотела взять чашку в руки, но остановилась.

- Почему я злилась на курицу?- сказала она себе. - Я сказала, что это жадность - украсть заварной крем. И что я хочу сделать? Нет, я не буду этого делать. Она повернулась, чтобы войти в пещеру, но снова остановилась, чтобы еще раз взглянуть. Этот взгляд, насколько он увеличивал ее опасность!

- Вот одна из чашек, - сказала она, - которую курица совсем разворошила, а корица вся рассыпана. Я не смогу сделать хуже. Конечно, я смогла бы взять немного этого крема, когда курица уже попробовала его. Я буду поднимать его очень осторожно. Но как трясется моя рука! Почему она трясется? Какая провокация! Вот теперь мне это удалось очень хорошо. Чашка почти коснулась ее губ, когда она снова остановилась.

-Это что, воровство?- прошептала она себе под нос. - Если бы папа стоял чуть поодаль и смотрел на меня, я бы так поступила? И разве Бог не видит меня всегда?

Она осторожно поставила чашку на место и, опустившись на колени, сложила свои маленькие ручки вместе и подняла глаза к небу. Несколько мгновений она оставалась неподвижной, затем встала и медленно вошла в пещеру.

- Няня, - сказала она, - будьте добры, я поищу иглу в течение получаса.

- Как же так, мисс Лейла, что это такое? Вы все утро были заняты с папой, и он сказал, что после уроков ты сможешь развлечься и прогуляться с Дэшем и Селиной. А вот и Дэш, бедняга, который смотрит на вас снизу вверх и виляет хвостом, сгорая от нетерпения пойти с вами.

- Мне очень жаль, что Дэш будет разочарован, - ответила Лейла печальным тоном, - но я предпочла бы поискать иглу сейчас. Если до обеда еще будет время, я смогу пройтись, а если нет, то это неважно.

Няня не стала расспрашивать ее дальше: она знала, что Лейла имела привычку сдерживать себя в те моменты, когда чувствовала себя недовольной собственным поведением, и полагала, что у нее должна была возникнуть какая-то причина для самобичевания.

Лейла растянулась на песке, а Дэш, выразив свое разочарование несколькими короткими лаями, занял свое место рядом с ней. Некоторое время она терпеливо и молча искала, но поиски были тщетны.

- Няня, - воскликнула она наконец, - я уверена, что никогда, никогда не найду эту иголку.

- В самом деле, мисс Лейла, я тоже так думаю; и так как вы сегодня так долго искали ее, и я так терпеливо ждала вас, то я думаю, что должна смириться с потерей и отпустить вам с вашим покаянием.

- О нет, няня, не сегодня — не отпускайте меня сегодня. И знаете, теперь, когда я так долго искала, мне так интересно найти её, что я не знаю, хочу ли я отказаться от неё. Так что я поищу сегодня и завтра, а на следующий день воскресенье, вы знаете, наш день отдыха — так что в понедельник вы должны меня отпустить, если я не найду её раньше. Как мало здесь недель, они уходят так быстро! Кажется, прошло всего два дня с тех пор, как было воскресенье, и я совершила ту долгую прогулку с папой, которая так меня заинтересовала. Вам не нравится наш остров, няня? Осмелюсь сказать, что сейчас он нравится вам больше, чем Англия.

- Право, мисс Лейла, я не могу этого сказать, потому что у меня в Англии много друзей, которых я очень хотела бы снова увидеть. Когда я была в Англии, у меня часто бывал друг, который заходил ко мне выпить чашечку чаю, и я все время надеялась, что скоро снова обрету это утешение. Но пройдет много времени, прежде чем кто - нибудь из моих друзей придёт сюда. Я могу надеть свой лучший чепец и муслиновое покрывало, и свою широкую вишневую ленту, которую я так бережно хранила. Но где

тот друг, который скажет мне здесь, что я просто прекрасно выгляжу для своего времени, и что лучшей чашки чая не могла бы приготовить ни одна леди в стране? О! Но то были счастливые дни, мисс Лейла, и мне тяжело думать о них.

- И я очень скучаю об этом, няня. Но ведь я люблю остров, потому что здесь так много интересных вещей, и папа здесь, чтобы выпить со мной чашечку чая, но он этого не делает, потому что говорит, что сладкое для меня вредно. Общительная чашка чая означает чашку с большим количеством сахара, не так ли?

- Нет, мисс Лейла, вы меня
совсем не понимаете.

- Тогда что это значит, няня?

- Боже мой, мисс Лейла, как же мне объяснить вам, что такое дружеская чашка чая? Общительная чашка чая - это просто чашка чая с большим количеством разговоров при этом.

- Тогда, няня, папа не дает мне его, потому что он никогда не говорит о моем чае; но он рассказывает мне о множестве интересных вещей. И потом, вы знаете, у меня есть и другие удовольствия — мои звери и мои птицы, и мои деревья, и мои форели, и мои хорошие куры, и мои плохие куры, и моя ...

- О мисс Лейла, у любого бы помутилась голова, если бы он услышал, как вы без остановки говорите!

- Ну что ж, няня, я не стану говорить о своем счастье, но вы же знаете, что у меня тоже есть несчастье — ведь если мы не поедем в Англию, я никогда не увижу своих маленьких кузин, и я часто жалею об этом. Жаль, что вы не можете рассказать мне о них побольше — мне так нравится о них слышать. Какие у них лица? Их лица похожи на ваше или на моё?

- Боже мой, мисс Лейла! Они были бы страшными ведьмами, если бы были похожи на меня. Разве у маленьких мисс были бы морщинистые лица, как у многих увядших яблок, и очки на носу? Нет, нет, их лица больше похожи на ваше, чем на моё, это точно. Но вы же знаете, что не бывает двух одинаковых лиц, и это самое удивительное, мисс Лейла, если подумать.

- Да, это то-же самое, что и цветы, — я никогда не могу найти два одинаковых цветка. Но разве у каждой маленькой девочки нет одного рта, одного носа и двух глаз? Как же тогда они могут отличаться?

- Не могу вам сказать, мисс Лейла, но они разные.

- О, я знаю, как это будет, няня. Мне кажется, у некоторых маленьких кузин нос повернут на запад, а у некоторых - на восток, и один глаз вверх, а другой вниз. Это, знаете ли, сделало бы их разными.

- Разными?! На них было бы страшно смотреть, бедняжки! Но вот я болтаю с вами таким образом и забываю, что мне еще нужно приготовить обед.

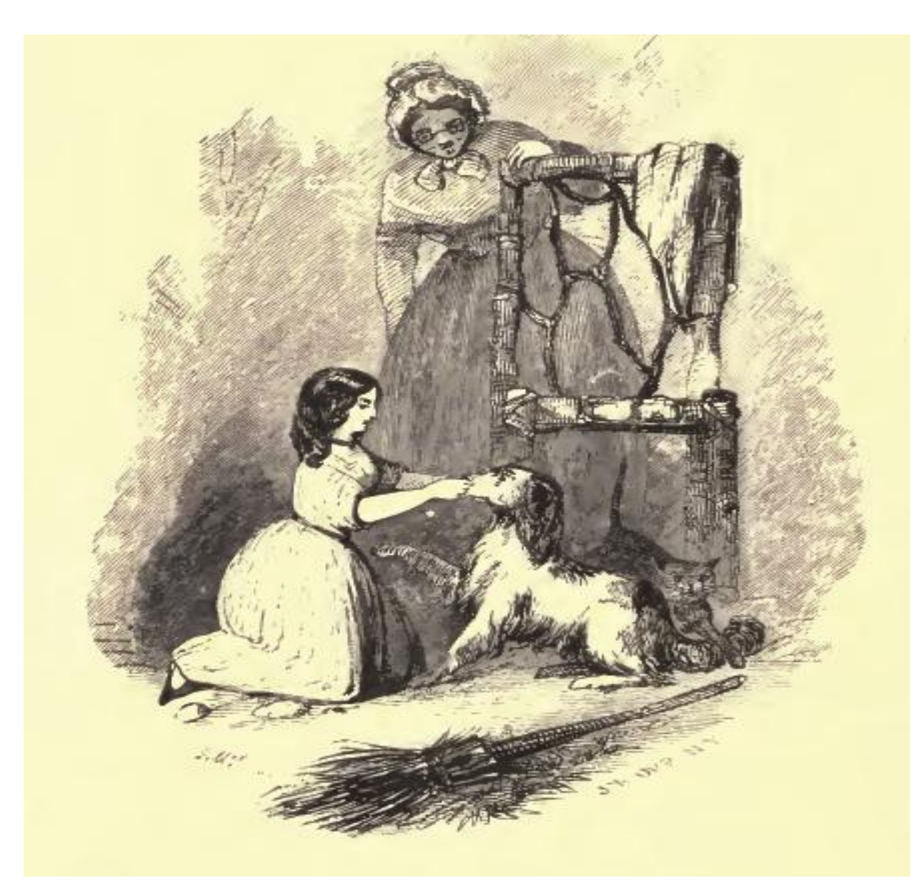
И няня уже собралась пройти во внешнюю пещеру, как ее шаги были остановлены радостным восклицанием Лейлы.

- Игла! Игла! Няня! - и она с нетерпением бросилась к тому, что считала давно спрятанным сокровище. Но, увы! Оказалось, что это всего лишь тонкий стебелек сена, к которому прилипло немного искрящегося песка. Тяжелый вздох разочарования, который издала Лейла, проник в сердце няни.

-Не беспокойся, дитя мое, - сказала она, - не тревожь больше свое маленькое сердечко из-за иглы. Ступай теперь гулять и развлекайся.

- Через несколько минут, няня, я уйду, - ответила Лейла, потому что ей вдруг пришла в голову мысль, и, когда няня вышла из пещеры, она встала и, вынув из кармана иголку,

протянула ее Дэшу, а затем, указывая на песок, воскликнула:

- Искать, Дэш, искать!

Через мгновение его нос уткнулся в песок, который, к бесконечному изумлению Лейлы, он продолжал разбрасывать во все стороны. Внезапно он заскулил, словно от боли, и, вскинув голову, она увидела иглу, торчащую в его носу. Выхватив ее, она разразилась громким смехом. Дэш с удивлением посмотрел ей в лицо, а Селина, выскочив с другой стороны пещеры, вскочила ему на спину, чтобы поближе рассмотреть, в чём дело, а няня, вбежавшая так быстро, как только позволяли ее короткие ножки, стояла посреди группы, живо разделяя радость и веселье Лейлы.

Глава 12

После более чем часовой прогулки Лейла, вернувшись домой, увидела издали своего папу и радостно подбежала к нему, восклицая:

- Я нашла её! Я нашла её!

- Что нашла? - спросил мистер Говард. - Нашла иголку, папа.

- И где же ты её нашла, любовь моя?

- В носу у Дэша, папа.

- В носу у Дэша, Лейла?

- Да, папа, разве не хорошо, что это пришло мне в голову?

- В твою голову, Лейла? Ты же сама сказала мне в этот момент, что она была у Дэша в носу.

- Так оно и было, папа, но ты меня так рассмешил, что я не могу тебе сказать. Видишь

ли, папа, мне пришло в голову заставить Дэша искать иголку, и я показала ему иголку и велела искать, а он все лаял и лаял на песок и поднял такой шум. Потом он с лаем вскинул голову, чтобы сказать мне, что игла у него в носу, И вот она торчит. Превосходная хорошая собака, папа, чтобы сделать мне подушечку из носа! - не подушечку для иголок, папа, а нос для иголок, разве это не смешно?

- В самом деле, Лейла, я думаю, что это было очень забавно. И что еще за странное зрелище мы здесь наблюдаем? Что это за новый вид цветущего кустарника, растущего среди скал? Няня, похоже, безоговорочно верит в честность твоих четвероногих любимцев, Лейла, когда может оставить в пределах их досягаемости что-нибудь столь соблазнительное.

Лейла густо покраснела — она положила руку на плечо мистера Говарда, как бы удерживая его от входа в пещеру. Он почувствовал, что она вся дрожит.

- Лейла, дитя мое, что случилось?

- Папа, - ответила она, все еще дрожа, - не ходи пока к няне. Останься со мной на минутку, я не могу быть счастлива, пока не расскажу тебе все. И она рассказала все, причем с такой совершенной откровенностью и простотой, что мистер Говард мгновенно убедился в правдивости ее слов, ибо при ближайшем рассмотрении он заметил подозрительный вид одной из чашек.

- И, папа, - воскликнула она в заключение, - я так рада, что не сделала этого, потому что тебе было бы очень грустно.

- Мне действительно было бы грустно, дитя моё. И если бы ты поддалась этому искушению, оно могло бы привести тебя к другим тяжким грехам — ты могла бы поддаться искушению, Лейла, сказать неправду, чтобы скрыть свою вину. О, возблагодари Бога, дитя мое, за то, что Он даровал тебе Свою благодать в тот момент слабости, которая одна позволила тебе поступить так, как ты поступила, и наполнить мое сердце радостью в этот момент вместо горькой печали!

- Да, папа, я молилась о силе, и после этого у меня не было ни малейшего желания совершать это злодеяние. В первый раз, когда я собиралась взять заварное, я не молилась, я только сказала: "Нет, я не буду этого делать". Но когда я повернулась, чтобы посмотреть на него снова, тогда я хотела взять его еще больше, чем когда-либо. Во второй раз, папа, когда я упала на колени, я молила Бога, чтобы Он убрал зло из моего сердца и дал мне хорошие мысли, чтобы я больше не хотела делать дурных вещей. И у меня стало так спокойно, папа, что я уверена, что Он услышал меня.

- Да, мое дорогое дитя, Бог всегда рядом, чтобы помочь тем, кто искренне отдал ему свое сердце. Сначала ты верила в свои силы и была на грани очень тяжкого падения. Но помни, что даже в самых пустяковых вещах, где твоё сердце осуждает тебя, если вы поддаешься искушению, отказавшись от совершенного Закона Божьего, ты, подобно Еве, позволяешь злому духу обольстить тебя. Не думай, что ты свободна от обвинения в нарушении Закона Божьего, потому что это кажется незначительным проступком. Ева только взяла плод с дерева и попробовала его, хотя Бог сказал: "от плода этого дерева ты не будешь есть", и этим актом непослушания она не только разрушила свое счастье, но и навлекла проклятие на этот прекрасный мир, который уже почти шесть тысяч лет является причиной греха, горя и смерти. Чтобы избавить нас от власти этой смерти, был послан наш Спаситель. Но только на небесах война закончится славной победой и вечным миром. Подумай, дитя мое, каково это - не иметь больше страха впасть в грех, не проливать горьких слез покаяния, вечно пребывать в невыразимом счастье Божьей любви, быть с тем благословенным Спасителем, который возлюбил тебя с самого начала, чувствовать себя чистым, как Он чист, вся твоя душа наполнена Его славой, все

твое сердце переполнено Его хвалой. О Лейла, как мы должны любить Того, Кто купил для нас такое небо!

- Папа, - спросила Лейла, когда они вместе вошли в пещеру, - что это у тебя в носовом платке, который перекинут через плечо?

- А что у меня есть? Лейла, ты должна догадаться. Это то, что тебе очень понравится, я думаю.

- А мне можно посмотреть, папа? Понравится ли мне это так же, как и заварной крем? Это сладкое на вкус?

- Ну, любовь моя, я надеюсь, что ты не станешь настаивать на выяснении этого пункта, ибо это, конечно, не будет лучшей пробой на вкус. Но я верю, что это может оказаться и сладким, и умным.

- Умный, папа? Что это может быть? О боже, мне кажется, я видела, как это двигается! Это что-то живое, я в этом уверена. Ну вот! Это снова шевельнулось. Это белка, я точно знаю. Нет, нет, это не так. Он высовывает свою маленькую головку, и это голова птицы— зеленой птицы, папа.

- Или красной птицы, Лейла, - продолжал мистер Говард, развязывая платок и вручая ей красивого ало-зеленого попугая.

- Попугай, папа! Неужели попугай? О, как восхитительно! Как раз то, о чем я так мечтала! Ты прекрасная, прекрасная птица! И я хотела съесть тебя. Только подумай о Лейле, которая хотела проглотить тебя, милый ты мой. Но этого я не боюсь, прелестное создание. Я так счастлива, что не знаю, что мне делать. Я хотела бы обнять тебя до смерти, - и она поцеловала и погладила бедную маленькую испуганную птичку, что действительно подвергнуло ее жизнь немалой опасности.

- Лейла, - вмешался мистер Говард, - ты должна сдержать свои эмоции, потому что ты очень тревожишь эту бедняжку. Это довольно молодой попугай, так что его будет нетрудно приручить. Но почувствуй только, как трепещет сейчас его сердце. Нам лучше положить его в корзину, пока мы обедаем. А когда он успокоится, мы попытаемся накормить его.

- Да, папа, а потом я начну учить его говорить. Я научу его говорить и по-английски, и по-французски, и начну сегодня же вечером

- Я думаю, любовь моя, тебе лучше не пытаться заниматься этими серьезными исследованиями в течение нескольких дней, пока она не привыкнет к новшествам, которые уже окружают ее. Подумай, Лейла, в каком— то смысле он находится в том же состоянии, что и ты. Он в новом мире, и никогда прежде не видел маленькой девочки, и никогда не видел старого джентльмена. И я осмелюсь сказать, что он напуган до смерти.

- Но, папа, ты же не старый джентльмен, и я уверена, что ты никого не испугаешь. Я нисколько не боюсь тебя, папа, когда ты учишь меня моим урокам. В самом деле, я никогда не боюсь тебя, я всегда хочу быть с тобой. И когда ты совершаешь эти долгие прогулки, мне так не терпится, чтобы ты вернулся. Я каждую минуту думаю, что ты придешь, и замираю, чтобы услышать, как ты зовешь: "Лейла, Лейла!" О, как я радуюсь, когда слышу:"Лейла!", что звучит в воздухе! Это приближается все ближе и ближе. Но иногда я не вижу тебя , потому что это всего лишь птица, или это ветер принес звук. Как приятно слушать звук, который приносит ветер! Часто мне кажется, что я вижу тебя очень далеко. Сегодня мне показалось, что я вижу, как ты садишься, но когда я подошла ближе, это был всего лишь пень старого дерева.

- Старое дерево, а не старый джентльмен! Ах, Лейла, Лейла!

- Ну, папа, ты не должен говорить, что ты старый джентльмен, потому что ты еще очень молод. Но вот и наш обед; я очень рад, потому что никогда еще не была так голодна.

Няня была очень довольна одобрением, оказанным второму блюду, и заверениями мистера Говарда, что ни один заварной крем никогда не имел для него такого сладкого вкуса. Няня поздравила себя с тем, как искусно она смешала разные ингредиенты, и Лейла почувствовала радостное сознание, что и папино удовольствие, и ее собственное было бы совсем другим, если бы она поступила иначе.

- А теперь, папа, - сказала она, усаживаясь к нему на колени после обеда, - расскажи мне все свои путешествия и открытия, как ты обещал, и начни с самого начала.

- Ну, любовь моя, начало было не таким благополучным, как конец. Я долго шел, не находя ничего нового, что могло бы нам пригодиться, и наконец, утомленный жарой, сел под деревом. Вскоре я почувствовал приятное жужжание пчел возле того места, где я сидел, исходившее от пня старого дерева — не того старого джентльмена, с которым ты встречалась во время своих прогулок, Лейла, а, вероятно, его старшего брата, потому что это был очень старый пень, совершенно пустой внутри. Из этого пня пчелы весело вылетали и влетали. При ближайшем рассмотрении я мог обнаружить соты, богато наполненные медом. Эти соты будут для нас большим сокровищем, но мы должны постараться спасти бедных пчел, а также оставить им достаточно меда, чтобы прокормить их, пока они не сделают больше. У меня есть порошок в аптечке, который я собираюсь сжечь рядом с дуплом, и дым от него усыпит пчел, пока я буду брать у них часть меда.

- Это будет чудесно , а ты помнишь про коз? Теперь мы можем сказать, папа, что мы пришли в "землю, где течет молоко и мед". Я хочу, чтобы няня не была похожа на детей Израиля и не роптала.

- А о чём няня ропщет, Лейла?

- Она ропщет, папа, о чашке чая в обществе и много говорит об этом. Она говорит: "Никто не входит в пещеру, чтобы сказать ей, что она хорошо выглядит для своего возраста. Мистер Говард не мог удержаться от улыбки, но он сказал Лейле, что бедная няня, несомненно, переживает тяжелое испытание, разлучаясь со всеми своими друзьями и не имея никого, с кем можно было бы поговорить.

- Но у нее есть я, папа, и я часто очень много с ней разговариваю, а потом она говорит, что я ее оглушаю. Но расскажи мне, какие еще открытия ты сделал.

- Я вернулся к дереву, чтобы еще немного отдохнуть, но вдруг приятное жужжание пчел затерялось в таком грохоте странных звуков, что я вскочил на ноги. И, войдя в рощу, находившуюся совсем близко от того места, где я сидел, я увидел такое сборище обезьян, что ты бы удивилась: одни прыгали вверх-вниз, другие сидели прямо или висели на хвостах, и все они страшно ухмылялись и болтали.

- О, папа, отведи меня к ним, я нисколько не испугаюсь — мне так хочется пойти посмотреть!

- Ну, любовь моя, я думаю, что это слишком далеко для тебя, но когда станет прохладнее, я постараюсь довести тебя до обезьяньей рощи. Я, однако, очень рад, что они находятся на таком расстоянии от нас, ибо они могут оказаться очень неприятными соседями.

- Тогда, папа, может быть, ты не хочешь, чтобы у меня была молодая обезьянка?

-На самом деле, Лейла, не стоит. Мне приятно видеть, что ты любишь своих питомцев, и сегодня у тебя появилось очень приятное дополнение к твоим питомцам. Но молодая обезьяна скоро станет чумой твоей жизни. Молодые или старые, они самые озорные существа в мире. Они будут гоняться за твоими курами, беспокоить твоих цыплят и твоего прекрасного попугая. А также рвать все твои платья в клочья. Бедная няня будет в печальном состоянии, если мы введем обезьяну в наше общество.

-Ну, тогда, папа, я не хочу, чтобы обезьяна беспокоила моих цыплят и моего прекрасного попугая. Я гораздо больше люблю своих маленьких козлят. Сегодня, когда я пошла их кормить, козленок, который был так сильно ранен, не убежал от меня, хотя теперь он вполне может бегать: он стоял неподвижно и ел из моей руки. Но скажи мне, что еще ты видел — что ты обнаружил дальше?

- Мое следующее открытие, Лейла, оказалось гораздо более полезным. Пройдя еще довольно далеко, я наткнулся на плантацию очень высокого тростника и, срезав один из них, обнаружил, что это сахарный тростник. Он еще не созрел, но через очень короткое время некоторые из них будут пригодны для сбора. Затем я разрежу их на мелкие кусочки и стушу, чтобы живица или сок могли вытечь из них. Затем мы можем вскипятить этот сок и превратить его в сахар. Послушай, Лейла, я принес домой кусок тростника, который уже почти созрел; сейчас я порежу его, чтобы сок вытекал, и ты попробуешь его. Маленькие негритянские дети в Вест-Индии очень любят сосать сахарный тростник. Они очень толстеют, когда делают сахар, потому что он очень питательный. Ну вот, можешь пососать, как тебе это нравится?

- Это превосходно, папа — мне очень нравится. Но как этот сок превращается в сахар?

- При частом кипячении, грубые или грязные части при кипячении поднимаются кверху, и пену снимают, когда она поднимается, пока сок не станет прозрачным. Затем ее помещают в очень мелкие деревянные сосуды, и при охлаждении сахар отделяется на гранулы от патоки, которая сливается с него. Нам очень повезло, что тростники, которые я видел сегодня, находятся в разных стадиях зрелости. Поэтому мы можем сделать очень мало сахара за один раз, потому что не хватает подходящих сосудов, чтобы вскипятить его. Всё кипячение должно быть сделано за один день, иначе сок забродит и испортится — он превратится в уксус вместо сахара. Однако уксус также будет нам полезен. Так что в целом, Лейла, я очень доволен сделанным открытием. Следующее мое приключение было с твоим молодым попугаем. Очень вероятно, что сегодня он впервые покинул свое гнездо, потому что, когда я шел домой, он вдруг слетел с дерева и приземлился у моих ног. Он снова взлетел, но не мог подняться в воздух ни на какую высоту, и после того, как я преследовал его некоторое время, он обессилел. Я взял его в плен, завязал в платок и принес домой к тебе.

- Я так рада, что ты принес его домой, папа, потому что мне очень хотелось иметь попугая. Когда он заговорит, ты позволишь ему сесть с нами за стол, потому что я собираюсь научить его быть очень вежливым и всегда говорить: "еще немного мяса, мисс Лейла" и "я буду благодарен вам, сэр, за бокал вина". Как бы я хотела быть с тобой, чтобы помочь тебе поймать его! У меня тоже была погоня, папа, но это была не очень приятная погоня за попугаем или какой-нибудь птицей. Я увидела что-то белое, летящее в воздухе, как перья, и побежала за ним. Дэш с Селиной тоже побежали. Мы бежали и бежали очень долго. Наконец оно приземлилось на куст, и я подбежал к нему так быстро, как только могла. Но поднялся ветерок и снова унес его в воздух, и оно поднялось так высоко, что я едва могла его разглядеть. Потом оно снова опустилось, мягко, мягко, и я поймала его, когда оно уже приближалось к земле. Я сохранила его, чтобы показать тебе, папа, потому что оно похоже на хлопок. Но как хлопок попал сюда?

И Лейла, говоря это, вынула из своего платья маленький клочок ваты.

- Ах, Лейла, - воскликнул мистер Говард, - тебе тоже повезло с твоими сегодняшними открытиями, потому что это действительно хлопок, и он может быть нам очень полезен. Это, кажется, было от хлопчатника, который является более прекрасным видом, чем тот, который производит дерево. Каким путем вы прошли сегодня?

- За фонтаном, папа.

- Ну, дорогая моя, я как раз собирался предложить закончить этот приятный день короткой прогулкой, так что бери свою гитару, и мы немного поиграем вместе под деревом за фонтаном. Я уже несколько дней не слышал, как ты поешь: "Где пчела сосет, там и прячусь я" или "Приди в эти желтые пески". Между прочим, нет большой надежды встретить какие-нибудь хлопковые растения, потому что я уверен, что уже обнаружил бы их, если бы они были так близко от нас. Ветер вполне мог унести этот клочок хлопка издалека, но завтра я постараюсь узнать об этом побольше. Мы должны идти в том же направлении, в каком дул сегодня ветер, и если хлопок окажется в пределах нашей досягаемости, я сделаю прялку и для тебя, и для няни, чтобы вы могли сплести из нее нитки. Тогда у вас всегда будет запас для починки одежды. Вы также сможете вязать чулки, когда потребуется, — у вас ведь есть проволока в вашем рабочем ящике, не так ли?

- Да, папа, у меня целая куча проволоки из Англии. Я не потеряла ни одной. И няня всегда жалеет, что у нее нет хлопка, чтобы сшить побольше чулок, так что она будет очень рада. Мы должны сообщить ей хорошие новости, когда будем проходить мимо.

Глава 13

То был самый восхитительный час в том приятном дне, когда мистер Говард пел и беседовал со своим ребёнком. Когда Лейла пела под гитару, и лучи заходящего солнца падали на ее юное лицо, она казалась такой близкой к дуновению ветерка, что ее папа вдруг прижал к груди своё дитя, словно желая удостовериться в реальности своего сокровища.

Солнце уже погрузилось в свое ложе покоя, звезды погасли, но они все еще медлили, потому что, чтобы Лейла ушла всегда нужно сделать какое-нибудь замечание или задать вопрос.

- Папа, - сказала она, - не отпускай нас пока домой, здесь так хорошо. Морской бриз так освежает, когда он дует на наши лица. И разве тебе не нравится слышать этот сладкий звук из ручья и вдыхать аромат цветов?

Как же мне нравится этот дерево-источник! Я действительно считаю, что это самое восхитительное дерево во всем мире. Как ты думаешь, папа, есть ли еще такие же восхитительные деревья?

- Ну, милая моя, может быть, ты и не подумаешь, но ты знай, что это мы сами дали ему такое название, потому что я был невежественным, не зная вида к которому он принадлежит. Но деревья-источники есть в разных частях света. Они так называются от существования в самих себе источников, из которых течет вода.

- Как это интересно, папа! Но как такое возможно?

- Об одном самом замечательном из этих деревьев, Лейла, о котором я прочитал рассказ, говорят, что оно растет на одном из Канарских островов, и является настолько большим, что обеспечивает водой всех жителей и крупный рогатый скот острова. Его листья крупные, и, выходя в постоянной последовательности, всегда зеленые. Каждое утро с моря поднимается густой туман, который ветер гонит к скалистому утесу, на котором стоит это дерево. Этот тяжелый туман падает на толстые листья дерева и превращается в воду в течение дня. Точно так же, как ты видела дождь, капающий с дерева после сильного ливня . Но это дерево-источник, имеющее широко раскинутые ветви, перегоняет такое количество воды, что сбоку от него вырыты два больших резервуара, в которых собирается вода. Одна из этих цистерн предназначена для людей, другая - для скота. А смотритель этого дерева выдает воду. За это ему платят очень много круглый год, и ему дают дом, в котором он будет жить рядом с деревом.

- Если бы у нас не было этого ручейка, папа, который так нам полезен, мы были бы очень рады иметь одно из этих деревьев. Но мне гораздо больше нравится наше собственное дерево-источник, с которого свисают эти прекрасные виноградины, а не капает вода. А то бы нам было не по себе.

- Да, Лейла, мы действительно особенно любимы. Мы окружены благословениями, что должно вызывать глубочайшую благодарность. Здесь мы брошены на эту прекрасную землю, где нет диких зверей, чтобы пожрать нас, нет ядовитых змей, чтобы заставить нас бояться. В пустыне для нас был богато накрыт стол. И среди освежающих потоков и чистых источников мы ничего не знаем о несчастье усталого путешественника, кто блуждает по горячей земле, и который должен испытать место, где месяцами не идет дождь, чтобы освежить землю, и где нет чистых источников или бегущих ручьев, чтобы благословить его взор. Подумай, Лейла, каково ему, измученному усталостью и жаждой, встретиться с одним из этих капающих деревьев или источниковых растений.

- А есть ли источниковые растения, папа, такие же, как капающие деревья?

- Да, любовь моя, есть разные растения, которые содержат значительный запас воды. В частности, есть одна разновидность дикой сосны, которая растет на Ямайке и содержит от полутора пинт до литра воды; это паразитическое растение, что означает растение, растущее на другом. Семя имеет длинные мохнатые нити, и, когда его уносит ветер, оно прилипает с помощью этих нитей к ветвям деревьев и обычно пускает корни на какой-то части стебля. Листья этого растения толстые и длинные, они поднимаются от корней складками, одна внутри другой. В эти складки вода собирается, и когда резервуар полон, они закрываются наверху, чтобы вода не высохла на солнце. Усталый путник хорошо знает это растение ; он ударяет ножом в листья чуть выше корней, и чистая вода устремляется наружу, к его радости и утешению.

- Как благ Бог, папа! Он так хорошо все устроил: всегда теперь, когда я сижу под этим деревом, я буду благодарна Ему, что мы не утомленные путешественники, но что у нас есть этот прекрасный источник рядом с нами и никогда не пересыхает от жары. Ты идешь, папа? Мне так жаль!

- Да, дитя мое, луна уже полностью взошла. Нам предстоит восхитительная прогулка домой под её серебристым светом.

В приятных беседах и постоянной занятости недели и месяцы пролетали быстро. Был собран первый урожай индийской кукурузы и риса, и теперь нянюшке приходилось ежедневно перемалывать по порции каждого из них на рисовой мельнице, которую мистер Говард привез с собой во время своего первого успешного путешествия к месту крушения. К их маленькому стаду добавились еще две козы. А маслобойка, которая,

хотя и была довольно грубой работы, оказалась чрезвычайно подходящей, стала большим приобретением для организации няниного молочного хозяйства. Взбивать масло было слишком трудоемким занятием для Лейлы, но ее часто слышали по утрам, когда она помогала няне доить коз, и она часто пела при изготовлении лепешек из рисовой муки или индийской кукурузы. Она была чрезвычайно успешна, и завтраки ее отца были значительно улучшены ее утренними усилиями. Она вставала с рассветом, и как только молитвы заканчивались, доила коз. Ее следующей заботой было кормить домашнюю птицу и своих многочисленных питомцев, которые теперь были в самых нежных отношениях друг с другом: куры, куры, горлицы и лесные голуби-все толпились вокруг Лейлы, когда она выходила из пещеры, и Дэш обычно занимал свое место среди них, благожелательно озираясь по сторонам. Селина не была такой уж большой любимицей; пернатые относились к ней с уважением, но с меньшей нежностью, чем те, что приветствовали Дэша, потому что маленькие цыплята бесстрашно расхаживали по его широкой спине, а между ушами у него ютились горлицы. Попугай был большим испытанием для Селины, так как она оказалась нападающей птицей, слишком полагаясь на милость своей маленькой хозяйки и когда она по утрам, хлопая своими пестрыми крылышками, задевала Селину и восклицала: "Завтрак, пожалуйста, я - прелестное создание", - возмущенная Селина выглядела так, словно с удовольствием позавтракала бы этим прелестным созданием.

Но вернемся к Лейле и к ее утренним обязанностям.

Когда птицу кормили, она приходила в гнезда, приносила свежие яйца на завтрак, расставляла чашки и ставила на стол тарелку с сотами и еще одну - с виноградом. Затем, пока няня взбивала достаточное количество масла для ежедневного употребления, Лейла завязывала свой маленький белый фартук, закатывала рукава и принималась выпекать рисовые лепешки на завтрак. Ее ежедневные уроки проходили сразу же после этого, и в течение оставшейся части дня она гуляла с папой, развлекаясь в своей зеленой беседке. Либо работала в своем маленьком саду, так как папа огородил для нее небольшой участок земли рядом с входом в пещеру, в которую Лейла посадила множество самых красивых цветов. Часть скалы образовывала верхнюю ограду этого сада, и против нее были поставлены два улья и зеленая травяная скамья. Здесь она часто проводила час со своей прялкой, наблюдая за пчелами, потому что она помогала своему отцу делать ульи для них, и она проявляла самый живой интерес ко всем их делам. В использовании прялки она еще не была особенно опытна; няня делала тяжелую работу в ответ на жалобы, что нить мисс Лейлы была либо слишком толстой, либо слишком тонкой, и что нет двух одинаковых отрезков. Сбор хлопка был для нее большим развлечением. Мистер Говард обнаружил, что хлопчатник растет в изобилии на небольшом расстоянии от дерева-источника, и чтобы подготовить его к прядению, Лейла занялась одним из своих домашних занятий во время дождей, которые в течение шести недель шли в начале каждого дня.

За короткое время, что они прожили на острове (около года), за все это время ни на обширной земле, ни в широком море не было заметно никаких следов других людей. Казалось, что цветы зацвели у них под ногами, деревья расцвели и принесли плоды, и все было создано в красоте только для них. Мистер Говард испытывал самую горячую благодарность за многочисленные облегчения, которые сопровождали их разлуку с остальным миром, но все же были моменты глубокой депрессии, за которую он сильно упрекал себя. Когда он смотрел на Лейлу в ее юности и беспомощности, и чувствовал, что мгновение может лишить ее его покровительственной руки и опеки, это требовало всей беспрекословной веры христианина и мужества мужчины, чтобы встретить ее с

той жизнерадостностью, с какой он всегда желал приветствовать ее приближение. Она, милое дитя, не знала забот; постоянно с отцом, любя его со всем пылом своей юной привязанности, недели и месяцы приносили ей радость. Для нее это было лишь увеличение наслаждений по мере того, как она возрастала и становилась более способной оценить их ценность.

Приближался ее девятый день рождения; раньше она с нетерпением ждала этого дня, но Лейла знала, что теперь она уже не сможет получить ни кукол, ни книг, ни каких-либо других своих прежних подарков. И все же она не оставляла смутной надежды, что какое-то удовольствие предназначалось ей. Няня в последнее время выглядела особенно таинственной и важной, и при ее приближении всегда спешила убрать свою работу с глаз долой, жалуясь, что шаги мисс Лейлы были такими легкими, что она никогда не слышит ее приближения. И не успевала она уйти, как снова обнаружила ее у своего локтя. Лейла видела, что ее присутствие нежелательно, и старалась держаться от нее подальше. Но ее поразило, что ее отец тоже иногда избегал ее общества, и что в других случаях, хотя и отсутствовал в течение нескольких часов, он не давал ей отчета о характере своих занятий. Это были странные обстоятельства, но в тот день, когда исполнилось ей девять лет, они были приятно объяснены.

Рано утром того же дня она проснулась и увидела, что няня стоит у ее постели : в одной руке она держала хорошенькую цыганскую шляпку, а в другой - новое платье для Лейлы. Это было платье из кроличьей шкуры, о котором она так мечтала: оно было из серого меха, отороченного белым. Шляпа была сделана из пальмовых листьев, сплетенных вместе; она была перевязана вишневой лентой, а венок из ярко-алых и зеленых перьев образовывал отделку. Лейла сначала почти испугалась, так что ее дорогой попугай, должно быть, сам испугался. Но, развернувшись, он встрепенулся и полетел к ней, восклицая: "Я прелестное создание", - и выпятил грудь неповторимой красоты.

Лейла почувствовала укол угрызения совести за то, что хотя бы наполовину сомневалась в своей старой доброй няне. Она обхватила её руками за шею и воскликнула:

- Вы очень добры ко мне и даже подарили мне свою красивую вишневую ленту! О, я постараюсь быть очень терпеливой и больше не досаждать вам!

Хорошие решения Лейлы были приняты с искренним сердцем, но они были на грани того, чтобы не исполниться, даже до того, как ее туалет был завершен.

- Поторопитесь, поторопитесь, няня! - воскликнула она, - Быстрей завяжите мне этот шнурок на моем платье и отпустите к папе! - и, схватив свою цыганскую шляпку, она нахлобучила ее на голову и тотчас же исчезла.

Мистер Говард нежно обнял и благословил своего ребенка. И прелестная шляпка, и новое платье вызвали всеобщее восхищение.

- Моя дорогая серая белочка, - сказал он, - как я рад, что погода стала намного прохладнее, и ты сможешь наслаждаться своей новой жизнью. Ты должна сказать няне, что, по-моему, она преуспела превосходно, и что я надеюсь, что ее следующей работой будет шуба для меня.

Как только завтрак закончился, Лейле не терпелось выйти с папой и, завязывая новую цыганскую шляпку, сказала:

- Теперь, папа, я вполне готова, и так как это будет праздник, я надеюсь, что ты возьмешь меня на прогулку дольше, чем я когда-либо ходила.

- Может быть, любовь моя, ты предпочтешь прокатиться? В котором часу мне заказать ваш экипаж?

- Мой экипаж, папа! Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду, просто в который час мисс Говард хочет, чтобы ее карета была у входа?

- Прямо сейчас, папа. Я хочу этого немедленно. И теперь, как ты это сделаешь?

Мистер Говард покинул пещеру. А Лейла собралась было побежать за ним, как вдруг няня задержала ее.

- А теперь, мисс Лейла, - сказала она, - вы должны вернуться и сесть. Когда барышни заказывают карету, они не бегут на конюшню посмотреть, как она готовится, а спокойно сидят в своих гостиных, пока им не скажут, что она у дверей. Так что садитесь в это кресло и будьте терпеливы. Помните о своем обещании.

- Да, няня, я помню свое обещание, но вы должны позволить мне немного потанцевать, потому что это делает меня более терпеливым, чем что-либо другое.

Мистер Говард вошёл.

- Мисс Говард, ваша карета ждёт вас.

Лейла бросилась к двери: это, конечно, была карета, и трудно было представить себе более изящную открытую карету легкой плетеной работы, чем та, в которую мистер Говард усадил обрадованную Лейлу. Самая красивая и самая послушная из коз, которых он обучил, тянула ее. Всё было закончено, вплоть до поводьев из скрученного хлопка, которые няня умудрилась выкрасить в ярко-синий цвет листьями растения, из которого ее хозяин сделал ей краску. Радость этого сюрприза и счастье этого девятого дня рождения долго вспоминались Лейле с благодарностью и радостью.

- А теперь, дитя мое, - спросил мистер Говард, - в какую часть острова мы направимся? Есть ли какое-то конкретное место, которое вы хотели бы посетить?

- Да, папа, есть одно место, которое мне очень хотелось бы увидеть. Помнишь тот день, когда ты сказал: "Лейла, это слишком далеко для тебя, но когда станет прохладнее, я постараюсь довести тебя до обезьяньей рощи"? Я хорошо это помню, потому что часто думала об этом, а теперь погода стала прохладнее, и у меня есть свой самый красивый экипаж, так что мне не нужно идти пешком. Да, папа?

Мистер Говард охотно согласился на предложение Лейлы. Взяв в одну руку ярко-синие поводья, а в другую - хорошенький маленький хлыст, он дал команду. Послушная коза быстрым шагом двинулась вперед, и счастливая компания направилась к обезьяньей роще. Лейлу очень забавляла и восхищала сцена, свидетелем которой она стала. Обезьяны, по-видимому, вели более чем обычную беседу. Они ухмылялись, болтали и ругали друг друга самым нелепым образом. У одной из них на руках был малышку, которую она теребила и ласкала, как нянька ребенка, и вдруг она дала ему такую пощечину, что бедняжка завопила от боли. Другая обезьяна полетела отомстить за оскорбление, нанесенное малышке, и, прыгнув на маму, дала ей в ответ такой удар по уху, что она упала бы на землю, если бы не уцепилась бы хвостом за ветку, на которой она сидела, все еще держа малышку на руках. Лейлу эта сцена очень позабавила.

- О, папа! - воскликнула она, когда они возвращались домой, - как бы я хотела, чтобы у меня была маленькая обезьянка. Одна обезьянка не причинила бы много вреда, я совершенно уверена. Можно мне одну, папа? Ты скажешь "да"? Я знаю, когда ты скажешь "да", потому что сначала я вижу это в твоих глазах, а потом, когда согласие твоё сойдёт на твои губы. Я чувствую себя такой счастливой, словно маленькая птичка залетела мне в грудь. Но сейчас я не вижу этого в твоих глазах, папа. Ты собираешься сказать "нет", хотя это всего лишь маленькая обезьянка?

- Да, дитя мое, я собираюсь сказать "Нет". Мне всегда жаль разочаровывать тебя, Лейла, но, старые или молодые, они неприятные, озорные животные. И я уже говорил

тебе, что мне неприятно, если у тебя будет обезьяна. Поэтому я сожалею, что ты снова спросила об этом.

- Да, папа, мне тоже жаль, и я расскажу тебе, как это было. Когда ты сказал, что у меня не будет обезьяны, я постаралась выбросить это из головы, но мне очень этого хотелось. Как ты думаешь, это когда-нибудь пройдёт?

- Что пройдёт, Лейла?

- Такое чувство, папа, что я так сильно хочу того, чего мне не суждено иметь. Ты даже не представляешь, как сильно я хочу чего-то, когда ты говоришь "нет". Иногда я желаю этого больше, чем когда-либо - вот что досадно. Как ты думаешь, это пройдет?

- Увы! Моя дорогая Лейла, чувство, с которым ты сейчас борешься, является одним из многих доказательств испорченности нашей природы, и только Бог может дать тебе силу бороться с такими наклонностями. Я надеюсь, что ты будешь постоянно молить об этой помощи по мере того, как ты будешь продвигаться вперед и становиться более чувствительной к своей собственной слабости.

- Папа, ты часто говоришь, что когда у меня будет больше опыта, я не буду желать так много глупостей. Неужели ты думаешь, что, когда я состарюсь, у меня будет опыт общения с обезьянами, и я буду считать их вредными и неприятными?

- Да, Лейла, я не сомневаюсь, что ты поймешь, что они и вредны, и неприятны, когда ты сама окажешься немного под властью разума.

- Господство разума, папа! Разве это лучший доминион, чем у королевы Елизаветы? Ты же знаешь, что она мне совсем не нравилась. Мистер Говард улыбнулся.

- Твоя ошибка, Лейла, служит мне хорошим упреком за то, что я не высказался так просто, как следовало бы, когда разговариваю с тобой. Я имел в виду только то, что по мере того, как ты будешь расти годами, твой разум будет укрепляться, и ты не будешь так сильно увлекаться своими желаниями. Например, если бы ты не была таким ребенком, как сейчас, ты бы проявляла свой разум в этом случае и сказала бы себе: "мой папа мудрее меня и должен знать лучше, поэтому я доверюсь его опыту в этом вопросе".

- А у тебя есть опыт общения с обезьянами, папа? Я этого не знала.

- Да, любовь моя, есть.

- Тогда ты мне расскажешь об этом? Это будет так восхитительно! И сделай из этого длинную историю, пожалуйста.

- Ну, Лейла, мне нечего сказать тебе по этому поводу, я могу только сказать, что моя младшая сестра испытывала то же желание, что и ты, - обладать обезьяной. Ее водили смотреть выставку диких зверей, где было несколько обезьян, и после этого ее честолюбивое желание иметь одну из них в качестве своей собственности стало верхом мечтаний. Один джентльмен, который постоянно бывал у нас в гостях, собирался в то время отплыть в Вест-Индию и, слыша, как моя сестра часто говорит об этом, любезно обещал прислать ей обезьяну с капитаном корабля. Мои отец и мать предупреждали её, как я уже говорил тебе, что обезьяна - вредное животное и отнюдь не будет приятным обитателем семьи. Но Марию это не убедило. Она заверила их, что будет присматривать за своей обезьянкой и даст ей такое наставление, чтобы никакой беды не случилось. Итак, в надежде, что эта маленькая девочка скоро научится на собственном опыте, разрешение было дано, и через несколько месяцев появилось самое забавное маленькое существо. Поначалу это было большое развлечение в детской, как для нянек, так и для детей. И так как моя сестра почти постоянно водила её за собой на поводке, то в течение первой недели не было совершено никакого вреда. Кроме того, что хлопковые катушки вынимались из рабочего ящика няньки, а хлопок наматывался на ее маленькие ножки до тех пор, пока она не становилась неспособной двигаться, и не переворачивалась на

бок на ковре, болтая и ухмыляясь так, что Мария чуть не умерла от смеха. Няня, однако, выглядела довольно мрачно после этого, и веселье Марии вскоре сменилось горем, когда ее самое любимое создание превратилось из забавного любимого животного в несущего одни беды. Крестная мать Марии прислала ей в подарок на день рождения прекрасный набор маленьких фарфоровых чашечек и блюдечек, и ее радость от того, что она впервые заварила в них чай, была поистине велика. Госпожа Мартышка поставила для себя стул у стола. Она глядела с величайшим удовольствием на чай и, казалось, особенно обрадовалась, когда Мария поднесла к её губам чашку чая и приготовила ей маленький кусочек хлеба с маслом. В углу детской, где моя сестра хранила свои сокровища, стояла маленький комод со стеклянными дверцами, и, как только чашки и блюдца были вымыты, они были аккуратно расставлены и выглядели так красиво, что она все еще стояла и смотрела на них с восхищением, когда прозвенел звонок, приглашая детей спуститься вниз. Марии часто говорили, чтобы она никогда не оставляла этот комод открытым, но, торопясь попасть в столовую, она забыла его запереть. Няня, думая, что моя сестра, как обычно, привязала обезьянку в соседней комнате, вышла погулять с ребенком, и детская осталась пустой. Примерно через полчаса Марию послали наверх за книгой, которую хотел посмотреть ее папа. Но каково же было ее смятение и ужас, когда, войдя в детскую, она увидела обезьяну, сидящую за столом и весь прекрасный чайный сервиз, расставленный перед ней! Она держала в лапе одну из изящных маленьких чашечек и, когда Мария вошла, радостно улыбалась, что-то бормотала и делала вид, что пьет из нее. У моей сестры в руке был мячик, и она в гневе и сильном негодовании швырнула его в неё. За это разъяренный зверь не только отомстил ей, бросив в нее чашку и разбив её на тысячу осколков, но и, вскочив на стол, опрокинул весь чайный сервиз, который в следующее мгновение разлетелся вдребезги на полу.

- О, папа, какой ужас! И что же сделала твоя младшая сестра?

- Ах, Лейла, она плакала очень горько, и не менее горько оттого, что чувствовала себя виноватой только из-за себя. Она вспомнила все, что ей говорили о злых желаниях этих созданий. И еще она чувствовала, что если бы она была менее беспечна, если бы она привязала животное поводком, как она честно обещала сделать, или если бы она вспомнила наставления своей матери запереть стеклянный ящик и держать ключ в кармане, то ничего этого не случилось бы.

- А обезьяну отослали назад, папа?

- Нет, не сразу. Мария так умоляла, чтобы испытание было более длительным, что отец и мать дали свое согласие. Но вскоре моя бедная сестричка пожалела о том опрометчивом доверии, которое она оказала своему вероломному другу. Добрая крестная мать Марии, узнав о печальной судьбе подарка на день рождения, прислала ей через несколько недель очень красивую шелковую накидку и шляпку. Коробка была только что распакована, когда по прибытии утренних посетителей, моей сестре было велено отнести эти драгоценные вещи наверх и повесить их в гардероб в своей комнате, пока моя мать не найдет времени, чтобы выразить им должное восхищение. Но Мария подумала, что нет никаких причин, почему бы ей самой не полюбоваться ими еще немного, прежде чем они будут отправлены в свое безопасное место. Поэтому, одевшись в красивую накидку и шляпку, она постояла несколько минут перед зеркалом, очень сожалея, что никто, кроме госпожи мартышки (который стоял, скорчив гримасу, в углу комнаты), не присутствовал, чтобы разделить ее удовольствие. Вскоре после этого она вышла в сад, и моя мать, отпустив своих гостей, поспешила присоединиться к ней. Когда она проходила мимо кустарника, ее внимание привлек легкий шорох среди ветвей

большого дерева, под которым она была. Каково же было ее удивление и возмущение, когда она увидела Марию, как ей показалось, одетую в свой новый плащ и шляпку и сидящую на одной из самых высоких ветвей!

- Мария, - воскликнула она в ужасе, - как ты попала сюда? Не двигайся, умоляю тебя. Не шевелись, пока я не позову на помощь твоего отца. Испуганный ее голосом, предмет, на который она смотрела, внезапно подпрыгнул и, зацепившись накидкой за выступающую ветку, повис в воздухе, удерживаемый этой тонкой накидкой. На крик моей матери быстро прибыл отца на помощь, потому что он уже собирался присоединиться к ней в саду. И, бросившись вперед, чтобы спасти своего ребенка, он схватил в свои объятия не ожидаемую Марию, а ухмыляющуюся, болтающую обезьяну. Моя бедная младшая сестра, которая тоже услышала этот ужасный крик, в этот момент подлетела к тому месту. Как же глубоко она была расстроена, когда увидела, как сильно встревожилась ее дорогая матушка и как сильно пострадали прекрасные новые накидка и шляпка. Теперь она уже не возражала против того, чтобы злой зверь был отправлен назад, и только по ее собственной искренней просьбе на следующее утро его отправили к человеку, который держал зверинец, чтобы выставить его среди других диких зверей. А теперь, дитя мое, мы должны поспешить домой, потому что сейчас обеденное время, и няня, должно быть, уже давно ждет нас.

Глава 14

- А теперь, няня, - воскликнула Лейла однажды утром, как только уроки закончились, - я не пойду сегодня гулять с папой, потому что он сказал, что пойдёт слишком далеко. Так что сядьте со мной на эту красивую зеленую скамейку в моем саду и давайте побеседуем. Вы видите эти цветы? Я уверена, что вы никогда раньше не видели таких красивых цветов. Только взгляните на тот, что с розовыми цветами, едва выглядывающими из-под зеленых листьев. Он никогда не выходит из-под них, так что я называю его Марией, королевой шотландской. Потому что она так прекрасна, и она в тюрьме. А тот, что так бледен, - леди Джейн Грей. Вы видите ту алую, такую свирепую и с такой большой головой? Это королева Елизавета. Я назвала все цветы в честь королей и королев, о которых мне рассказывал папа. Вам нравится слушать о них, няня? Я могу рассказать вам гораздо больше.

- Нет, мисс Лейла. В дни моей молодости не было модно, чтобы такие, как я, интересовались другими королями и королевами, кроме тех, о которых мы читаем в Библии. У меня было достаточно дел, чтобы доить коров, помогать делать масло, возить кур, яйца и букеты на рынок.

- Ну, тогда мы не будем говорить о королях и королевах, если вам это не нравится. Но не уходите так скоро: я удивляюсь, как вам нравится уходить так скоро. Вы никогда не садитесь, чтобы поговорить со мной по душам, вы всегда бегаете рысцой.

- О, мисс Лейла, если бы я не бегала, как вы это называете, а предпочла сидеть на своем стуле, как подобает благородной леди, в какой комнате должен был бы сидеть ваш папа, или обедать, или спать?

- Тогда, няня, я никогда больше не скажу, что вы бегаете, потому что вам не нравится, когда я это говорю. И мы не будем говорить о королях и королевах, но я скажу вам кое-что еще, что папа сказал мне сегодня утром о муравьях, и я думаю, что вам это понравится, потому что это очень любопытно. Вы знаете, что я уже рассказывал вам о муравьях, строящих дома с комнатами и детскими, и о том, как они активно выполняют большую работу. Но знаете ли вы, что есть муравьи, которые настолько плохи, насколько это возможно? Они дерутся, и воруют, и вообще не любят работать.

- В таком случае, мисс Лейла, я думаю, что было бы лучше, если бы они продолжали бегать рысью и справлялись со своей работой, ничего не крадя. Но что они крадут?

- Они крадут рабов, чтобы те работали на них, и я расскажу вам, как они это делают. Мистер Хубер узнал об этом, но знаете ли вы о мистере Хубере?

- Нет, мисс Лейла, я никогда о нем не слышала.

- Ну, я о нем тоже почти ничего не знаю. Знаю только, что у него был слепой отец , который очень много знал о пчелах. И он сам писал очень любопытные вещи о муравьях. Он говорит, что есть муравьи, которые не работают, и все же они любят удобства. Называют их легионерскими муравьями; это любопытное название. Папа повторял это снова и снова, так что я запомнила. Вы запомните?

- Да, Мисс Лейла, я сделаю все, что в моих силах. Но такой старой женщине, как я, нелегко научиться всем тем тонкостям, которым ваш папа считает нужным вас учить. Да и мне было бы не совсем прилично. Но расскажите мне о рабах, которых они заставляют работать на себя. Я хотела бы узнать об этом.

- Ну, я вам сейчас расскажу. Муравьи-легионеры, которые являются ворами, имеют светлый окрас — они настолько сильны и храбры, насколько это возможно— они могут жалить очень сильно, так что они могут устроить грандиозную битву. Но они ленивы в работе, поэтому они крадут другой вид муравьев, темного цвета, которые называются негритянскими муравьями, чтобы работать на них. Негритянский муравей терпелив , и у него нет жала. Именно мистер Хубер первым узнал о рабах. Он шел недалеко от Женевы, где жил, и увидел огромное количество муравьев-легионеров, тысячи и тысячи муравьев, и он назвал это армией. Они перешли дорогу и пробрались через изгородь в поле, и он долго шел за ними, пока они не добрались до гнезда негритянских муравьев. Некоторые негры ходили взад и вперед, охраняя норы в своих гнездах, и они были в большом испуге. Я думаю, они знали, что легионерские муравьи являются жестокими ворами и пришли, чтобы украсть их маленьких детей. Все они бежали в гнездо, чтобы сообщить плохие новости и заставить других муравьев сражаться, а маленьких муравьев охраняли в детских садах. Я не знаю, прятались ли они, папа мне этого не говорил, но я думаю, что они дрожали. Тогда все сильные муравьи-негры

бросились в атаку, и началась битва. Это была страшная битва. Муравьи-легионеры встали на задние лапы, как и муравьи-негры, схватили друг друга лапками и дрались друг с другом. Иногда они оба падали, катались по земле, но не отпускали. Они дрались и плевали друг на друга, пока снова не вскарабкались. Вы когда-нибудь слышали что-нибудь ужаснее, чем их плевки друг на друга? Я никогда не думал, что в мире существует такое ужасное зло, как это. Наши муравьи здесь не плюют друг на друга. Интересно, плюют ли муравьи в Лондоне? Знаете, няня, если мы покинем остров, то отправимся именно в Лондон, но я надеюсь, что мы его не покинем. А теперь я должна рассказать вам остальную часть истории. Муравьи-легионеры были так сильны, что одолели негров. Затем они взобрались в муравейник. Некоторые из них вошли в маленькие двери, которые были сделаны, а другие топали и скакали, и рвали челюстями другие отверстия. Таким образом, они все вошли, и никто не знает, кто им сказал, или как они узнали детские. Но очень скоро они вышли снова, и у каждого из них был маленький негритянский муравей во рту. Они побежали так быстро, как только могли, а мистер Хубер за ними.. Когда они добрались до своего гнезда, он был озадачен, потому что увидел множество больших негритянских муравьев, ходивших вокруг и наблюдавших за ними. Сначала он подумал, что они пришли сразиться с ними за то, что они украли их маленьких детей, но они подошли к муравьям-легионерам очень ласково, принесли им еду и стали ласкать их. Интересно, как они могли их ласкать? Как, должно быть, забавно было видеть, как муравьи целуют друг друга! Тогда старые негритянские рабы забрали маленьких негритят у муравьев-легионеров и унесли их в свои новые ясли. Мистер Хубер говорит, что старые негритянские рабы, должно быть, тоже были унесены, когда были маленькими, и поэтому они вполне привыкли жить с муравьями-легионерами и любили работать на них.

- Право, мисс Лейла, это самая невероятная история, которую я когда-либо слышала в своей жизни. И каким образом они работают на них?

- О, они делают для них все. Муравьи-легионеры могли бы работать очень хорошо, если бы захотели, но они этого не делают. Мистер Хубер поместил некоторых из них в стеклянный ящик вместе с их маленькими детьми и дал им землю, чтобы построить ясли, и мед, чтобы кормить их. Сначала они немного работали, но у них не хватало терпения. Они не утруждали себя даже едой, и через два дня половина из них умерла. Тогда он поместил в ящик одного негритянского муравья, и славный маленький раб немедленно принялся за работу. Он сделал из земли комнату и детскую, собрал всех детенышей в детскую, и сделал ее удобной для них. Также он кормил старых муравьев, и сделал им их собственную комнату, и содержал все в порядке для них. Он сделал еще одну любопытную вещь, чтобы испытать их. Он сломал один из их холмов и разрушил некоторые из их комнат и галерей. Муравьи-легионеры были в величайшей суете и совершенно сбиты с толку. Они бродили с разбитыми сердцами и не знали, куда идти. Но негры утешали их и понимали гораздо лучше. Они обнаружили галереи и комнаты, которые не были разрушены, взяли муравьев-легионеров в свои рты и понесли их в них. Некоторые из них были не очень умны и сбились с пути, потом они очень осторожно опустили своих хозяев на землю и бегали, пока не нашли комнату, а потом снова

подняли их и привели в нее. Один из муравьев-негров нашел комок земли у входа в галерею — он не мог туда войти, поэтому он опустил своего хозяина на землю, и я думаю, что он сказал: "Сэр, пожалуйста, будьте терпеливы, и я вернусь за вами", потому что его хозяин лежал совершенно неподвижно. Раб позвал другого раба, чтобы тот помог ему. Они откатили этот комок земли, затем он вернулся, взял своего хозяина и отнес его в комнату в полной безопасности. Я думаю, это все, что мне рассказал папа, и разве это не чудесная история?

- Вы можете так хорошо говорить, мисс Лейла, и я уверена, что терпение и активность этих маленьких негритянских созданий послужат примером для всех нас.

- Да, так говорит папа, и я изо всех сил стараюсь быть терпеливой. Но теперь, няня, я рассказала вам одну историю, и вы, конечно, тоже мне что-нибудь расскажете. Я хочу, чтобы вы рассказали мне, что вы делали, когда были маленькой девочкой. Вы ведь когда-то были маленькой девочкой.

- Да, мисс, и не так уж давно.

- Совсем недавно! Я думала, что вы очень старая женщина , намного старше моего папы. У вас очки на носу. У моего папы никогда не бывает очков, и он видит очень хорошо.

Няня поспешно сняла очки и с явным неудовольствием ответила: "Мисс Лейла, не очень — то вежливо называть кого-то старым, из-за того, что он может надеть очки только для того, чтобы сохранить свои глаза. Не то чтобы я называла себя очень молодой женщиной, это тоже было бы не правдой, но когда вы доживете до моих лет, вам придется носить очки, если ваши глаза так же слабы, как мои, когда я была маленькой девочкой в коттедже моей матери.

Лейла взяла руку старушки в свои ладони (на ней, конечно, были какие-то подозрительные морщинки) и, ласково пожав ее, сказала:

- Няня, я никогда не знала, что у вас были слабые глаза и что вы были молоды. Но я попрошу папу дать вам лекарства, чтобы вы хорошо видели. А теперь расскажите мне, что вы делали, когда были маленькой девочкой? У вас когда-нибудь были маленькие кузины вашего возраста?

- Да, мисс Лейла, у меня была маленькая кузина. Теперь она уже старая женщина, но я часто думаю о ней, и мне очень хотелось бы снова увидеть ее, потому что она спасла меня от того, что всю жизнь было бы для меня горем.

- О, расскажите мне об этом, няня, и расскажите мне все, что вы делали, когда были маленькой девочкой, и где вы жили.

- Я жила, мисс Лейла, в коттедже в миле от Глостера. Более красивого коттеджа не было во всей округе. Маленькая комнатка, где я спала, находилась за кухней, а над ней было еще две комнаты. И , о мисс Лейла, такая кухня была для утешения и для всего, чего только может пожелать сердце, — мне кажется, я вижу, как ярко горит огонь, и очаг такой чистый, и кресло моей бабушки стоит по одну сторону огня. Я вижу ее в эту самую минуту. Перед ней стоит маленький круглый дубовый столик — вы могли бы видеть свое лицо на этом столике, я держал его таким ярким,— и на нем лежит бабушкина большая Библия, а рядом с ней ее красивая рабочая сумка, сшитая из

свадебного платья ее прабабушки, моей прапрапрапрабабушки, знаете ли. А какие цветы были на этой сумке, вы вряд ли подумали бы о вашей Марии, королеве Шотландии, или о королеве Елизавете, если бы вы их видели.

- А что она хранила в сумке, няня?

- Чего она там только не хранила, мисс Лейла. Там были ее чулки, и проволочки, и разноцветные шерстяные шарики для починки всех чулок в доме, и иголки, и ленты, и нитки, и мускатный орех в красивой коробочке, и огарок восковой свечи, и кусочки белого сахара, которые она иногда давала мне перед сном, и лимон, чтобы все приятно благоухало.

Окно маленькой комнаты, в которой я жила одна, выходило в сад за коттеджем, и летними ночами я всегда оставляла окно открытым, когда ложилась спать, чтобы слышать пение птиц и видеть лунный свет, скользящий по цветочным клумбам. С одной стороны коттеджа было поле для выпаса коровы, а с другой - коровник и свинарник. Такой свинарник, мисс Лейла! Он был похож на любую гостиную. Во всей округе не было таких свиней, как у нас, поэтому я гордилась ими и получал от них удовольствие. После того, как коровы были подоены, а моя корзина с яйцами и маслом была готова к утреннему походу на рынок, и все носовые платки были разрезаны и перевязаны, я каждую свободную минуту отправлялась в свинарник чистить и чесать хорошеньких маленьких созданий. Ибо было бы совершенно неправильно думать, что они не очень-то рады быть чистыми и иметь все, что может быть в них уважительного.

- Но что же делала твоя маленькая кузина? Она помогала вам чесать свиней?

-Нет, мисс Лейла, моя кузина Бетси была единственной дочерью, как и я, и ей приходилось работать в доме своей матери. Но она жила всего в двух шагах от нашего дома, так что мы часто встречались, и в базарные дни мы редко не выходили вместе в город Глостер и не садились рядышком с корзинами на Рыночной площади.

- Как это, должно быть, мило, сестра? Мне бы хотелось посидеть с моей кузиной Селиной на Лондонской рыночной площади бок о бок, а ваша Кузина Бетси была хорошей девочкой? Моя кузина Бетси была девушкой, которая никогда в жизни не говорила неправды и не притронулась бы ни к булавке, ни к кусочку сахара, принадлежавшему другому человеку. А если бы она случайно разбила яйцо или сделала вмятину в масле, то непременно перевернула бы его в корзине и упомянула об этом первому встречному покупателю. У нее были благочестивые отец и мать и библейское образование. Но не из-за недостатка этого тщеславие и грех упорно боролись со мной, а иногда и овладевали ею. Мои отец и мать тоже были богобоязненными людьми, и моя бабушка обладала мудростью Соломона, и всей книгой притч без книги, и мне она давала наставление за наставлением, и много увещеваний о тщете богатства. Но все, что она говорила, не могло изгнать из моего сердца любовь к лентам и нежным набивным ситцам. Так вот, мисс Лейла, в Глостере, как раз на повороте улицы, при входе на Рыночную площадь, была галантерейная лавка, и на витрине висела лента. Я никогда в жизни не забуду эту ленту. она была из розового атласа с желтой полоской, и розовый был как раз тем цветом, который, как мне казалось, лучше всего подходил мне тогда, хотя, когда я стала более благоразумной, вишневый цвет показался мне более

серьезным и респектабельным. Так вот, я уже давно мечтала о новых лентах для моей воскресной шляпки. Отец подарил мне одну из своих клумб для моего собственного сада, и все букеты из них были мои собственные. Я долго собирала шиллинг и пять пенсов за букеты, а бабушка дала мне пенни за то, что я выучила наизусть третью главу из книги Притчи. Но все равно мне нужен был еще один шиллинг, прежде чем у меня хватило денег купить эту ленту: я не могла успокоиться после того, как увидела ее. И вот однажды утром, когда я стояла перед витриной магазина, глядя на нее и думая о том, сколько времени пройдет, прежде чем я смогу заработать еще один шиллинг, мимо прошла прекрасная дама с маленькой мисс. Маленькая мисс вдруг остановилась и, потянув даму за платье, сказала: "Смотри, мама, какая красивая лента! Ты купишь её для моей новой шляпки?" Я почувствовала, как сердце готово было выпрыгнуть из моей груди, когда дама ответила:"Да, любовь моя, я куплю её, если ты этого хочешь, но я не очень-то восхищаюсь твоим выбором, нам лучше сначала посмотреть на другие. Та зелёная, что рядом, будет гораздо красивее для твоей шляпки." Все мое тело тряслось от страха, что маленькая мисс добьется своего, но продавец протянул руку к окну и снял зеленую ленту, и мне стало гораздо легче, но все же я почувствовала, что розовая лента исчезла. Я подобралась как можно ближе к двери и вытянула шею так, что она чуть не сломалась, а он, мисс Лейла, взялся за мерку и стал отмерять ярд за ярдом. Я думала, что там не осталось ни кусочка, и маленькая мисс была так довольна. Когда он подошел к концу, я услышала, как он сказал: "Мадам, здесь как раз достаточно, чтобы отделать еще одну шляпку, могу я оставить все это для вас?" Тогда у меня даже в ушах защипало, но дама сказала: "Нет, у меня достаточно", - и заплатила деньги, а остаток ленты снова повесили на окно.

- И что же вы сделали, няня, купили её? Это очень интересная история, хотя и не о вашей кузине Бетси.

- Потерпите, мисс Лейла, и вы услышите. Я не могла купить ее тогда, потому что у меня не было достаточно денег. Но я подумал про себя, что какая-нибудь другая маленькая мисс пройдет мимо и полюбит эту ленту, и она, без сомнения, купит остальное, потому что у всех, кроме меня, есть деньги. Вот моя кузина Бетси, она тоже собирала деньги, чтобы купить воскресную шляпку, и у нее есть два шиллинга и шесть пенсов. Я попрошу ее одолжить мне один из ее шиллингов, и верну ей из денег, которые получу за букеты, задолго до того, как у нее будет достаточно денег, чтобы купить соломенную шляпку. Поэтому я со всех ног побежала на Рыночную площадь, так как знала, что опоздаю, и мне не терпелось поговорить с Бетси. Но, к моему удивлению, ее там не оказалось. Я оглядывала улицу, и с каждой минутой все больше теряя терпение, была не в лучшем расположении духа. Поэтому , когда я наконец увидела, что она идет очень быстро и подходит ко мне, я не спросила ее, где она была и что ее задержало. Я не могла говорить ни о чем, кроме ленты. Я рассказала ей обо всем, что случилось, и о том, в каком ужасе я была. Она знала, как сильно я хотела купить это , потому что мы часто стояли у витрины и любовались этим вместе, но она никогда не предлагала мне денег взаймы. А когда я просила ее об этом, ее лицо сильно покраснело, и она сказала: "Милли, я не могу сейчас этого сделать".

- Ты не можешь этого сделать!? - сказала я, - Не можешь одолжить мне один из твоих жалких шиллингов! Ты скорее спрячешь их в ящик, никому не сделав добра, чем станешь ... " Не знаю, что еще я могла бы наговорить, потому что в этот момент подошла дама со слугой, несущим корзину. Она посмотрела на мое масло, желтое, как золото, и положила в свою корзину два фунта - все, что у меня было, - и дюжину яиц. "А теперь, дитя мое, - сказала она, - вот твои деньги". И она вложила мне в руку три шиллинга. Она прошла немного дальше и как раз свернула на другую улицу, когда, перебирая деньги в своей руке, я увидела, что два шиллинга слиплись с кусочком пчелиного воска, и что дама дала мне четыре шиллинга вместо трех. В этот момент глаза Бетси были устремлены на меня. "Беги, Милли, - сказала она, - беги, а то леди пропадет из виду. Это ошибка, ты же знаешь, это должно было стоить всего три шиллинга".

"А откуда мне знать, что это ошибка?- отвечала я, - Может эта дама подарила мне этот шиллинг? Все не так скупы на свои шиллинги, как ты, Бетси. Я не прошу у тебя совета. Молчи об этом, пока тебя не спросят, и свой шиллинг тоже прячь". В глазах Бетси стояли слезы.

"Милли, — сказала она, - это злой дух говорит в тебе, это не моя кузина Милли. Ты никогда не сохранишь то, что тебе не принадлежит, - я знаю, что ты этого не сделаешь."

Она отскочила от меня, а я с каждой минутой все больше злилась, потому что не сомневалась, что она пошла сказать леди. Но на углу улицы она постояла несколько минут, а потом вернулась ко мне.

- Милли, - сказала она, - я знаю этот дом, я видела, как леди вошла в него, он почти посередине улицы, и у него зеленая дверь. Ты пойдешь, Милли, я бы тоже пошла с тобой, но мое масло еще не продано, и тебе лучше не откладывать".

"Нет, Бетси, — ответила я , - я не отдам, я пойду своей дорогой, а ты можешь идти своей. Ты теперь знаешь дом, Бетси, и знаешь, что сказать". Она бежала за мной, держа меня за фартук, и слезы текли по ее щекам.

"Милли, - сказала она, - я когда-нибудь рассказывала тебе сказку или навлекала на тебя неприятности? Разве мы не дети сестер, и разве мы не всегда были как сестры? Если ты когда-нибудь любила меня, Милли, подумай об этом в этот день. Ты снова увидишь эту ленту, когда будешь проходить мимо. Но помни, если ты войдешь в дверь этого магазина, Чей глаз смотрит на тебя. О, Милли! Если ты войдёшь в Божий дом с этой лентой на твоей воскресной шляпке, то лучше бы она была перевязана пучком соломы".

- О, няня! - воскликнула Лейла, - вы, конечно же, не совершали этого подлого поступка, вы не покупали ленту? Это был злой дух, который искушал вас. Вы должны были молиться о силе.

- Да, мисс Лейла, я должна была молиться о силе, но грех и тщеславие все еще боролись во мне. И гордыня тоже, потому что я не могла смириться с мыслью, что Бетси будет властвовать надо мной, и что она будет вести меня. Когда я пришла в магазин, лента все еще была там. У меня были деньги, которые дала мне дама. Я вынула их и сказала себе: "я могу заработать три шиллинга, чтобы отдать маме, с шиллингом и шестипенсовиком, которые лежат у меня дома", но слова Бетси все еще звенели у меня в

ушах. Я посмотрела на ленту, потом на свои деньги, а потом закрыла глаза и побежала мимо магазина так быстро, как только могла. Когда я вернулась домой, мамы на кухне не было, поэтому я побежала в свою комнату и заперла дверь на засов. Я взяла платок с моей воскресной шляпки, которую сняла с крючка в стене и села в ногах своей кровати, держа его в руке. Мисс Лейла, вам было бы жаль меня тогда, хотя я и не собираюсь оправдываться, потому что мое сердце было полно греха и тщеславия, но вы никогда не видели такой шляпки. На ней, конечно, была лента, но кто бы мог догадаться, какого она цвета? Она была синяя, но мама стирала и стирала ее, пока не выцвела вся краска, и она стала мягкой, как тряпка. Поэтому, оттолкнув от себя шляпу и вынув из ящика маленькую коробочку, в которой хранились мои деньги, я бросил в нее один шиллинг и, выбежав на кухню, положила остальные три шиллинга на бабушкин столик с такой поспешностью, как будто за моей спиной стояла армия драгун. Моя бабушка гуляла в саду, и в эту самую минуту она вошла и, взяв три шиллинга, сказала: "Вот тебе деньги за два фунта масла и дюжину яиц, Милли. Ты по настоящему становишься хорошей девочкой, и это большое утешение и для твоей матери, и для меня - иметь при себе такую девочку, которой мы можем смело доверять. Но неужели ты никогда не получала счастливого пенни, дитя мое, и у тебя не было никаких букетов, чтобы продать их сегодня утром?"

"Нет, бабушка, - ответила я, радуясь, что могу ответить на последний вопрос без обмана, - у меня не было никаких букетов, потому что отец посоветовал мне оставить цветы на другой день. В последнее время нам было довольно тяжело с ними".

Моя бабушка больше не задавала мне вопросов, но она открыла Библию и заставила меня прочитать ей мою главу, а потом выслушала мои псалмы и гимны. Много слов было для моей совести в том утреннем чтении, и я радовалась, что решила посвятить день размышлениям об этом. Но все же это действовало в моей голове, и я не могла успокоиться ни на работе, ни на своем огороде, ни со свиньями, и когда наступила ночь, я была рада уйти в свою постель. Окно было открыто, и в комнату доносился приятный запах жимолости, потому что цветок уже полностью распустился. Он цвел по всему окну. На большой яблоне пел соловей, и луна светила так ясно, что я могла видеть почти каждый цветок в саду. Однако я не мог ничему радоваться, и я закрыла окно, чтобы не слышать пения птицы ,и повернулось спиной. Но как я могла лечь в постель и не молиться? Мисс Лейла, я не могу рассказать вам всего, что было у меня на уме, но в конце концов я зарыдала так, словно мое сердце вот-вот разорвется. И тогда мои молитвы стали для меня утешением, потому что я уже приняла решение. Я вынула из ящика шкатулку, взяла из нее шиллинг, завернула его в бумагу и положила под голову. Так как твердо решила, что первое, что я сделаю утром, - это найду эту даму и все ей расскажу.

- О няня! - воскликнула Лейла, - надеюсь, вы очень быстро ушли и нашли леди?

-Вы еще услышите, мисс Лейла, я еще не дошел до этого. Я легла в постель и попыталась заснуть. Но больше всего меня сейчас огорчала ссора с Бетси, и я уже думала, как мне с ней помириться, как вдруг услышала стук в окно и увидела саму Бетси, потому что в бледном лунном свете я ясно видела ее лицо. Я вскочила,

завернувшись в одеяло, подбежала к окну и распахнул его. Через мгновение руки Бетси обвились вокруг моей шеи.

"Милли, - прошептала она очень тихо, - ты не купила ленту, дорогая. Я видела ее в витрине".

"Нет, Бетси, я этого не сделала".

"И ты возвратишь шиллинг?"

"Да, Бетси, я верну шиллинг. Я положила его под голову. Утром, как только рассветет, я отправлюсь на поиски леди".

"О, слава Богу!" - воскликнула она.

Я почувствовала, что она вся дрожит, и слезы текли у нее из глаз, потому что я чувствовала их на своей руке.

"Бетси, - сказала я, - ты снова станешь моей собственной Бетси, потому что сегодня я была несчастным существом, и если бы не ты, кем бы я была сегодня ночью? Но я просила Бога простить меня; теперь, Бетси, я прошу тебя".

"Милли, - ответила она и снова обняла меня, - я люблю тебя давно и крепко, но никогда еще я не любила тебя так, как сейчас, и теперь я буду спать спокойно. Сейчас мне придется бежать домой, потому что мама ждет меня, а я обещала не оставаться".

Она пошла, но снова остановилась на минуту.

"Милли, - сказала она, - ты не должна идти, чтобы найти даму так рано. Ты же знаешь, что благородные дамы не встают так рано. После твоей утренней работы я встречу тебя рядом с кустом боярышника в верхней части полосы, и мы пойдем вместе", — и мы расстались. Я ещё долго не могла уснуть в своей постели, мисс Лейла, прежде чем я глубоко уснула. Итак, на следующее утро я проделала всю свою работу так ловко, как только смогла, и как только бабушкины часы с кукушкой пробили девять, взяла свой завтрак и побежала по дорожке и увидела Бетси, которая ждала меня под кустом боярышника. Она завязывала мне букет из розовых цветов.

"А теперь, - сказала она, - мы снова кузины, Милли, и сестры, как будто никогда и не ссорились".

Это было самое прекрасное летнее утро, какое я когда-либо видела: и трава и деревья были покрыты росой, как бриллиантами, и солнце сияло на выбеленной земле, и каждая паутина казалась белой, как лилия, или, как говорят в Шотландии, как свежий снег. Мы шли так счастливо, что Глостер, казалось, идет нам навстречу. Бетси никак не могла проявить ко мне доброту, и я была уверена , что у нее была какая — то веская причина, чтобы отказать мне в шиллинге, - причина, о которой я почти не думала, хотя уже давно знала это. Когда мы шли по узкой улочке, ведущей на Рыночную площадь, из убогого дома выбежала маленькая девочка и, обхватив колени Бетси, сказала: "О, войдите и посмотрите на маму. Ей уже лучше, она сидит в своей постели, и ребенок уже не плачет, а я позавтракала хлебом и молоком." Она потянула Бетси вперед, и я последовала за ней в комнату — жалкую комнату, но никогда не забуду благодарности этой бедной женщины. Бетси застала ее голодной и отдала ей все, что у нее было, в тот самый момент, когда я была занята тем, что копила деньги. Что ж, мне было приятно думать, что у меня тоже есть что подарить, и она получила все это еще до конца дня. Я

не смогла бы тогда купить ту ленту, хотя бы у меня были богатства Индии.

- Но, няня, вы не останавливайтесь. Вы не рассказали мне всего, вы не рассказали мне о даме.

- Хорошо, мисс Лейла, вы услышите. Но я не буду долго говорить об этом, потому что после у меня время для приготовления ужина. Впрочем, сейчас не о чем особо рассказывать. Мы пересекли рыночную площадь и свернули на улицу, где Бетси видела, как леди вошла в свой дом. Примерно в середине улицы была зеленая дверь, так что мы были совершенно уверены, что были правы. Служанка вертела в руках тряпку , и когда мы спросили ее хозяйку, она выжила воду из тряпки на мостовую и на наши башмаки, а потом сказала: "Если бы у нас было послание для ее хозяйки, было бы правильнее отдать его ей, чем идти в чистую гостиную, уничтожая все своими грязными башмаками".Но когда Бетси так вежливо ответила, что речь идет о деньгах, о которых можно рассказать только самой леди, та, казалось, удивилась и, открыв дверь в конце передней, велела нам идти вперед .Дама сидела в кресле с высокой спинкой у камина, и в комнате не было никого, кто мог бы составить ей компанию, кроме попугая. И хотя погода была очень теплая, огонь ярко горел, чтобы вскипятить чайник, а тарелка с булочками стояла на медной подставке перед камином с завтраком на круглом столике рядом с дамой. Но масло было такое же белое, как скатерть. Я заметила, что это никогда не могло быть тем прекрасным жёлтым маслом, которое она купила у меня. Мой ум не давал мне покоя, и когда я взглянула на лицо даме, она оказалась старухой.и совершенно другой во всех отношениях. Бетси задержалась в дверях, и старая дама дважды спросила меня, что мне нужно, прежде чем я успела ответить. Наконец, сделав реверанс, я сказала: "это не наше масло, мадам, оно слишком белое, и вы не та дама, у которой в кармане был пчелиный воск". Леди ничего мне не ответила, но, надев очки и посмотрев мне в лицо, подозвала Бетси к себе и очень тихо спросила:"Она в своем уме?"

Бетси всегда лучше меня умела объяснять, и очень быстро она дала даме понять, в чем ошибка с шиллингом, и чего мы хотим. Она была очень добра к нам и дала каждому по кусочку булочки. Она сказала, что рядом с ней есть еще одна зеленая дверь, и что она знает, что леди была на рынке накануне и всегда могла позволить купить себе масло, так что ее обслуживали богаче, чем её. Она велела нам пойти туда и рассказать нашу историю о пчелином воске и шиллинге. Дама послала свою собственную горничную с нами, чтобы постучать в дверь и убедиться, что нас проводят в гостиную. Если я смутилась, увидев старую леди и попугая, то каково было бы войти в комнату, где, как мне казалось, собралась большая компания, потому что там были леди и джентльмен, а также пять или шесть маленьких господ и дам, сидевших за завтраком? Если бы мы не увидели на тарелке наше собственное масло, что придало мне некоторую уверенность, я никогда не смогла бы исправить свою историю; но когда дама спросила, что нам от нее нужно, я снова узнала ее голос. И когда я взглянула на нее, у нее было то же самое лицо, которое я видела на рынке. Поэтому я вынула маленький сверток из своей сумки и, сделав реверанс, сказала: "Пожалуйста, сударыня, это был шиллинг, который прилип к другому вместе с пчелиным воском. А три шиллинга я отдала моей матери". "Что имеет ввиду эта девушка?" - сказала дама, обращаясь к джентльмену. Я взглянула на

Бетси, которая собиралась объяснить это еще яснее, но джентльмен сказал: "Она имеет в виду, что ты должна была дать ей три шиллинга вместо четырёх. А она честная и хорошая девушка. Теперь это та, кому я могу доверить наших детей! Мы должны присматривать за этой девушкой, когда пройдет еще несколько лет". Слезы навернулись мне на глаза, и я указала на Бетси, потому что сначала не могла говорить, но все же постаралась выдавить из себя: "О сэр, - сказала я, - это Бетси, которой вы должны доверять. Я бы купила розовую атласную ленту для моей шляпки, если бы не она, и я называла ее скупой и злой, тогда как каждый фартинг, который у нее был, она отдавала бедной голодающей женщине с больным ребенком".

"Браво! — сказал джентльмен, ударив ладонями по столу, - значит, у нас есть две девушки, достойные доверия, а не одна: вот и вся разница".

Дама задавала мне множество вопросов, пока не поняла всего, что произошло. Она говорила со мной очень ласково и, казалось, была очень высокого мнения о Бетси. Одна из маленьких мисс что-то шепнула своей маме, а потом взяла с тарелки булочку, разрезала ее пополам, намазала маслом и медом и дала каждому по половинке. Это был первый раз, когда мы вместе пробовали масло и мед, и мы никогда не забывали об этом. Но, мисс Лейла, это было еще не все: не прошло и двух часов, как в дверях появилась горничная с двумя маленькими мисс, и она достала из коробки с лентой красивую соломенную шляпку для меня и еще одну для Бетси. Розовой ленты не хватило на обоих, поэтому шляпки были отделаны зеленым, и нам это больше понравилось. О, это был счастливый день! И она была лучшей из дам, потому что еще до наступления ночи маленькая больная девочка пришла сказать нам, что дама приходила к ним и обещала им одежду и еду. А теперь, мисс Лейла, вы не должны снова заводить меня в эти давно забытые истории, потому что я могу говорить о них вечно, когда начну.

- Тогда, няня, я хочу, чтобы вы говорили о них вечно, потому что мне это очень нравится. О, не уходите!

- Не уходить, мисс Лейла?! А кто будет готовить вам ужин, интересно?

Глава 15

Прошло несколько месяцев, и погода снова стала очень тёплой. Однажды утром, когда Лейла лежала на берегу и писала, а папа диктовал ей, Дэш, который спокойно сидел рядом с ней, вдруг вскочил и, казалось, был охвачен желанием прервать ее занятия и увести ее.

- Что случилось, папа, с Дэшем? - кажется, он больше не хочет, чтобы я писала. Лейла,

однако, еще несколько минут упорствовала в своем занятии, как вдруг море, лежавшее перед ними спокойное, как летнее озеро, вдруг взволновалось. Волны стали разбиваться о берег с глухим тяжелым звуком, и раскат грома, эхом отразившийся от скал, заставил мистера Говарда и Лейлу вскочить на ноги.

- Поспешим домой, дитя мое, - сказал он, - ветер поднимается, боюсь, будет сильная буря.

Лейла схватила руку отца и поспешила идти. Но с каждым шагом ей становилось все труднее продвигаться вперед: ветер усиливался с чрезвычайной силой, а зигзагообразная молния, которая сначала страшно играла среди черной массы облаков в вышине, теперь бежала по земле, и казалось, что еще мгновение - и она обожжет ей ноги. Лейла вздрогнула и попятилась; папа подтолкнул ее вперед.

- Лейла, дитя мое, ты не должна медлить, каждая минута увеличивает нашу опасность. Давай поспешим подняться на утес, пока у тебя есть силы бороться с этим свирепым ветром. Положись на Бога, мое дорогое дитя: Его покровительство всегда вокруг тебя.

В этот момент в воздухе раздался громкий раскат грома, и крупные капли дождя начали падать, падая им в лицо от ярости все ещё усиливавшейся бури. Теперь они стояли на узкой тропинке, нависавшей над утесом, и непрекращающийся рев и вой ветра, и шум яростных волн, разбивавшихся о подножие скал, были таковы, что Лейла уже не слышала слов ободрения отца. Она изо всех сил старалась подняться, но ей казалось, что ноги ее больше не касаются земли, и еще мгновение — и она упадет в пенящееся море внизу, одна только рука отца поддерживала её. И когда тропинка стала уже, и в ней осталось место только для одного человека, чувство опасности отняло у нее все дальнейшие воспоминания. Внезапно дерево, росшее чуть выше скалы, с громким треском оторвалось и со страшной силой покатилось в пропасть. Мистер Говард подхватил дрожащего ребенка на руки и попытался вырваться вперед, но в этот момент ветер поднялся с еще большей яростью, и выступающий обломок скалы зацепил его ногу, он споткнулся и упал. Пытаясь спастись, он ослабил хватку — Лейла соскользнула с его руки, - и в одно мгновение он снова обрел равновесие. Но, - о, мука этого мгновения! - он больше не видел своего ребенка. Дэш прыгнул к краю пропасти и теперь стоял на узком выступе скалы чуть ниже, держа Лейлу за одежду. Мистер Говард бросился на землю, вытянул руки над скалой и отчаянными усилиями хватал пустой воздух.

Ещё бы один порыв ветра, и все бы погибли. Наступило кратковременное затишье. Всё ниже и ниже отец склонялся над пропастью, пока не поймал развевающееся одеяние Лейлы. Еще одно усилие - и его ребенок в безопасности! Сжав его в объятиях, он побежал вперед с отчаянной энергией. Повернув за угол, он остановился, не дыша, пока не положил свою ношу в безопасное место в пещере, а затем опустился на колени рядом с ней в молчаливой благодарности.

Няня была сильно встревожена, но только на мгновение: румянец снова вернулся к щекам Лейлы. И прежде, чем они успели применить какие-либо средства для ее выздоровления, она открыла глаза и прильнула к шее отца. Она, по-видимому, имела лишь смутное представление о том, что произошло, и, опасаясь какого-либо дополнительного волнения, отец пока воздержался от того, чтобы сообщить ей о степени ее опасности. Он просто прошептал ей благодарственную молитву за безопасность обоих, а затем сидел рядом с ней, пока она не уснула спокойным сном.

Ветер несколько утих, и мистеру Говарду захотелось взглянуть на море, но вид его из окна пещеры был весьма неясен, и он, посоветовав Лейле позаботиться о себе, взял в

руки подзорную трубу и, обогнув выступ, двинулся немного вперед вдоль скалы. Вид на океан был ужасно величественным; гигантские и пенистые волны, катящиеся вперед, казалось, готовы были преодолеть любое сопротивление и проникнуть сквозь каменный барьер даже в безопасное место. Были мгновения в этой темноте, когда ветер совсем стихал, и наступал пугающий штиль. Казалось, будто весь мир переставал существовать. И снова, как ни странно, буря поднималась с оглушительным ревом, а гребни волн одним сплошным слоем пены рассыпались по широкому водному пространству. Он часто поглядывал на широкое море в тревожной надежде увидеть какой-нибудь далекий парус. Но сейчас он молился, чтобы ни одно судно не оказалось рядом с этими страшными волнами.

Вернувшись, он застал Лейлу на ногах и с тревогой ожидающей его. Хотя ветер время от времени утихал в течение всего дня, не было видно, чтобы буря прекратилась, и с наступлением вечера она снова усилилась. Мистер Говард просидел у постели Лейлы до позднего часа. Он не мог расстаться с ней на ночь, хотя она неоднократно его к этому призывала.

- Ступай, дорогой папа, - сказала она, - теперь мне действительно хорошо, я не боюсь. Я буду размышлять о прекрасном стихе из псалма. Я скажу Богу: "Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности". А теперь поцелуй меня, дорогой папа, и спокойной ночи. Она протянула к нему свои маленькие ручки, он на мгновение прижал ее к своей груди, а затем удалился во внешнюю пещеру.

Посреди ночи мистера Говарда внезапно разбудили. Был ли это звук выстрела или только треск падающего дерева? Он прислушался — в паузе ветра снова повторился звук. Слишком уж точно это была пушка, сигнал судна, терпящего бедствие. Ночь была непроглядно темной, ни одной звезды не было видно, и в такой буре, да еще в полной темноте, пытаться взобраться на утес - было безумием. Время от времени продолжали стрелять пушки. Казалось, они говорили: "Неужели ни одна дружественная рука не протянется, чтобы спасти нас?" Увы! Что может сделать одна рука, даже если он доберется до берега? Но Лейла полагалась только на него, и до самого рассвета, когда опасность для его собственной безопасности уменьшится, он чувствовал, что ничего не может предпринять. Он мог только молиться.

С первыми лучами солнца он приготовился покинуть пещеру. Взяв в руки моток веревки, он подозвал Дэша к себе и, войдя на минуту во внутренние покои, нежно поцеловал Лейлу и поспешил прочь. Девочка продолжала спать еще некоторое время после того, как папа оставил ее, пока внезапно ее не разбудил мистер Говард, вошедший в пещеру с чем-то в руках, и его одежда казалась промокшей, как будто он был в воде.

- Вставай, любовь моя, как можно скорее, - сказал он взволнованным голосом, - и позволь мне уложить эту маленькую девочку в твою теплую постель. Лейла тут же встала.

- Маленькая девочка, папа!? О, дай мне увидеть ее лицо ! Какая она бледна, как очень бледна, но о, как прекрасна! Когда же она откроет глаза? Она спит, папа? Где ты ее нашел?

- Лейла, я не могу сейчас отвечать на твои вопросы. Одевайся скорее, любовь моя, и не разговаривай со мной. Нельзя терять ни минуты; я должен приложить все усилия, чтобы вернуть к жизни этого милого ребенка.

В этот момент вошла няня с медицинскими препаратами, которые мистер Говард попросил, проходя через внешнюю пещеру. Они быстро занялись за дело: склонились над кроватью, растирали ей виски и маленькие ручки, дышали в легкие, а Лейла, молча смотрела на них. Мистер Говард теперь держал руку на ее пульсе; ему казалось, что он

слабо бьётся. Почти незаметный оттенок румянца окрасил ее щеку. Она слегка порозовела, открыла свои голубые глаза, Они, казалось, на мгновение остановились на Лейле. И она, казалось, улыбнулась. Это была ангельская улыбка: тяжелые веки сомкнулись, пульс перестал биться.

- О, папа, что случилось? Что это такое?

- Это смерть, дитя мое.

- Она никогда, никогда больше не откроет глаза?

- Она откроет их на небесах, Лейла, чтобы узреть своего Бога.

Лейла бросилась на кровать и обхватила руками безжизненное тело, румянец сошел с ее щёк. Она упала бы в обморок, если бы своевременный всплеск слез не освободил бы ее сердце.

- О, папа! - воскликнула она, - я этого не вынесу. Почему она умерла? Единственная маленькая девочка, которую я когда — либо видела. Я бы так ее любила.

- Дорогая Лейла, - мягко ответил мистер Говард, - ты не должна роптать. Это первое горе, которое твой небесный Отец счел нужным послать тебе. Помни свою ежедневную молитву, дитя мое: "Да будет воля Твоя". Позволь мне увидеть, как ты поклонишься в кротком подчинении Его воле. Дух этого дорогого ребенка пребывает со своим Богом, наслаждаясь счастьем, которое мы можем лишь смутно представить, и которое твоя самая горячая любовь никогда не смогла бы купить для нее. Ты не должна вспоминать о ней, Лейла. она больше не прольет тех слез, которые сейчас терзают твое сердце. Печаль прекратилась вместе с ней, и началось вечное блаженство.

Лейла изо всех сил старалась успокоиться, и буйство ее первых чувств, казалось, прошло. Но все же отец не мог уговорить ее оставить на какое-то время предмет ее глубокого интереса. Мистер Говард перенес тело с кровати Лейлы на тюфяк во внешней пещере, но часто днем Лейла ускользала, и папа находил ее то растирающей холодные руки, то склоняющейся над бездыханым телом, тщетно прислушиваясь, чтобы уловить малейшее дыхание.

Можно легко представить, как само по себе столь интересное событие произвело на Лейлу самое глубокое впечатление, в ее спокойной однообразной жизни—она не могла ни думать, ни говорить ни о чем другом.

- Ну, расскажи мне еще, папа! - воскликнула она, - расскажи мне все. Мне приятно слышать, как ты говоришь об этом. Почему ты не разбудил меня? Я бы тоже пошла и помогла бы тебе. Может быть, я смогла бы сделать что-нибудь хорошее. Я бы подышала на девочку своим теплым дыханием в ту минуту, когда ты вытащил ее из моря, как ты сделал это со мной, папа. И я бы надела на нее свое меховое платье, чтобы согреть ее. Почему ты меня не разбудил?

- Моя дорогая Лейла, ты не могла бы сопровождать меня, так сильна была буря. Ты забываешь, любовь моя, о том, что ты сама так недавно совершила побег по узкой тропинке. Если бы ты была со мной, мое внимание было бы так занято защитой вас от опасности, что я не смог бы даже попытаться спасти этого бедного ребенка.

- А ты видел корабль, папа? Это было очень далеко? И где он сейчас? Мистер Говард содрогнулся.

- Увы, Лейла! Я не видел ни одного корабля; орудия перестали стрелять еще до того, как я достиг берега, и я видел только страшные волны.

- А плот, папа?

- Да, через некоторое время я обнаружил плот, и мне показалось, что на нем был кто-то еще. Боюсь, судя по состоянию веревок, так оно и было — грустная, грустная мысль.

Лейла подняла глаза на взволнованное лицо отца, и прекратила все дальнейшие расспросы.

Вечером мистеру Говарду пришлось оставить свою дочь на некоторое время, чтобы сделать необходимые приготовления к погребению, которое он хотел совершить на следующий день рано утром. Вернувшись, он обнаружил, что Лейла, совершенно измученная волнениями последних двадцати четырех часов, была вынуждена няней позволить ей раздеться и заснула. И все же ее сны, казалось, были частью природы ее бодрствующих мыслей, и он часто слышал, как она бормотала тихим, жалобным голосом: "Клара, дорогая Клара!" На шее этой девочки была найдена миниатюра, изображавшая молодую и красивую женщину - слишком молодую, чтобы быть матерью ребенка, но надпись на обороте не оставляла никаких сомнений. Вокруг локона светлых блестящих волос было написано: "От мамы Кларе". Увы! Эти смеющиеся глаза, сколько слез они были обречены пролить из-за судьбы столь любимого ребенка!

Глава 16

Мистер Говард встал на следующее утро, как только рассвело, чтобы закончить свою печальную работу. Когда он закончил засыпать гроб землей, и собрался читать над могилой панихиду, Лейла бросилась к нему.

- Лейла, дитя мое, я хотел спасти тебя от этого. Ты поступила неправильно, покинув пещеру, но теперь не должно быть никаких сильных эмоций. Я собираюсь прочесть эту торжественную и прекрасную службу. Позволь мне увидеть, что ты повелеваешь себе; постарайся поднять свои мысли с земли на небо. Слушай, Лейла, и утешайся этими возвышенными словами: "Я есмь воскресение и жизнь, говорит Господь; верующий в меня, хотя и умер, но будет жить; и всякий живущий и верующий в меня, никогда не умрёт". "Я знаю, что мой Искупитель жив и что он будет стоять в последний день на земле. И хотя после того, как мои подкожные черви уничтожат это тело, все же в моей плоти я увижу Бога, Которого я увижу сам, и мои глаза узрят, а не другого".

Мистер Говард продолжал читать, а Лейла боролась со своими чувствами; но когда он закрыл книгу, и все было кончено, она бросилась на могилу и заплакала так, как никогда не плакала прежде. Это было первое испытание Лейлы, и она глубоко переживала его. Но не прошло и двух дней, как все чувства ее теперешнего горя растворились в глубине страдания, которое тронуло ее гораздо сильнее.

Мистер Говард, увидев плот, к которому был привязан бедный ребенок, почти погребенный в волнующихся волнах, бросился в море и с помощью Дэша сумел вытащить его на берег. Но, совершенно поглощенный попыткой оживить предмет своей беспокойной заботы, он продолжал ходить в мокрой одежде. И озноб, который он получил, прибавляясь к прежнему состоянию возбуждения, в которое он был повержен неминуемой опасностью Лейлы, казалось, так сильно подействовал на его тело, что повторяющиеся приступы дрожи и жгучая боль в висках явственно свидетельствовали

о приступах лихорадки. В течение двух дней он изо всех сил старался следить за развитием болезни, но на третий день, после того как он некоторое время писал карандашом на листке в своей записной книжке, он позвал Лейлу к себе.

- Мое дорогое дитя,— сказал он, - я много страдал в последние дни, и теперь я чувствую, что мне становится все хуже, и, вероятно, у меня будет лихорадка. На самом деле, я чувствую, что даже сейчас она на мне, и мне может быстро быть еще хуже. Но я молился о полной покорности воле моего небесного Отца, я отдал себя и тебя, мое дорогое дитя, в Его руки. Если это для твоего же блага, Лейла, Бог сохранит меня для тебя, и я выздоровею, но если ...

- О, не говори этого! Я не могу, действительно не могу этого вынести! - воскликнула она, всплеснув руками в дикой тревоге

- Лейла, милое дитя, в эту минуту ты только усиливаешь мою боль: всяких эмоций надо избегать. Если ты в состоянии управлять собой, я продолжу дальше, а если нет, ты должна оставить меня, дорогая, на попечение няни. Я должен лечь на свою кровать, я чувствую, что больше не могу напрягаться.

- О, не отсылай меня от себя, папа. Я буду спокойна, действительно буду совершенно спокойна. Видишь, я уже не плачу(и она поспешно вытерла слезы). А теперь расскажи мне все, папа. Я слушаю.

Затем мистер Говард самым мягким из возможных способов дал понять Лейле, что результат этой лихорадки может оказаться фатальным, и что если бы это было так, то ее небесный Отец, любящий ее гораздо большей любовью, чем его, послал бы для нее друзей в трудную минуту. Он сказал ей, что она найдет инструкции для своего будущего поведения в его записной книжке. Также он написал несколько строк. В ней он доверял своей сестре Лейлу. В случае ее возвращения в Англию, она будет передана ей.

- А теперь, мое любимое дитя, ступай в свои покои, встань на колени и попроси поддержки, которая поможет тебе вынести все. Да будешь ты в состоянии сказать: "В день, когда я воззвал, Ты услышал меня, вселил в душу мою бодрость". Иди, дорогое дитя, и когда ты почувствуешь, что доверилась мне, вернись ко мне, Будь моей маленькой нянькой и моим самым большим утешением.

Молитвы Лейлы были простыми, но они шли из самой глубины ее сердца, а такие молитвы слышны на небесах. Она поднялась с колен, успокоенная и окрепшая. "Как же я плохо поступила - сказала она себе, - когда сильно горевала о Кларе. Казалось, меня ничто не волнует. Я забыла, что мой дорогой папа все еще со мной, и все так же прекрасно, как и раньше, но теперь я больше не буду неблагодарной. Я буду постоянно молиться Богу, чтобы он вложил в мой разум все, что я должна сделать для моего дорогого папы, и я буду доверять ему, и он будет делать все, что правильно.

Вернувшись во внешнюю пещеру, она застала мистера Говарда за тем, что он давал няне указания, как с ним обращаться в случае распространения лихорадки. Лейла слушала его с величайшим вниманием, потом взяла прялку, тихо села рядом с его кроватью и стала следить, чтобы она не нарушала тишины. Когда наступил вечер, она прочитала ему из Библии и закончила пением вечернего гимна, и с трудом ее уговорили оставить его на ночь.

В течение двух последующих дней ему становилось все хуже, и казалось, что Лейла уже перестала быть ребенком. Она никогда не забывала напоминать няне о проветривании, которое должно быть в определенное время. Когда ее уговаривали выйти из пещеры на несколько минут подышать свежим воздухом, она всегда возвращалась с чем-нибудь, что, по ее мнению, пойдет на пользу ее отцу. Она приносила ему самые свежие лимоны и самый спелый виноград, и каждый день клала ему на

постель по одному цветку. Она слышала, как папа говорил, что многие цветы вредны в спальной комнате, и теперь она, казалось, помнила все, что он ей говорил, и действовала в соответствии с этим. Так было восхитительно и приятно, когда папа уверял ее, что шербет, который она для него смешивала, всегда идет ему на пользу, и что он чувствует себя менее беспокойным после того, как она терла ему виски и разглаживала подушки.

Бедная няня была неутомима в своем внимании и нежной заботе. Но, не будучи человеком трезвого суждения и, естественно, с тревожным складом ума, будучи также гораздо более осведомленной о крайней опасности, чем могла бы быть Лейла, она временами была полностью подавлена беспомощностью их положения и в такие моменты часто была благодарна за советы даже простому ребёнку. По просьбе Лейлы приготовили сыворотку, чтобы папа не устал от лимонада, и когда у него появлялся сильный румянец, и начинались приступы угнетения, они обмахивали его листьями пальмы. Теперь он мог говорить с дочерью очень мало. Иногда она читала ему из Библии, но он мог вытерпеть только несколько стихов за раз. Раз или два он прижимал ее маленькие ручки к своим губам, и она чувствовала, что они горят, как огонь. Болезнь заметно нарастала. На седьмой день он, казалось, приблизился к кризису. К тому же он становился все более и более беспокойным. Лейла забралась на кровать и стала промывать ему виски уксусом, а няня обмахивала его щеки веером.

- Лейла, мое любимое дитя, - тихо сказал он, - я молился за тебя, но чувствую, что мои мысли начинают блуждать. Очень скоро я могу и не узнать тебя, дитя мое. Если это дополнительное испытание послано тебе, Лейла, помни, что оно тоже от Бога. Не позволяй себя победить: при лихорадке это распространенный симптом. Я не могу сказать больше. Дай мне твою руку, мне приятно чувствовать, что ты рядом со мной. О, если бы я мог спать!

Лейла наблюдала за ним с величайшей тревогой, но вдруг он снова встрепенулся, открыл глаза и серьезно посмотрел на нее.

- Кто ты такая? - сказал он. - Ты не Лейла.

Испуганное дитя разрыдалось в агонии.

-Нет, - продолжал он, - ты не Лейла. Моя Лейла никогда не плачет, она всегда улыбается.

Через мгновение слезы Лейлы высохли.

- Посмотри на меня, дорогой папа, - сказала она, - видишь, я улыбаюсь, я твоя Лейла.

- Да, теперь я знаю тебя, - сказал он, - Ты Лейла. Но, о, эта жажда! Если ты Лейла, почему ты не можешь утолить эту жажду?

Она поднесла к его губам стакан с лимонадом, и он нетерпеливо отодвинул его.

- Сыворотку, няня! - воскликнула она. - О, попробуй сыворотку!

Няня поспешно подняла большую деревянную миску, в которой была сыворотка, и, не дожидаясь, пока он выльет часть ее в стакан, поднесла к его губам. Он с жадностью проглотил ее и осушил миску до последней капли. Затем, измученный, неимоверным усилием, опустился на подушку. В течение некоторого времени он казался все более и более беспокойным, и румянец на его лице становился все сильнее. Но за этим выступила мягкая влага на коже, которая быстро увеличивалась, и через некоторое время он снова заснул. Сначала это был беспокойный сон - он часто вздрагивал и бормотал какие-то невнятные слова, но постепенно его дыхание стало мягким. Он крепко спал. Лейла в ужасе склонилась над ним, чтобы убедиться, что он еще дышит.

- Не бойся, дитя мое, - сказала няня, - это благотворный сон. Я думаю, что кризис миновал, и ваш дорогой папа, вероятно, проснется вполне спокойным и гораздо лучше.

Лейла бросилась на колени и излила всю полноту своего благодарного сердца, а добрая старая няня заплакала от радости.

- А теперь, милое дитя, - сказала она, - ты позволишь мне раздеть тебя и уложить в твою постель. Я буду дежурить рядом с твоим папой; тебе очень нужно отдохнуть.

Но Лейлу невозможно было уговорить лечь в свою постель. Она так горячо просила, чтобы ей позволили остаться с папой, что няня была вынуждена сдаться. Расстелив на полу тюфяк, она завернула ее в шелковое одеяло и, заверив, что ее позовут, если папа проснется, ушла. Лейла заснула.

Она проснулась вскоре после восхода солнца и поспешно поднялась. Няня стояла у кровати; все было тихо; папа все еще спал. Он был бледен, очень бледен, но дышал ровно, как младенец, и Лейле показалось, что она видит его улыбку. Закончив утреннюю молитву, она заняла свое место рядом с его кроватью и, открыв Библию, начала читать. Услышав легкое движение, она подняла голову; ее папа открыл глаза, и теперь Лейла была уверена, что он улыбается.

- Лейла, мое любимое дитя, - сказал он, - как ты? Почему ты здесь? Кажется, солнце только недавно взошло, - и он посмотрел на открытую дверь. - Как освежает утренний воздух! Все это выглядит таким ярким и зеленым, - продолжал он, - но я чувствую себя слабым, как будто был очень болен, и у меня осталось лишь смутное воспоминание о том, что произошло.

Лейла начала рассказывать о том, что произошло накануне вечером. Однако, сдержавшись, сказала:

- Но сейчас мы не будем об этом говорить, папа, потому что это может снова сделать тебя больным.

- Ты совершенно права, милое дитя мое; я не в состоянии сейчас много говорить. Но прочти мне псалом, а потом оставь меня, дитя моё, ибо я хочу побыть один, а эти бледные щеки требуют свежего воздуха и упражнений. Я знаю, что во время моей болезни ты была очень обременена , потому что, хотя я не могу вспомнить все отчетливо, я никогда не забуду, мое дорогое дитя, что ты всегда была рядом со мной.

Лейла недолго читала папе, а потом, поцеловав его несколько раз, вышла из пещеры и вскоре оказалась в окружении своих многочисленных любимцев. Как только их желания были удовлетворены, она отправилась в свой сад. Как все было прекрасно! Никогда еще цветы не имели такого яркого оттенка, а птицы не пели так сладко. Лейла чувствовала себя счастливее, чем я могу выразить словами.

Здоровье мистера Говарда, хотя поначалу и не столь быстрое, шло на поправку. Он часто сидел на свежем воздухе в тени скалы или на зеленой травяной скамье в саду Лейлы. Ему нравилось слушать жужжание пчел и видеть, как она ухаживает за цветами, и часто она приносила ему гитару и пела, или брала прялку и заводила с ним интересную беседу. С каждым днем он все больше и больше гулял с ней, и через несколько недель все его привычки возобновились. Но в Лейле произошла перемена: ее крайняя ребячливость прошла. Она была так же внимательна к своим многочисленным питомцам, но казалась менее занятой ими. И хотя всегда радостная и часто веселая, тень серьезности иногда пробегала по ее лицу. Отец часто видел её, как она подвязывает или поливает цветы, которые она посадила на могиле Клары, и теперь она никогда не выражала надежд, что они всегда будут жить на острове. Собственное страстное желание мистера Говарда избавиться от них было значительно усилено его болезнью, и вскоре он понял, что больше не чувствует себя одиноким в этом вопросе. Лейла заговорила об этом только один раз, потому что видела, что волнует его, но он часто видел ее пристальный взгляд, устремленный на море, и выражение ее лица в эти

минуты полностью открывало ему предмет ее мыслей и желаний.

И все же счастливая забывчивость юности принадлежала ей. Не успела она обогнуть скалу, как показалась пещера с красивым садом, усыпанным цветами, и все счастливые птицы и звери, летевшие ей навстречу. На какое-то время все воспоминания об их отшельничестве были забыты среди мыслей о ее прекрасном доме. Теперь она часто ездила с папой в своей маленькой карете, пока он шел рядом с ней, и таким образом знакомилась со многими прекрасными уголками острова, которых никогда прежде не видела. Но хотя эти прогулки всегда ожидались с нетерпением и наслаждались ими с восторгом, все же они никогда не возвращались домой без того, чтобы Лейла не задавала много вопросов, которые доказывали мистеру Говарду, что, хотя она все еще наслаждалась окружавшими ее красотами, она с радостью покинула бы их все ради той неведомой страны, куда так часто забредало ее юное воображение.

Глава 17

Прошло несколько недель после выздоровления мистера Говарда, и однажды утром, когда уроки закончились, он взял ружье и на пару часов оставил Лейлу, чтобы пересечь остров в поисках дичи.

Это был мягкий, расслабляющий день, с лишь частичными проблесками солнца, и Лейла почувствовала угнетение в своем сердце, сама не зная почему.

После того, как она некоторое время пыталась заняться садом, она направилась к могиле Клары и, усевшись возле нее, вспомнила все, что произошло за последнее время.

- О, Клара! - пробормотала она себе под нос, - как бы я тебя любила! Я, может быть, никогда больше не увижу другой маленькой девочки, но я не буду пытаться желать тебе возвращения, потому что на небесах ты счастливее, чем здесь. Я посадила для тебя самые яркие цветы, но сейчас ты собираешь цветы с ангелами — цветы, которые никогда не умрут. И разве мой дорогой папа не со мной? Мой дорогой, дорогой папа ! Да, Бог был очень милостив ко мне, Он вернул моего отца, и теперь я пойду и буду сидеть на утесе, пока он не вернется, и смотреть на море. Нет ничего плохого в том, чтобы пожелать, чтобы корабль пришел, потому что он тоже этого хочет, и он поднял маяк теперь почти до облаков.

Лейла уселась на выступающий камень и пристально посмотрела на море. Оно лежало перед ней тихим и неподвижным. Не было слышно ни звука волн, ни ряби на широком водном пространстве; все вокруг было тихо. Она наблюдала за морскими птицами, которые летали кругами на спокойном небе, а затем внезапно устремлялись вниз, расправляя свои широкие крылья и поднимая свои белые груди над неподвижной водой. Лейла долго и тревожно всматривалась, но долгожданного паруса не было видно, и она уже собиралась вернуться, с надеждой встретить папу, когда ее внимание привлекло тусклое пятнышко на далеком горизонте. Оно был слишком маленьким, чтобы быть кораблем, и черным, очень чёрным. Лейла подумала о белых парусах их собственного величавого корабля и глубоко вздохнула. Она встала, собираясь уходить, но все еще медлила и пристально всматривалась — широкая полоса света тянулась вдоль воды.

- Я подожду, - сказала она, - если он шевельнется, то перейдет в свет. Он входит в него даже сейчас, и он другой, совсем другой. Сейчас уже не темно, это корабль - я вижу его ясно.

Она полетела вдоль утеса и повернула за выступ. Она бежала, задыхаясь, и, войдя в пещеру, воскликнула:

- Корабль! Корабль, няня! О, беги скорее! Я не могу здесь остаться — я должна вернуться на утес. Но где же папа? Папа, папа! - громко крикнула она, пролетая мимо и возвращаясь по своим следам. Но ответа не последовало, и она стояла одна на вершине скалы, нависшей над пропастью, когда бедная няня, задыхаясь от спешки и волнения, появилась в поле зрения.

- О, моё дорогое дитя! Спускайся, спускайся! — воскликнула она, - ты соскользнешь с обрыва и упадёшь в море. Но где же корабль? Покажи мне корабль!

Лейла указала на широкую полосу света, в середине которой лежал корабль, словно спящий на воде. Но бедная няня напрасно напрягала зрение.

- Увы! Нет никакого корабля, - воскликнула она, - или я не могу его обнаружить?

- Есть, есть, няня! Я вижу это яснее, чем когда-либо. О, если бы папа был здесь! Что мы можем сделать? Разве мы ничего не сделаем? О, скажи мне, что мы должны сделать. Мы могли бы зажечь маяк, не так ли ? Быстро, быстро, дайте мне трутницу , я могу бежать очень быстро, а вы можете следовать за мной.

Она метнулась вдоль скалы, повернула за угол, пересекла ручей и, как молодой олененок, помчалась вверх по склону холма. Через несколько мгновений она уже стояла у потрескивающего костра, и густой дым временами заслонял ее фигуру,а затем величественно поднимался в вышину. Поднялся легкий ветерок, огонь разгорелся и запылал. Она все еще стояла одна , но вдруг раздался голос:

- Лейла, Лейла!

За Дэшем, бегущим из чащи, появился мистер Говард, который через мгновение уже стоял рядом с ней.

- Ты зажгла маяк. Что это значит, дитя мое?
- Корабль, корабль, папа!
- Корабль, Лейла? О возможно ли это? Да, да, ты права.

Он продолжал серьезно смотреть через свой телескоп в течение некоторого времени в полном молчании.

- Он приближается, папа, - паруса наполняются. Какой белый, какой красивый! Он приближается, папа? Мистер Говард не ответил.

- О, поговори со мной ... скажи мне ... он уже не кажется таким большим — он приближается, папа?

- Нет, дитя мое, он уплывает от нас. Она стояла неподвижно; выражение ее лица встревожило отца.

- Лейла, дитя моё, мы должны предоставить это Богу. Он управляет глубокими водами, море принадлежит Ему, и Он создал его.

Лейла бросилась в объятия отца и заплакала у него на груди.

- Все еще есть надежда, дорогое дитя, - прошептал он, - хотя и слабая. Корабль пошел на галс(движение судна относительно ветра). Когда он снова развернется, он сможет приблизиться к земле. Давай спустимся на пляж.

Они шли так быстро, как только могли, в сопровождении бедной няни, которую они встретили, поднимаясь на холм. Они добрались до берега. Увы! Предмет их тревожной надежды теперь казался лишь слабым пятнышком на далеких водах. Лейла, молча смотрела на него, изо всех сил стараясь подавить волнение. Её отец продолжал серьезно смотреть в подзорную трубу.

- Есть ли надежда, папа? - наконец тихо прошептала она.

Мистер Говард на мгновение отнял трубу от глаза и улыбнулся Лейле.

- А! Ты улыбаешься, папа. Теперь я точно знаю, что надежда есть. Он снова вернулся? Он приближается? Мне кажется, теперь я вижу это яснее — я уверен, что вижу.

- Да, Лейла, ты права, корабль снова пошел на галс, и ты видишь это более отчетливо, но все же события неясны. Сейчас я выстрелю из своего мушкета.

Мистер Говард продолжал время от времени стрелять. Судно неуклонно двигалось в направлении острова. Снова показались его белые паруса, и, о радостный звук, свидетельствующий о возвращении, с корабля выстрелила пушка. Мистер Говард поднял глаза к небу, Лейла опустилась на колени в безмолвной молитве.

- И что же ты видишь теперь, папа? - воскликнула она, вскакивая через несколько минут. - Что они сейчас делают?

- Они спускают лодку. Я вижу, как в нее садятся люди. Лодка, казалось, быстро неслась по сверкающим водам. Все ближе и ближе она приближалась к ним. И вот, она коснулась берега. Молодой офицер легко спрыгнул на берег. Лейла бросилась вперед и обхватила его колени.

- С какой планеты ты упала, прелестное дитя? - воскликнул он, наклоняясь и откидывая назад яркие локоны, которые оттеняли ее лоб, и пристально вглядываясь в ее лицо.

Мистер Говард выступил вперёд. В нескольких словах он объяснил ему их положение. Это сообщение было выслушано с глубочайшим интересом. Были даны самые теплые заверения, что они будут приняты со всей добротой на борт фрегата. О, каково ему было чувствовать, что теперь они снова увидят Англию! Ему уже казалось, что он мысленно соприкасается с берегами той любимой страны, откуда всего несколько часов назад он считал себя безнадежным изгнанником.

Счастливая группа двинулась к пещере. Молодой офицер был в восторге от красоты

всей этой картины, и когда домашние животные Лейлы столпились вокруг нее, его заверения в том, что все, кого можно быстро найти, будут приняты на борт, отняли у ее маленького сердца единственную печаль. Возможно ли, чтобы что-то ещё могло прибавится к такому счастью? Да, это все еще усиливалось информацией о том, что у него на борту фрегата есть маленькая девочка, как раз ее возраста, которая будет любить ее как сестру. Лейле не терпелось поставить перед их желанным гостем все закуски, какие только могла предложить пещера, и на столе быстро появились фрукты, молоко и рисовые лепешки ее собственной выпечки. Он был в восторге от всего. Он заверил Лейлу, что никогда раньше не ел таких пирожных, и взялся за дело. Один из них, выбрав гроздь винограда, попросил ее разрешения отнести его Луизе.

- А теперь, сэр, - сказал он, - я должен ненадолго покинуть вас. Я должен сообщить моему капитану о его неожиданных гостях. Но будьте готовы, я вернусь за вами через пару часов.

Мистер Говард заверил его, что будет готов.

- Мне почему-то не хочется покидать это очаровательное место, - продолжал офицер, снова поворачиваясь к Лейле. - Предположим, моя маленькая леди, мы позволим кораблю уплыть, и все останутся счастливы здесь вместе? Ах, я вижу, вы качаете головой, вы не одобряете мой план. Ну, тогда вставайте и собирайтесь, прекрасная леди. Одежда должна быть упакована, домашние животные должны быть пойманы. Нет времени, чтобы трава росла под вашими волшебными ногами. Adieu, adieu! Через мгновение он исчез.

В этой радостной суете и приготовлениях, которые увенчались успехом, у Лейлы поначалу не было времени для размышлений. Но когда она оказала посильную помощь, и ее самые любимые домашние животные были собраны, а другие отпущены на волю, чтобы свободно бродить по острову, не имея отныне любящей хозяйки, которая заботилась бы о них, полный прилив радости, который поначалу захлестнул ее сердце, стал несколько смешанным. Она чувствовала, что настал момент, когда нужно попрощаться с ее садом и пчелами и бросить последний взгляд на фонтан под деревом. Жужжание пчел перестало быть для нее веселым звуком, маленький ручеек, казалось, перестал течь, сверкая и поблескивая в солнечных лучах. Она прислушалась к его тихому напеву, — это была печальная музыка, — и, поспешно отвернувшись, она направилась к могиле Клары. Тут эмоции, с которыми она боролась, уступили место порыву горя, и, бросившись на травянистый холмик, теперь покрытый цветами, она воскликнула:

- Клара, я должна оставить тебя ... оставить тебя ... никогда больше не вернусь! Ты находишься на небесах, и небеса повсюду. Да, Клара, ты - Божье дитя, и разве я не буду тоже Божьим чадом, если всегда буду любить Его, как сейчас, и молиться Ему? Сейчас Он посылает меня в Англию, но когда я буду спать, ты будешь приходить ко мне во сне. А когда Он заберет меня на небеса, мы будем вместе, и никогда больше не будем горевать.

Она медленно поднялась и оглядела все вокруг. Солнце опускалось за море. Его длинные лучи, казалось, тоже прощались с окружавшими ее красотами.

- Он воскреснет, - прошептала она, - и все будет казаться радостным, но я буду далеко. Она склонилась над тонким цветком, который снова распускался. Она смотрела, как он распускается и увядает. Его бледный слабоокрашенный оттенок, напомнил ей мгновенный румянец на щеке Клары, и она назвала его цветком Клары. Теперь она осторожно собрала раскрывающиеся цветы и положила их себе на грудь. В этот момент легкий шорох в соседних зарослях заставил ее поднять голову, и маленький козленок,

наслаждаясь непривычной свободой, подскочил к ней и начал лизать ее руки. Лейла обхватила его руками.

- И тебе тоже пора уходить, - сказала она, - тогда позволь мне накормить тебя в последний раз.

И, собрав немного нежной травы, она покормила его из своей руки. Затем, поднявшись и бросив последний взгляд на могилу Клары, она отвернулась. Но козленок упорно следовал за Лейлой, и напрасно она оттолкнула его от себя.

- Нет, - сказала она наконец, - я не могу расстаться с тобой. Конечно, должно быть место еще для одного.

Не прошло и двух часов, как их добросердечный друг снова появился в сопровождении нескольких матросов, чтобы помочь им , и вскоре лодка с драгоценным грузом весело заплясала на маленьких волнах. Мистер Говард и Лейла были слишком взволнованы, чтобы говорить. Няня плакала и смеялась по очереди, а Дэш и Селина с разными птицами и животными выражали свое удовлетворение по-разному, причем попугай брал на себя большую часть разговора и неоднократно уверял своих молчаливых слушателей, что он - прелестное создание.

Это все еще казалось Лейле всего лишь сном, когда она вдруг обнаружила, что ее подняли на борт и поставили на палубу. Маленькая девочка стояла в нетерпеливом ожидании. Она казалась другой Кларой, но не такой бледной. Лейла бросилась вперед, и через мгновение они уже были в объятиях друг друга.

Мне нет нужды продолжать свой рассказ. Прошение о том, чтобы воля Божья даровала им скорое и благополучное путешествие, было частью вечерней молитвы мистера Говарда. Это было прошение благочестивого и благодарного сердца, и оно было полностью удовлетворено.

Об обнаруженных ошибках и недочетах пишите на мой адрес: gendalf494@yandex.ru

с любовью для Господа
Самойлов Р.